

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (6)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2010**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

LEGAL SCIENCES

№ 2 (6)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2010**

Редакционный совет:

<i>Рябов В.В.</i> председатель	ректор ГОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	проректор по научной работе ГОУ ВПО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Атанасян С.Л.</i>	проректор по учебной работе ГОУ ВПО МГПУ, доктор педагогических наук, профессор
<i>Русецкая М.Н.</i>	проректор по инновационной деятельности ГОУ ВПО МГПУ, доктор педагогических наук, профессор

Редакционная коллегия:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	профессор кафедры теории и истории государства и права ГОУ ВПО МГПУ, доктор юридических наук
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	заведующий кафедрой теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Ершова Е.А.</i>	заведующий кафедрой гражданского права ГОУ ВПО МГПУ, доктор юридических наук, профессор
<i>Ростокинский А.В.</i>	заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ГОУ ВПО МГПУ, кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	декан юридического факультета ГОУ ВПО МГПУ, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ГОУ ВПО МГПУ
<i>Пряхина Т.М.</i>	профессор кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин ГОУ ВПО МГПУ, доктор юридических наук
<i>Степанова Л.М.</i>	ответственный секретарь

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

e-mail: Vestnik@mgpu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Права человека: теория и практика реализации

- Алисиевич Е.С.* Право на благоприятную окружающую среду: перспективы принятия Протокола № 15 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод..... 10
- Ястребова А.Ю.* Право на свободу передвижения и его обеспечение в свете Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод..... 17
- Кузьмина А.В.* Человеческое достоинство и формирование правовых механизмов его защиты 23

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Ростиславлев Д.А.* Консервативная критика либерального учения о государстве в сочинениях Л. де Бональда в период Реставрации и Июльской монархии 32
- Яровая М.В.* Инсигнии и регалии власти в Древнем Риме 41
- Меланченко И.В.* Правовое положение еретиков в поздней Римской империи (на материале конституций Кодекса Феодосия)..... 51
- Звонарев А.В.* Реформирование центральных органов управления сухопутными вооруженными силами Российской империи (1725–1740)..... 59
- Северухин В.А.* Подходы к пониманию государственности..... 66

Публичное право

- Калязин В.И.* Введение института священнослужителей в Вооруженных Силах Российской Федерации, проблемы и перспективы 73
- Пряхина Т.М., Розанова Е.В.* Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России..... 80

Частное право

- Кривенький А.И.* Защита субъективных прав физических лиц в международном частном праве: исторический и современный аспекты 88
- Никонова М.В.* Брачный договор как основа договорной регламентации имущественных отношений супругов 97
- Ефимова О.В., Котельников О.Л.* Проблемы правового определения инвестиций 105
- Глухов А.В.* Право работников на забастовку в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 111

Трибуна молодых ученых

- Крикунова А.А.* Защита социальных прав человека Европейским судом по правам человека 118
- Куракина Ю.В.* Права человека и права гражданина: теоретические вопросы взаимодействия 125

Научная жизнь

- Гаврилова Ю.В.* Материалы межвузовской конференции «Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика» 133

Критика. Рецензии. Библиография

- Мозговой С.А.* Рецензия на монографию С.А. Бурьянова «Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в РФ» 140

Авторы «Вестника МГПУ» серии «Юридические науки»,

- 2010, № 2 (6) 143

CONTENTS

Human Rights: Theory and Practice of Realisation

<i>Alisievich E.S.</i> The Right to Favorable Environment, Prospects of Passing Protocol 15 in the European Convention about the Protection of Human Rights and Basic Freedoms	10
<i>Yastrebova A.Yu.</i> The Right to Freedom of Movement and its Guarantees in the Light of the European Convention about the Protection of Human Rights and Basic Freedoms	17
<i>Kuz'mina A.V.</i> The Human Dignity and Creating the Law Mechanisms of its Protection.....	23

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Rostislavlev D.A.</i> Conservative Criticism of the Liberal Doctrine about the State in the Works by L. de Bonald during the Restoration and July Monarchy Periods	32
<i>Yarovaya M.V.</i> Insignia and Regalia of Rule in Ancient Rome	41
<i>Melanchenko I.V.</i> The Legal Status of Heretics in the Late Roman Empire (on the Material of the Theodosius Code)	51
<i>Zvonaryov A.V.</i> Restructuring the Central Bodies of Armed Land Forces Administration in the Russian Empire (1725–1740).....	59
<i>Severuxin V.A.</i> Approaches to Understanding the National Statehood.....	66

Public Law

<i>Kalyazin V.I.</i> Introducing the Clergy Institution in the Armed Forces of the Russian Federation, Problems and Prospects	73
<i>Pryaxina T.M., Rozanova E.V.</i> The European Court Decision on Human Rights in Russian Legal System	80

Private Law

- Kriven'kij A.I.* The Protection of Physical Persons' Legal Rights
in International Private Law, Historical and Contemporary Aspects 88
- Nikonova M.V.* Marriage Contract as the Basis for the Contract Regulation
of Spouses' Property Relation 97
- Efimova O.V., Kotel'nikov O.L.* The Problems of Legal Definition
of Investments..... 105
- Gluxov A.V.* The Right of Employees to Go on Strikes in the Decisions
of the Constitutional Court of the Russian Federation 111

Young Scientists' Platform

- Krikunova A.A.* The Protection of Human Social Rights by the European
Court of Human Rights..... 118
- Kurakina Yu.V.* The Human Rights and the Rights of a Citizen.
The Theoretical Matters of Their Interaction 125

Scientific Life

- Gavrilova Yu.V.* The Material of the Interuniversity Conference
“The Rights and Freedoms of a Person and a Citizen, Theoretical
Aspects and Law Practice” 133

Critical Survey. Reviews. Bibliography

- Mozgovoy S.A.* The Review about the Monograph by Buryanov S.A.
“The Realization of Constitutional Freedom of Conscience and Faith
in the Russian Federation” 140

- MGPU Vestnik authors, series “Legal Sciences”. 2010, № 2 (6)..... 143**

Посвящается заслуженному деятелю науки Российской Федерации, лауреату премии им. М.В. Ломоносова II степени, доктору юридических наук, профессору Марченко Михаилу Николаевичу в честь 70-летия

Михаил Николаевич Марченко

М.Н. Марченко родился 11 августа 1940 г. в станице Воронежской Краснодарского края. В 1967 году окончил юридический факультет Московского государственного университета.

После окончания аспирантуры по кафедре теории государства и права и защиты кандидатской диссертации в 1972 году занимал должности профессорско-преподавательского состава юридического факультета МГУ. В 1981 году защитил докторскую диссертацию. В период с 1982 года по 1992 год возглавлял юридический факультет МГУ. В настоящее время является заведующим кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ, председателем диссертационного совета по защите докторских диссертаций, Президентом Ассоциации юридических вузов России, членом редколлегии журналов «Государство и право», «Правоведение», «Вестник МГУ» (Серия 11. Право), «Журнал российского права». Принимает участие в работе правовых комиссий при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, является советником Конституционного Суда Российской Федерации.

М.Н. Марченко читает общие и специальные курсы: Теория государства и права, Сравнительное правоведение, Право Европейского союза. Выступал с лекциями в ряде университетов США, в Сиднейском университете (Австралия), в Шанхайском университете (КНР), в университете Васэда (Япония), а также в вузах ряда других зарубежных стран. В течение 10 лет сотрудничает с юридическим факультетом МГПУ, занимает должность профессора кафедры теории и истории государства и права, ведет занятия по программам магистерской подготовки.

М.Н. Марченко — автор более 350 научных работ, в том числе монографий, учебников по теории государства и права, сравнительному правоведению и политологии. Среди них авторский учебник «Теория государства и права», «Сравнительное правоведение», «Проблемы теории государства и права», «Источники права», «Право европейского союза», монография «Правовые системы современного мира», «Судебное правотворчество и судебское право». При непосредственном участии и под редакцией М.Н. Марченко был подготовлен двухтомный академический курс «Общая теория государства и права». По монографиям и учебникам выдающего учёного обучаются поколения студентов и аспирантов юридических вузов России и ряда стран СНГ

Научным трудам и учебным пособиям М.Н. Марченко присущи глубина раскрытия проблем, удивительная ясность и простота изложения материала.

М.Н. Марченко отличается подлинной интеллигентностью, личной скромностью, уважительное отношение к коллегам, к ученикам — студентам, аспирантам, докторантам.

Коллектив юридического факультета МГПУ поздравляет Михаила Николаевича Марченко с юбилеем, желает крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов!

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ**

Е.С. Алисиевич

**Право на благоприятную окружающую среду: перспективы принятия
Протокола № 15 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод**

Статья представляет собой тезисы доклада, изложенные на межвузовской научно-практической конференции «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: история и практика применения», состоявшейся на юридическом факультете МГПУ 19 ноября 2009 года. Автор рассматривает перспективы принятия Протокола № 15 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющего право на здоровую и жизнеспособную окружающую среду.

Ключевые слова: право на благоприятную окружающую среду; европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; Протокол № 15; Европейский суд по правам человека; рекомендации ПАСЕ (Парламентской Ассамблеи Совета Европы).

30 сентября 2009 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) приняла Рекомендацию 1885 (2009), предложив Комитету министров Совета Европы приступить к разработке дополнительного, 15-ого Протокола к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ). Протокол направлен на расширение каталога прав и свобод человека, гарантируемых ЕКПЧ и действующими Протоколами к ней, за счет права на здоровую и жизнеспособную окружающую среду (the right to a healthy and viable environment).

В настоящее время право на благоприятную окружающую среду лишь косвенно обеспечивается Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ), который, опираясь на нормы «мягкого» международного экологического права [1: с. 30], а также используя право толковать нормы ЕКПЧ применительно к обстоятельствам конкретного дела, рассматривает соответствующее право в контексте жалоб на нарушение права на жизнь (ст. 2), запрещения

пыток (ст. 3), права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6), права на уважение частной и семейной жизни (ст. 8), свободы выражения мнения (ст. 10), права на эффективные средства правовой защиты (ст. 13), а также права собственности (ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ). Однако даже опосредованного рассмотрения нарушений права на благоприятную окружающую среду оказалось достаточно, чтобы в практике ЕСПЧ объем дел, которые *de facto* касаются соответствующего права, стал настолько значителен, что позволяет делить жалобы данной категории на подгруппы.

Например, ряд жалоб, рассмотренных ЕСПЧ, был связан с деятельностью предприятий, осуществляющих переработку отходов. Так, в Постановлении по делу «Лопес Остра против Испании» ЕСПЧ отметил, что «серьезное загрязнение окружающей среды может нанести ущерб благополучию отдельных лиц и помешать им пользоваться своими домами таким образом, чтобы это не сказывалось отрицательно на их частной и семейной жизни». Дела «Гуерра и др. против Италии» и «Стоктон и др. против Соединенного Королевства» были связаны с негативным воздействием химической промышленности и использованием вредных химических веществ, а дела «Фадеева против России» и «Ледяева и др. против России» образуют практику ЕСПЧ по делам, касающимся права на благоприятную окружающую среду, нарушаемого негативными последствиями деятельности металлургических предприятий. Рассматривая жалобы, имеющие непосредственное отношение к праву на благоприятную окружающую среду, ЕСПЧ подтвердил обязательство государства проводить должные исследования до того, как разрешить такой вид деятельности, который мог бы нанести ущерб окружающей среде, а также доводить результаты этих исследований до общественности. Кроме того, ЕСПЧ установил нарушение права на жизнь в деле, в рамках которого власти не предприняли профилактических действий, зная о повышенном риске в результате схода селевых потоков, и не проинформировали об этом население.

Таким образом, нарушение права на благоприятную окружающую среду, не являясь самостоятельным основанием для обращения в ЕСПЧ, фактически гарантируется ЕКПЧ через прецедентное право ЕСПЧ. Протокол, который предложено разработать Комитету министров Совета Европы, призван восполнить существующий пробел, поскольку инициатива ПАСЕ направлена на закрепление *de jure* того, что давно существует *de facto*.

Рекомендация, одобренная ПАСЕ 30 сентября 2009 г., не первая попытка этого органа расширить каталог прав и свобод человека, гарантируемых ЕКПЧ. В 2003 г. ПАСЕ приняла Рекомендацию № 1614 (2003) «Окружающая среда и права человека», подчеркнув важность «здоровой, жизнеспособной и достойной окружающей среды».

Согласно Рекомендации, проявляя соответствующую инициативу, ПАСЕ, прежде всего, руководствовалась уровнем развития международного права в области окружающей среды и прав человека, а также европейского прецедентного права, особенно права ЕСПЧ в отношении позитивных обязательств

государств в области охраны от неблагоприятных экологических факторов, вредных или опасных для здоровья. Этот уровень свидетельствует о том, что пришло время рассмотреть правовые пути защиты окружающей среды при помощи системы защиты прав человека.

По мнению ПАСЕ, Совет Европы, который всегда одним из первых признавал и защищал права человека, должен и в этой области стать первопроходцем и признать соответствующие процессуальные гарантии от произвольного нанесения ущерба окружающей среде, поскольку многие государства-члены Совета Европы уже закрепили принцип охраны окружающей среды в своих конституциях, тем самым выразив желание обеспечить более широкое юридическое признание экологических прав.

Включение в каталог прав человека, закрепленных в ЕКПЧ, положения о признании процессуальных прав индивида, должно укрепить защиту окружающей среды, поэтому ПАСЕ рекомендовала государствам-членам Совета Европы:

обеспечить надлежащую защиту жизни, здоровья, семейной и частной жизни, физической неприкосновенности и частной собственности лиц, защищаемых согласно ст. 2, 3, 8 ЕКПЧ и ст. 1 Протокола №1 к ней, в том числе принимая во внимание необходимость охраны окружающей среды;

признать право человека на здоровую, жизнеспособную и достойную окружающую среду, которое включает объективную обязанность государств охранять окружающую среду в соответствии с национальным законодательством;

гарантировать процессуальные права человека на доступ к информации, участие общественности в процессе принятия решений и доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды и изложенным в Орхусской конвенции;

стремиться к гармонизации законодательств об охране и безопасности окружающей среды государств-членов Совета Европы.

В свою очередь, Комитету министров Совета Европы ПАСЕ рекомендовала подготовить Дополнительный протокол к ЕКПЧ о признании процессуальных прав индивида, а в качестве временной меры на период подготовки к разработке Дополнительного протокола подготовить для государств Рекомендацию:

разъясняющую, каким образом на основании ЕКПЧ обеспечивается защита индивида от деградации окружающей среды;

содержащую предложение признать на национальном уровне право человека на участие в процессе принятия решений по вопросам, касающимся окружающей среды;

указывающую на приоритетность широкого толкования права на эффективные средства правовой защиты, закрепленного в ст. 13 ЕКПЧ, по делам, связанным с окружающей средой.

Однако Комитет министров Совета Европы не поддержал ПАСЕ, заявив, что, несмотря на то, что ни в ЕКПЧ, ни в Протоколах к ней прямо не закреплено право на здоровую и жизнеспособную окружающую среду, ЕКПЧ косвенно гарантирует это право через толкование норм ЕКПЧ ЕСПЧ. По мнению

Комитета министров СЕ, прецедентного права ЕСПЧ, которое постоянно развивается, охватывая все новые аспекты права на здоровую и жизнеспособную окружающую среду, достаточно для обеспечения должного уровня защиты соответствующего права, поэтому принятие дополнительного Протокола к ЕКПЧ в настоящее время не представляется целесообразным.

Между тем, предложение ПАСЕ было и остается актуальным не только в контексте развития права Совета Европы, но в контексте универсальной тенденции признания и формального закрепления тесной взаимосвязи и взаимозависимости между окружающей средой и правами человека, основы которой были заложены еще в Принципе I Декларации конференции ООН по проблемам среды, окружающей человека, 1972 г.: человек имеет право «на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь». Стокгольмская декларация стала первым, но далеко не единственным международно-правовым актом, в котором подчеркивается взаимосвязь между окружающей средой и правами человека.

Например, согласно Принципу I Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г.: «Забота о человеке является центральным звеном в деятельности по обеспечению устойчивого развития. Люди имеют право жить в добром здравии и плодотворно трудиться в гармонии с природой».

В ст. 1 Конвенции ООН о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхус, 1998 г.) говорится: «Для содействия защите права каждого человека нынешнего и будущих поколений жить в окружающей среде, благоприятной для его здоровья и благосостояния, каждая сторона гарантирует право на доступ к информации, на участие общественности в процессе принятия решений и на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды». В ст. 9 Орхусской конвенции подчеркивается, что право на доступ к правосудию призвано обеспечить правовую поддержку лицам, не получающим от государственных органов достаточно убедительных ответов на запросы, касающиеся информации об экологии.

В универсальных договорах по правам человека, несмотря на отсутствие прямого закрепления права на благоприятную окружающую среду, взаимосвязь между окружающей средой и целым комплексом прав человека четко прослеживается.

Так, согласно ч.2 (с) ст. 24 Конвенции ООН о правах ребенка государства принимают необходимые меры для борьбы с болезнями и недоеданием путем «предоставления достаточно питательного продовольствия и чистой питьевой воды, принимая во внимание опасность и риск загрязнения окружающей среды».

Наконец, право на благоприятную окружающую среду прямо упомянуто в ст. 24 Африканской Хартии прав человека и народов 1981 г.: «Все народы имеют право на общую удовлетворительную окружающую среду, благоприятную для их развития», в ст. 11 Протокола об экономических, социальных и культурных правах (Сан-Сальвадорского протокола) 1988 г. к Американской

конвенции по правам человека, согласно которой каждый имеет право на здоровую окружающую среду, а также в Конституциях многих государств, в том числе Российской Федерации (ст. 42).

В Хартию Европейского Союза об основных правах в редакции, одобренной 12 декабря 2007 г. в Страсбурге, также включены гарантии защиты окружающей среды. Согласно ст. 37 Хартии, частью политики Европейского Союза должно стать обеспечение высокого уровня защиты и «качества» окружающей среды.

В настоящее время в рамках Совета Европы действует несколько конвенций, посвященных защите окружающей среды. Среди них Бернская конвенция о сохранении европейской дикой природы и естественных сред обитания 1979 г., Конвенция о гражданской ответственности за действия, представляющие опасность для окружающей среды 1993 г. и Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного права 1998 г.

В Конвенции о гражданской ответственности за ущерб, нанесенный в результате деятельности, опасной для окружающей среды, от 21 июня 1993 г. раскрывается содержание понятия «окружающая природная среда», которое согласно п. 10 ст. 2 Конвенции включает следующие компоненты: живые и неживые природные объекты, в том числе воздух, вода, земля, фауна и флора в их взаимодействии, культурные ценности, составляющие часть культурного наследия, отличительные характеристики ландшафта.

В ряде документов Совета Европы упоминается право на получение информации об окружающей среде. Так, в Резолюции 1087 (1996) «О последствиях Чернобыльской катастрофы» ПАСЕ признала, что доступ общественности к полной и ясной информации об авариях на атомных электростанциях должен рассматриваться как основное право человека (п. 4). Согласно п. 1 ст. 14 Части III Конвенции любое лицо имеет право на доступ к такой информации, находящейся в распоряжении органов публичной администрации. Информация предоставляется по просьбе лица, которое не обязано доказывать свою заинтересованность в ее получении. Доступ к информации может быть ограничен в соответствии с внутренним правом, однако только в строго определенных случаях, например, если эта информация затрагивает: государственную безопасность; вопросы, являющиеся предметом дисциплинарного или уголовного расследования; конфиденциальные персональные данные; материалы, при раскрытии которых не исключена вероятность нанесения ущерба окружающей среде, и некоторых других случаях.

В рамках своей очередной сессии (28 сентября – 2 октября 2009 г.) ПАСЕ вновь предложила Комитету министров Совета Европы приступить к разработке 15-ого Протокола к ЕКПЧ.

В Рекомендации «О разработке Дополнительного Протокола к Европейской Конвенции по правам человека, посвященного праву на здоровую окружающую среду» ПАСЕ заявила, что «жить в здоровой окружающей среде — это не только основополагающее право, но и обязанность граждан». Между

тем, несмотря на то, что некоторые экологические ресурсы невозполнимы, а деградация экологии часто необратима и выходит далеко за пределы национальных границ, гарантии защиты окружающей среды по-прежнему неадекватны, поэтому государствам необходимо развивать сотрудничество в области защиты окружающей среды, в том числе, разделяя ответственность в случае нанесения этой среде ущерба.

В Рекомендации ПАСЕ 1885 (2009) не раскрывается содержание и объем права на здоровую окружающую среду, однако, согласно Пояснительному меморандуму к Проекту Рекомендации в этом праве можно выделить два аспекта: процессуальный и материальный.

Процессуальный аспект включает три элемента: право на информацию, право участвовать в принятии решений и право на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды.

Материальный аспект этого права определить сложнее, поскольку вопрос об объеме понятия «окружающая среда» и, следовательно, об объеме и уровне защиты, который необходимо гарантировать для обеспечения должного уважения права на здоровую окружающую среду, остается дискуссионным. Однако это не препятствует включению соответствующего права в каталог прав человека, закрепленный в ЕКПЧ, так как ЕСПЧ, в процессе рассмотрения жалоб, раскрывает его смысл и содержание, опираясь на ключевые принципы защиты окружающей среды, которые сегодня разделяет подавляющее большинство государств-участников ЕКПЧ: принцип предупреждения; принцип предотвращения и компенсации (часто в форме выплат государства, загрязняющего окружающую среду), принцип устойчивости и уважения прав будущих поколений.

Исходя из принципа солидарности поколений, ПАСЕ подчеркнула, что общество в целом, а также каждый индивид в частности, обязаны передать будущим поколениям здоровую и жизнеспособную окружающую среду, поэтому государствам-членам Совета Европы рекомендуется:

обеспечить адекватную защиту жизни, здоровья, физической неприкосновенности и собственности индивида в соответствии со ст. 2, 3 и 8 ЕКПЧ;

создать информационные системы, посвященные окружающей среде и везде, где это возможно, поощрять участие общества в процессе принятия решений;

сотрудничать и разделять ответственность в случае нанесения ущерба окружающей среде.

Комитету министров Совета Европы ПАСЕ рекомендовала разработать дополнительный Протокол к ЕКПЧ о праве на здоровую и жизнеспособную окружающую среду.

Комитет министров Совета Европы пока не высказал свое мнение относительно предложения ПАСЕ, однако расширение каталога прав и свобод человека, гарантируемых ЕКПЧ, за счет права на здоровую и жизнеспособную окружающую среду, представляется своевременным и целесообразным. Протокол свидетельствовал бы о новом уровне развития права Совета Европы,

как в области защиты окружающей среды, так и в сфере обеспечения прав человека, закрепив их очевидную взаимосвязь в основополагающем европейском акте о правах человека — ЕКПЧ. При этом, согласно Рекомендации ПАСЕ 1885 (2009) Протокол № 15 к ЕКПЧ будет обращен в будущее, поскольку в нем предполагается закрепить право, относящееся к так называемому четвертому поколению прав человека, эффективное осуществление которых необходимо для общества будущего, поскольку признание права на здоровую окружающую среду отвечает принципу солидарности поколений. Обеспечение этого права на основании ЕКПЧ позиционируется как результат эволюции концепции прав человека в рамках Совета Европы, отражающий и отвечающий современному уровню развития европейского общества, без которого сегодня каталог прав человека, закрепленных в ЕКПЧ, не может быть полным.

Литература

1. *Копылов М.Н.* К вопросу об эффективности норм «мягкого» международного экологического права / М.Н.Копылов // Экологическое право. – М.: Юрист, 2006. – № 6. – С. 30–33.

Alisievich E.S.

The Right to Favorable Environment, Prospects of Passing Protocol 15 in the European Convention about the Protection of Human Rights and Basic Freedoms

The article reveals the main points presented at the interuniversity academic and research conference “European convention about the protection of human rights and basic freedoms, their history and application” which was held at Law faculty, MCPU, November, 19, 2009. The author considers the prospects of passing Protocol 15 in the European Convention about the protection of human rights and basic freedoms giving the right to healthy and viable environment.

Key words: the right to favorable environment; the European Convention about the protection of human rights and basic freedoms; Protocol 15; the European Court of Human rights; the recommendations of PAEU (The Parliamentary Assembly of the European Union).

Reference

1. *Kopy'lov M.N.* K voprosu ob e'ffektivnosti norm «myagkogo» mezhdunarodnogo e'kologicheskogo prava / M.N. Kopy'lov // E'kologicheskoe pravo. – M.: Yurist, 2006. – № 6. – S. 30–33.

А.Ю. Ястребова

Право на свободу передвижения и его обеспечение в свете Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод

Статья представляет собой тезисы доклада, изложенные на межвузовской научно-практической конференции «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: история и практика применения», состоявшейся на юридическом факультете МГПУ 19 ноября 2009 года. Автор рассматривает особенности содержания и обеспечения в свете Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод права на свободу передвижения.

Ключевые слова: право на свободу передвижения; миграция; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; Протокол № 4; Европейский суд по правам человека.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. а также Протокол № 4 к ней об обеспечении некоторых других прав и свобод 1963 г. (с изменениями 1994 г.) применяют термин «каждое лицо» к их пользователю. Статья 2 Протокола гласит, что каждый человек, находящийся на законных основаниях на территории какого-либо государства, обладает в ее пределах правом на свободу передвижения (п. 1) и может свободно покидать любую страну, включая свою собственную (п. 2). Отметим, что и статья 12 Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. содержит практически идентичные нормы. Таким образом, международные принципы и универсального, и регионального уровня предполагают гарантии права на свободу передвижения для собственных и иностранных граждан в стране, участвующей в указанных соглашениях, и также для лиц без гражданства, находящихся на ее территории.

Западные ученые говорят о том, что «необходимо обеспечить право на свободу передвижения вообще, так как в мире, которому свойственно широкое развитие миграций, мобильность является ресурсом, доступ к которому должен иметь каждый» [2: с. 7]. Е.М. Павленко указывает на то, что «индивидуализм, в контексте которого развивались представления о правах человека на Западе, не был присущ российскому обществу. Эти обстоятельства оказывали серьезное влияние на формирование в России культуры прав человека и конституционного правосознания...» [3: с. 6]. Представляется, что призна-

ние и использование комплекса прав, связанных со свободой передвижения, в отношении «чужих» граждан, тоже тесно связано с правовой культурой государства и гражданского общества и их готовностью обеспечивать защиту иммигрантов, обладающих соответствующим правовым статусом. Здесь мы остановимся на проблемах, связанных с внешней миграцией.

Конституционно-правовые механизмы миграции в РФ могут быть представлены как право на свободу передвижения (ст. 27 Конституции РФ), так и право искать и получать политическое убежище на ее территории, в соответствии с общепризнанными нормами международного права (ч. 1 ст. 63 Конституции). Как известно, сам институт прав человека предполагает взаимодействие и сочетание права государства и права индивида. Любая государственная система управления миграцией берет этот подход как основу применительно к праву на передвижение.

С точки зрения международного права, базис составляют правоотношения между государствами, участвующими в миграционном обмене, и международными межправительственными организациями в области миграции. Безусловно, совместной сферой международного и конституционного права выступают отношения, которые складываются между индивидом и государством его иммиграции.

Миграция населения составляет определенное значимое направление политической стратегии Российской Федерации. Нужно сказать, что определение вынужденного или добровольного типов миграции формируют принципиально различные подходы к управлению ими. Наиболее уязвимыми категориями, подлежащими защите прежде всего, являются лица, находящиеся в процессе вынужденного перемещения. Т.Н. Юдина пишет: «Вынужденное перемещение выступает в различных формах: поток беженцев, массовый исход; поток лиц, ищущих убежище; массовая высылка, в том числе и в результате этнической чистки; перемещение в результате бедствий и катастроф; перемещение как вынужденная, или недобровольная миграция; перемещение внутри страны; недобровольная репатриация; насильственное возвращение и др.» [6: с. 38]. Конвенция 1951 г. о статусе беженцев, к которой присоединилась РФ, дает достаточно ограниченное по отношению к современной миграционной ситуации понятие вынужденного перемещения.

Итак, мы можем говорить о праве индивида в институте миграции как о свободе въезда и выезда, получении определенного правового статуса и его гарантиях в государстве пребывания.

Конституционно-правовая сфера иммиграции в России сегодня представлена Федеральными законами о беженцах и вынужденных переселенцах (в редакции 1997 г.), о правовом положении иностранных граждан № 115-ФЗ (в редакции 2006 г.) и о миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства № 109-ФЗ. Статья 2 Федерального закона о правовом положении иностранных граждан определяет законно находящегося в РФ иностранного

гражданина как лицо, имеющее действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные документы, подтверждающие его право на пребывание или проживание в РФ. Статья 20 Федерального закона о миграционном учете № 199-ФЗ в части 3 содержит требование к иностранному гражданину представить уведомление о прибытии в органы миграционного учета не позднее: 7 рабочих дней со дня его въезда в случае постоянного проживания в РФ, или 3 рабочих дней, если он временно пребывает здесь.

Одновременно, глава 18 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) устанавливает составы правонарушений в области обеспечения режима пребывания иностранных граждан на территории РФ. К ним, в частности, относится: нарушение режима государственной границы РФ; нарушение иностранным гражданином иммиграционных правил; незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина и незаконная деятельность по трудоустройству граждан РФ за границей.

Меры административной ответственности применяются к должностным лицам, на которых возложено выполнение функций по приему и трудоустройству иностранных граждан в РФ и к гражданам РФ, приглашающих их в частном порядке. Они также налагаются на самих иностранных граждан или на лиц без гражданства. Санкциями за указанные правонарушения могут быть административный штраф, арест или выдворение (согласно статье 3.10 КоАП принудительное и контролируемое перемещение указанных граждан и лиц через государственную границу Российской Федерации или контролируемый самостоятельный выезд иностранных граждан и лиц без гражданства с ее территории) за пределы РФ. Подводя итоги первого квартала 2009 г., директор ФМС России К.О. Ромодановский оценил число выявленных иностранных граждан, незаконно находящихся на территории РФ, в 54 600 человек; при этом акт административного выдворения был применен только к 4 100 мигрантам; по фактам выявленных нарушений иммиграционного законодательства РФ составлено около 350 000 протоколов [5: с. 10].

Статья 4 Протокола № 4 к Европейской конвенции о правах человека запрещает коллективную высылку иностранцев. Поскольку указанная норма направлена на предотвращение выдачи беженцев и лиц, ищущих убежище, с территории принимающего государства, мы вправе связать ее с соответствующими положениями ст. 32 и ст. 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 г. По статистическим данным ФМС, в первой половине 2009 г. 1 156 человек обратились с ходатайством о предоставлении такого статуса; 106 из них были признаны беженцами; временное убежище было предоставлено 949 гражданам стран ближнего и 152 — дальнего зарубежья.

Сегодня иммиграционная политика РФ направлена на высокий уровень трудовой миграции. Согласно Постановлению Правительства РФ № 835 от 7 ноября 2008 г., на период 2009 г. установлена квота на выдачу иностран-

ным гражданам 3 976 747 разрешений на работу в РФ. Тем не менее, это не снизило трудовую иммиграцию, в РФ, по примерным экспертным подсчетам, она составляет от 4 до 5 млн. человек [4: с. 13].

Представляется, что массовые депортации незаконных трудовых мигрантов не снизят количество иностранных граждан (сейчас в основном представляемых такими странами, как Узбекистан, Таджикистан, Китай), желающих получить работу в РФ. Помимо этого, административное выдворение должно осуществляться на индивидуальной, а не коллективной основе, для чего необходимо сделать более детальным иммиграционный контроль и при въезде в РФ, и при последующем пребывании трудящихся-мигрантов на ее территории.

Положение о пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих передаче в соответствии с международными договорами РФ от 15 июля 2009 г. (утверждено Постановлением Правительства № 555), предписывает содержать таких лиц до исполнения решения о реадмиссии в специальных учреждениях ФМС.

Региональной международной моделью правовой интеграции стран по пресечению незаконной внешней миграции служит механизм Шенгенских Соглашений 1985 и 1990 гг. Как известно, основной целью такого механизма является максимальное упрощение пересечения внутренних границ Европейского Союза для собственных граждан. Однако принцип единого межгосударственного пространства сочетается с жесткими формами организации унифицированного иммиграционного контроля над гражданами третьих стран.

Соглашения о реадмиссии (возврате, транзите и приеме) незаконных мигрантов, которые ЕС инициировал со странами Центральной и Восточной Европы, Балтии и СНГ, значительно усложняют процесс приема для иностранных граждан. При этом проблемы определения правового статуса лиц, въезжающих нелегально, переданы странам-партнерам ЕС. Если допуск к процедурам признания лиц, ищущих убежище, приобретает условный характер, то трудно ожидать от государств Шенгенской зоны соблюдения запрета на коллективную высылку иностранцев. Эксперты отмечают, что «обсуждение транзитной миграции... совпало со стремлением Европы договориться с не входящими в ЕС соседними странами о возвращении мигрантов на родину, их депортации и политике повторной миграции. Страны ЕС попросту «сбрасывают» нежелательных иммигрантов на территорию своих соседей» [1: с. 42].

Соглашение Евразийского экономического сообщества о взаимных безвизовых поездках граждан, подписанное 30 ноября 2000 г. правительствами Беларуси, Казахстана, Киргизии, РФ и Таджикистана, действует к настоящему моменту совместно с приложениями от 24 марта 2005 г. Ими установлен перечень документов, необходимых для передвижения граждан каждого государства-участника. Кроме того, процессы миграционного обмена обусловили создание двусторонних договоров РФ с Арменией, Азербайджаном, Украиной, Молдовой о взаимных безвизовых поездках граждан. Эти механизмы упрощенного перемещения могли бы заложить основы создания единой, более

широкой, системы иммиграционного контроля на евразийском пространстве в виде открытого для заинтересованных стран регионального соглашения.

Принятие федеральных законов РФ № 109-ФЗ и 110-ФЗ было направлено на упрощение иммиграционных правил. Так, введен уведомительный порядок миграционного контроля за пребыванием трудящихся-мигрантов и процедуры личного получения прибывшими в безвизовом порядке иностранными гражданами разрешений на работу на территории РФ. Предполагалось, что эти правовые новации существенно сократят поток незаконной трудовой миграции.

Для обеспечения надлежащей практики применения иммиграционного законодательства иностранные трудящиеся-мигранты должны быть, как минимум, осведомлены о его нормах и процедурах, и точно следовать им. Однако, въехавшие из стран СНГ иммигранты предпочитают передавать свои обязанности по легализации т.н. «бригадирам», выполняющим функции посредников и, прежде всего, обеспечивающим собственные экономические интересы.

Кроме того, Трудовой Кодекс (ТК) РФ не предполагает специального правового регулирования трудовых отношений с участием работников-иностранцев. Общий принцип недискриминации, установленный статьей 3 ТК, означает, что иностранные трудящиеся-мигранты пользуются в РФ национальным режимом в сфере защиты труда и сопутствующих прав и свобод. В принципе, такой подход соответствует статье 18 Европейской социальной Хартии 1961 г., в которой страны-участницы определяют право своих граждан на выезд с целью трудовой деятельности на территории других сторон. И, тем не менее, в Приложении к Хартии (пересмотренной в 1996 г.) оговаривается, что перечень социальных прав трудящихся-мигрантов применим только к законно пребывающим иностранцам.

Человек, оказавшийся за пределами своей страны, ставит перед международным сообществом задачи его защиты с позиций основных прав и свобод. Европейские механизмы обеспечения права на свободу передвижения должны быть осмыслены как в плане их прямого действия, так и последовательной имплементации в национальной правовой системе. Осуществление международного и конституционного права человека на свободу передвижения может происходить как в области межгосударственного сотрудничества, так и в сфере формирования собственного иммиграционного законодательства и практики.

Литература

1. Дювель Ф. Транзитная миграция в Европу: обзор / Ф. Дювель // Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования / Сост. и ред. И. Молодиковой, Ф. Дювеля. – М.: Университетская книга, 2009. – 392 с.
2. Зайончковская Ж.А. Миграции без границ. Эссе о свободном передвижении людей / Сост. и ред. Ж.А. Зайончковская, Е. Тюрюканова. – М.: Адамант, 2009. – 291 с.
3. Павленко Е.М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России / Е.М. Павленко. – М.: Права человека, 2008. – 184 с.

4. *Зайончковская Ж.А.* Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Сост. и ред. Ж.А. Зайончковская, Г.С. Витковская. – М.: Адамант, 2009. – 412 с.
5. *Ромодановский К.О.* Деятельность ФМС России по регулированию процессов внешней трудовой миграции в условиях кризиса / К.О. Ромодановский // Миграция в современной России: состояние, проблемы, тенденции: сборник научных статей / Сост. и ред. К.О. Ромодановский, М.Л. Тюркина. – М.: ФМС России, 2009. – 319 с.
6. *Юдина Т.Н.* Миграция: словарь основных терминов: учебное пособие / Т.Н. Юдина. – М.: РГСУ, 2007. – 472 с.

Yastrebova A.U.

The Right to Freedom of Movement and its Guarantees in the Light of the European Convention about the Protection of Human Rights and Basic Freedoms

The article reveals the main points presented at interuniversity academic and research conference “European convention about the protection of human rights and basic freedoms, their history and application” which was held at Law faculty, MCPU, November, 19, 2009. The author considers the particularities of the contents and ensuring the right to freedom of movement, the protection of human rights and basic freedoms in the light of the European Convention.

Key-words: the right to freedom of movement; migration; European convention about the protection of human rights and basic freedoms; Protocol 4; Human rights European court.

References

1. *Dyuvel' F.* Tranzitnaya migraciya v Evropu: obzor / F. Dyuvell' // Tranzitnaya migraciya i tranzitny'e strany': teoriya, praktika i politika regulirovaniya / Sost. i red. I. Molodikovoj, F. Dyuvelya. – М.: Universitetskaya kniga, 2009. – 392 s.
2. *Zajonchkovskaya Zh.A.* Migracii bez granic. E'sse o svobodnom peredvizhenii lyudej / Sost. i red. Zh.A. Zajonchkovskaya, E. Tyuryukanova. – М.: Adamant, 2009. – 291 s.
3. *Pavlenko E.M.* Formirovanie kultury' prav cheloveka i konstitucionnogo pravosoznaniya v sovremennoj Rossii / E.M. Pavlenko. – М.: Prava cheloveka, 2008. – 184 s.
4. *Zajonchkovskaya Zh.A.* Postsovetские transformacii: otrazhenie v migracijax / Sost. i red. Z.A. Zajonchkovskaya, G.S. Vitkovskaya. – М.: Adamant, 2009. – 412 s.
5. *Romodanovskij K.O.* Deyatel'nost' FMS Rossii po regulirovaniyu processov vneshnej trudovoj migracii v usloviyax krizisa / K.O. Romodanovskij // Migraciya v sovremennoj Rossii: sostoyanie, problemy', tendencii: sbornik nauchny'x statej / Sost. i red. K.O. Romodanovskij, M.L. Tyurkina. – М.: FMS Rossii, 2009. – 319 s.
6. *Yudina T.N.* Migraciya: slovar osnovny'x terminov: uchebnoe posobie / T.N. Yudina – М.: RGSU, 2007. – 472 s.

А.В. Кузьмина

Человеческое достоинство и формирование правовых механизмов его защиты

Статья представляет собой тезисы доклада, изложенные на межвузовской научно-практической конференции «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: история и практика применения», состоявшейся на юридическом факультете МГПУ 19 ноября 2009 года. Автор раскрывает содержание и сущность человеческого достоинства и отмечает особенности формирования правовых механизмов его защиты в современной России.

Ключевые слова: человеческое достоинство; механизм правовой защиты; права человека; международная правосубъектность личности; европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод как концентрированное документально-юридическое воплощение уникальных ценностей европейского менталитета, европейской культуры, естественно, европейского права оказывала и оказывает сегодня комплексное влияние на российское правосознание, в том числе и на проблематику совершенствования механизмов правовой защиты человеческого достоинства, униженного перманентно воспроизводимым дисбалансом отношений личности и государства. Следует очень высоко оценить инициативу Информационного офиса Совета Европы в России и юридического факультета Московского городского педагогического университета по проведению столь значимой в научном и практическом плане интеллектуальной акции — конференции, посвященной юбилею Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Право человеческого, личностного достоинства — ядро объективного цивилизованного права, своеобразная субстанция объективированного духа, воли быть и быть достойным человеческого в человеке в любом контексте, в любой жизненной ситуации. Человеческое достоинство в социокультурном, общецивилизационном смысле есть благо и одновременно результат деяний личности и общества, человека и государства, есть воплощение в феномене «человеческое достоинство» идеи нравственности и права.

В субъективном смысле человеческое достоинство есть рефлексия себя в себе и себя в публичном мире. Субъективно-аксиологическая доминанта — априори предопределяет плюрализм в терминологии, выражающей содержа-

ние, смысл человеческого достоинства и одновременно усложняет процесс его правовой идентификации, процесс юридического диагностирования наличия или отсутствия человеческого достоинства.

В юридическом терминоведении не сформулировано универсально-приемлемое определение феномена «человеческого достоинства», хотя данные формулы встречаются в большинстве международных, национальных правовых документах, посвященных правам человека, занимая в текстах «привилегированное» положение.

Воспроизведем ряд положений международного и национального права, касающихся проблематики человеческого достоинства. Статья 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет: «Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечным, или унижающим его достоинство обращению или наказанию». Статья 1 Основного закона Федеративной Республики Германия презюмирует: «Человеческое достоинство неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всякой государственной власти». Статья 21 Конституции Российской Федерации гласит: «1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. 2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому и унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию».

Применяемые в юридических документах формулы о человеческом достоинстве, осмысление того, в каком контексте они используются, позволяет предполагать, что правовая сущность данного феномена выражается через ассоциации с социально-правовым статусом личности как юридически признаваемой и защищаемой ценности, как ценности не просто быть, а быть достойным человечности — человеком, с учетом определенных, достигнутых стандартов данной человечности — стандартов экономических, социальных, политических, духовно-нравственных. Но это лишь один аспект, одна грань понимания феномена человеческого достоинства.

Человеческое достоинство отнесено законодателем к нематериальному благу, которое, в идеале, неприкосновенно, уважаемо и защищено государством соответствующими правовыми ресурсами. Это уже другая грань восприятия человеческого достоинства. В человеческом достоинстве, как нам представляется, следует выделить и субъективно-личностную, саморефлексирующую составляющую. Человечески-универсальным достоинство конкретного человека становится лишь посредством рефлексии своего достоинства самим его носителем.

Человека нельзя принудить быть достойным человечности, по крайней мере, в пределах стандартного понимания данного феномена на уровне актуального массового сознания и его выражения в легитимных политических, юридических терминах. Человеческое достоинство может быть и часто бывает — обременительным для человека. Многим проще быть и жить на уровне «достойной» личности.

Стоит затронуть и еще одно важное теоретико-мировоззренческое положение о ментальных модификаторах юридикации понятия «человеческое до-

стоинство». С учетом ментального разнообразия мы никогда не придем к абсолютному консенсусу ученых-правоведов и практикующих юристов по поводу универсальной сущности человеческого достоинства. Для подтверждения данного тезиса достаточно внимательно почитать тексты Африканской хартии прав человека и народов, Исламской декларации прав человека и Арабской хартии прав человека.

Но в современном мировосприятии человека и человеческого в человеке, включая человеческое достоинство, доминируют представления, сложившиеся под воздействием европейских ментальных, социокультурных и иных интеллектуальных ресурсов. Сложившаяся в Европе концепция человеческого достоинства не идеальна и не универсальна. Но одновременно очевидны ее привлекательные стороны.

С позиции познавательной статики человеческое достоинство есть ценность и нематериальное благо. В деятельностно-поведенческом контексте человеческое достоинство выражается в особом типе цивилизованной деятельности, основанной на универсальных принципах морали, живого права и приносящей удовольствие-удовлетворенность самому деятелю. Как отмечает А.Л. Анисимов, «...честь и достоинство — понятия достаточно широкие, богатые по содержанию и глубоко диалектические по своей природе. Они могут восприниматься в сферах нравственного сознания (как чувства и как понятия), этики (как категории морали) и права (как защищаемые законом социальные блага)» [1: с. 9].

Стоит заметить, что феномен человеческого достоинства не в полной мере «умещается» в узких рамках социального и даже личного блага. Юридическая наука и юридическая практика вынуждены признавать сверхрациональный статус данного понятия, безусловно усложняющий и идентификацию проявлений человеческого достоинства, его многочисленных и перманентных нарушений, и выработку механизмов правовой защиты. Данное понятие следует отнести к типу оценочно-юридических терминов, содержание которого во многом предопределяется субъективностью автора и ситуативным контекстом.

Итак, человеческое достоинство есть оценочно-правовое понятие, выражающее статус и публичное поведение личности, отвечающее социокультурным, правовым стандартам коммуникативных отношений, уровня, качества, стиля жизни, удовлетворяющего правообладателя и защищенное правовым потенциалом государства.

В данном оценочно-правовом терминологическом ряду находятся юридические понятия «честь», «доброе имя», «деловая репутация».

В качестве юридически признаваемых фактов посягательства на человеческое достоинство международное и национальное право рассматривает различные виды, формы неадекватных действий по отношению к личности: неадекватного поведения, порочащих, оскорбительных высказываний, распространение ложных сведений. Так, в ныне действующем Семейном кодексе Российской Федерации (статья 65) записано: «При осуществлении родитель-

ских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей».

Пренебрежительное, а также жестокое, грубое, оскорбительное обращение одной личности или юридического лица с другой личностью выступают в качестве юридических фактов посягательства на человеческое достоинство как нематериальное благо и защищаемую законом ценность.

Типология этих фактов позволяет не только увидеть общую картину нарушения фундаментального права личности на достойное человека публичное сосуществование в мире физических и юридических лиц, но и выявить их доминирующие субъектно-объектные тенденции.

В качестве своеобразных жертв унижения человеческого достоинства в современной России выступают, прежде всего, дети, лица с ограниченными возможностями, малообеспеченные пенсионеры, лица, находящиеся в пенитенциарных учреждениях, безработные, женщины. «Привилегированными» субъектами, унижающими человеческое достоинство в современной России, впрочем, вероятно, как и во многих других странах, являются: государственная бюрократия; представители рыночного менеджмента; недобросовестные родители.

В современной России трудно найти физическое лицо, которое не прошло через суровые испытания униженностью своего человеческого достоинства. В последние годы заметны и позитивные изменения в этой нравственно-правовой сфере. Более конкретной и результативной становится борьба с бюрократическим чванством чиновников, с коррупцией в госструктурах, активизировалась правотворческая и правоприменительная деятельность в сфере защиты прав человека, достоинства личности, в этой работе более плодотворно участвуют институты, структуры гражданского общества, представители религиозных конфессий, демократически ориентированные СМИ. Но результаты пока не вселяют оптимизма. Они явно не сопоставимы со стандартами обеспечения достойного человеческого бытия, достигнутыми в большинстве западноевропейских стран, что, безусловно, актуализирует необходимость консолидации усилий по разработке более совершенного и эффективного механизма правоприменительной деятельности по защите человеческого достоинства как универсальной ценности.

Но на этом пути предварительно следует решить несколько теоретических, политико-правовых проблем. Одна из них связана с плюрализмом по поводу субъектности личности в сфере применения норм международного и отечественного права, в том числе и права человека. Как отмечает М.Ф. Лукьяненко, «науче известны четыре формы реализации права: соблюдение, исполнение, использование права, а также применение права как особая форма его реализации» [5: с. 27]. С этим трудно спорить. Но условия для дискуссий возникают, как только подобная классификация из мира науки продвигается в мир юридической практики. В нашем случае — к практике реализации права человека на человеческое достоинство. Возникает вопрос — в ка-

ких известных науке формах реализации права на человеческое достоинство следует выразить правовую субъектность заинтересованной личности?

В отечественном правоведении доминируют точки зрения о том, что основным правоприменителем является государство, а за личностью — физическим лицом закрепляется статус пользователя правом. По мнению доктора юридических наук С.В. Черниченко, «индивид... не находится на уровне межгосударственных отношений. Поэтому он не может быть наделен международной правосубъектностью» [7: с. 21]. Развивая и обосновывая данный тезис, автор пишет далее: «Международное право, бесспорно, если можно так выразиться, приближается к человеку. Оно во все большей степени начинает отражать интересы человека в целом. Неотложный характер приобретает задача создания максимально эффективных деполитизированных международных механизмов, обеспечивающих баланс между интересами государства и личности. Но путь к этому лежит не в отставании теории международной правосубъектности индивидов, а в поисках практических мер, способствующих успешному функционированию таких механизмов» [7: с. 26].

По поводу статуса личности в системе международных правовых отношений есть и другие точки зрения. Субъектность личности в международных правоотношениях достаточно аргументировано отстаивает известный отечественный правовед, специалист в сфере прав человека В.А. Карташкин, который пишет, что «развитие сотрудничества государств в области прав человека на универсальном и региональном уровнях с каждым годом расширяет объем прав, предоставляемых индивиду различными международными соглашениями. Этот процесс привел к тому, что индивид стал непосредственным субъектом международного права» [4: с. 100].

Актуализируя немецкую концепцию международного права, И.П. Антонов отмечает, что согласно данной концепции «классическое учение признает единственным субъектом международного права государство, отрицая эти свойства у индивида и рассматривая его только как носителя прав и обязанностей... Проблема международной правосубъектности индивида с возникновением института прав человека и института гражданства приобрела новые свойства. Международно-правовое значение для другого государства человек может приобретать, как правило, только тогда, когда государство флага и другое государство вступают в международные отношения, затрагивающие интересы индивида. Согласно немецкой концепции, физическое лицо может быть признано субъектом международного права, но с оговоркой его ограниченной правосубъектности. Следовательно, индивид не обладает международной правосубъектностью и не является первичным субъектом международного права. Он наделен правами и обязанностями по отношению к государству, которое, устанавливая правопорядок, обязано обеспечить их соблюдение» [2: с. 28].

Мы придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой признаки ситуативно-конкретной субъектности международного права личность приобретает через юридическое посредничество государства, становясь тем самым

обладателем конкретных прав и обязанностей, в том числе и предусмотренных соответствующими ратифицированными государством международными документами. В данном случае Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод. При этом личность не теряет своей субъектности в системе международного частного права.

Лишь коротко обозначим еще одну дискуссионную проблему, усложняющую консолидированный подход к разработке правовых механизмов более эффективной защиты достоинства российских граждан. Речь идет о проблеме отнесенности прав человека к той или иной отрасли права. Одни участники дискуссий полагают, что права человека логичнее «расположить» в системе гражданского права, другие относят их к конституционному праву, третьи — считают, что целесообразно признать права человека в качестве комплексной отрасли российского права» [3: с. 23–25].

Подобные дискуссии также имеют не только академический характер. На основе подобного плюрализма весьма сложно формировать правовые, правоприменительные механизмы обеспечения права на человеческое достоинство. Видимо, целесообразно объединить усилия академической вузовской юридической науки, юристов-практиков, законодателей и найти приемлемый, в том числе и в интересах правоприменительной практики, консенсус.

В последние десятилетия в России складывались отдельные элементы механизма правовой защиты человеческого достоинства: 1. Разработан и принят пакет соответствующих нормативных правовых актов как на федеральном, так и на региональном уровнях. 2. Ратифицированы основные международные документы, касающиеся, в той или иной мере, проблематики человеческого достоинства. 3. Проблематика защиты человеческого достоинства и нарушений в этой сфере становится предметом специальных мониторинговых исследований. 4. Важным элементом этого механизма является усиливающийся прокурорский надзор, расширяющаяся практика судебного рассмотрения защиты человеческого достоинства граждан.

Но, к сожалению, данные позитивные процессы не адекватны объему тех проблем, которые накопились и постоянно воспроизводятся в этом сегменте поведенческой деструктивности и конфликтогенности.

Выделим и рассмотрим лишь две, с нашей точки зрения, наиболее острые актуальные проблемы. Одна из них предопределяется критически низкой мотивированностью физических, юридических лиц, органов прокуратуры, суда, официальных правозащитных структур на участие в досудебных, в судебных процедурах рассмотрения дел по защите достоинства личности. Доминирует столетиями складывавшийся поведенческий принцип непротивления злу. Многочисленные массовые факты унижения человеческого достоинства не выходят за пределы лично-бытового, узкогруппового жизненного мира, оседая в подполье человеческого бытия, о чем с поразительной гениальностью писал в свое время Ф.М. Достоевский.

Согласие на унижение своего человеческого достоинства, причем согласие не единичное, а массовое, — вот в чем выражается суть данной проблемы, имеющей свои глубокие корни и в менталитете населения, и в культуре, и в нравственности, и в праве. Раб, согласившийся быть рабом, никогда не будет по-настоящему свободным человеком.

Нам необходимо на всех уровнях, начиная с личности и семьи, очень внимательно изучать европейскую, особенно западноевропейскую, практику перманентного воспроизводства, начиная с раннего детского возраста — в семье, в школе, в университете, в иных сферах — ресурсов человеческого достоинства, разнообразных методов его самоотстаивания и, в необходимых случаях, правовой защиты. Это главный компонент общенациональной системы и механизма расширенного воспроизводства ресурсов человеческого достоинства, а значит, и успешной качественной реализации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Вторая проблема имеет и иную природу и проявляется в иной сфере. Речь идет о правоприменительной компетентности должностных лиц, которые по долгу службы участвуют в диагностике и разрешении досудебными, судебными методами коллизий, связанных с защитой человеческого достоинства. Многие праведы, практикующие юристы относят термин «человеческое достоинство» к правовым оценочным понятиям, т.е. к понятиям, содержание которых трудно идентифицировать традиционными рациональными методами. Как отмечает М.Ф. Лукьяненко, «законодатель, используя оценочные понятия, уступает часть своих функций правоприменяющему субъекту, поэтому последнему приходится решать значительно больший круг вопросов гносеологического и логического характера. Правоприменитель оценочного понятия не просто прилагает готовые положения нормы к частному случаю. Он должен на основании исследования предмета, явления и т.п. сделать самостоятельный вывод о содержании оценочного понятия применительно к конкретному случаю» [5: с. 32].

Применительно к понятию «человеческое достоинство» проблемы возникают как на стадии анализа его содержания при осмыслении конкретной ситуации, так и на этапе сбора доказательств и процедур доказывания в случае судебного рассмотрения дела по защите человеческого достоинства. Подобная деятельность требует весьма основательной профессиональной, специальной подготовки должностных лиц следственного аппарата, суда, адвокатов, привлеченных к судебному процессу, подготовки не только юридической, но и психолого-педагогической, человековедческой.

Анализ государственных образовательных стандартов, программ подготовки юристов в отечественных вузах позволяет сделать вывод о том, что теоретическое и практическое человековедение недостаточно представлено в учебном процессе. Гуманитарная проблематика слабо представлена и во многих программах, учебно-тематических планах системы дополнительного профессионального образования специалистов правоприменительной сферы.

Высокий уровень профессиональной компетентности субъектов правоприменения, защиты чести, достоинства, деловой репутации человека — одно из условий результативности этой важной, социально значимой деятельности, показатель реальных позитивных изменений, связанных с практикой реализации принципов и норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. «Мы хорошо осознаем, — отмечает Д.А. Медведев, — что, какие бы цели и задачи мы перед собой ни ставили, преуспевающей будет только та страна, которая создает благоприятные условия для развития личности» [6: с. 114].

Комплексное обеспечение человеческого достоинства — один из важнейших признаков степени благоприятности условий для человеческой самореализации в духе гуманитарно-демократических европейских традиций.

Литература

1. *Анисимов А.Л.* Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации / А.Л. Анисимов. — М.: Владос, 2001. — 223 с.
2. *Антонов И.П.* Немецкая концепция международного права / И.П. Антонов // Московский журнал международного права. — М.: Наука, 2006. — № 4. — С. 25–30.
3. *Головистикова А.Н.* К вопросу о признании прав человека комплексной отраслью российского права / А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына // Государство и право. — М.: Наука, 2009. — № 1. — С. 23–35.
4. *Карташкин В.А.* Права человека в международном и внутригосударственном праве / В.А. Карташкин. — М.: Институт государства и права РАН, 1995. — 135 с.
5. *Лукьяненко М.Ф.* Особенности применения гражданско-правовых норм, содержащих оценочные понятия / М.Ф. Лукьяненко // Государство и право. — М.: Наука, 2008. — № 8. — С. 26–35.
6. *Медведев Д.А.* Национальные приоритеты. Статьи и выступления / Д.А. Медведев. — М.: Европа, 2008. — 504 с.
7. *Черниченко С.В.* Еще раз о международной правосубъектности индивидов / С.В. Черниченко // Московский журнал международного права. — М.: Наука, 2005. — № 4. — С. 25–30.

Kuzmina A.V.

The Human Dignity and Creating the Law Mechanisms of its Protection

The article reveals the main points presented at the interuniversity academic and research conference “European convention about the protection of human rights and basic freedoms, their history and application” which was held at Law faculty, MCPU, November, 19, 2009. The author considers the contents and essence of human dignity and points out the particularities of creating the law mechanisms of its protection in present-day Russia.

Key-words: human dignity; the law mechanisms of its protection; human rights; legal standing of a person; European convention about the protection of human rights and basic freedoms.

References

1. *Anisimov A.L.* Grazhdansko-pravovaya zashhita chesti, dostoinstva i delovoj reputacii po zakonodatelstvu RF / A.L. Anisimov – M.: Vldos, 2001. – 223 s.
2. *Antonov I.P.* Nemeckaya koncepciya mezhdunarodnogo prava / I.P. Antonov // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – M.: Nauka, 2006. – № 4. – S. 25–30.
3. *Golovistikova A.N.* K voprosu o priznanii prav cheloveka kompleksnoj otrasl'yu rossijskogo prava / A.N. Golovistikova, L.Yu. Grudcy'na // Gosudarstvo i pravo. – M.: Nauka, 2009. – № 1. – S. 23–35.
4. *Kartashkin V.A.* Prava cheloveka v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave / V.A. Kartashkin. – M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 1995. – 135 s.
5. *Luk'yanenko M.F.* Osobennosti primeneniya grazhdansko-pravovy'x norm, sodержashhix ocenochny'e ponyatiya / M.F. Luk'yanenko // Gosudarstvo i pravo.– M.: Nauka, 2008. – № 8. – S. 26–35.
6. *Medvedev D.A.* Nacionalny'e priority'. Stat'i i vy'stupleniya / D.A. Medvedev – M.: Evropa, 2008. – 504 s.
7. *Chernichenko S.V.* Eshhe raz o mezhdunarodnoj pravosub'ektnosti individov / S.V. Chernichenko // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – M.: Nauka, 2005. – № 4. – S. 25–30.

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Д.А. Ростиславлев

**Консервативная критика
либерального учения о государстве
в сочинениях Л. де Бональда в период
Реставрации и Июльской монархии**

Государственно-правовая доктрина Л. де Бональда, формировавшаяся в эпоху революции конца XVIII в., получила развитие в годы Реставрации и Июльской монархии. Консервативный мыслитель подверг критике либеральные принципы конституционализма и вскрыл недостатки монархии с представительной формой правления. Принципу разделения властей он противопоставил разделение функций между различными слоями общества.

Ключевые слова: консерватизм; Хартия 1814 г.; Реставрация; конституция; формы правления.

В ходе Великой французской революции конца XVIII в. была разрушена государственно-правовая традиция Франции. Поиски новой формы государства начались в 90-е гг. XVIII в. и ознаменовались чередой конституционных актов. Важным этапом государственно-правового строительства стал режим Реставрации 1814–1830 гг. Вместе с династией Бурбонов во Францию вернулись эмигранты. Процесс воссоединения нации, начавшийся в период Консульства и Империи Наполеона I, был формально завершен. Однако пути развития общества и определение формы государства оставались предметами острых дискуссий [4]. Реставрация династии Бурбонов вызывала законные опасения среди той части нации, которая формировалась в условиях господства во Франции либерально-демократической идеологии, основанной на принципе народного суверенитета, и оказалась возможной лишь вследствие военного поражения режима Бонапарта. Между тем, либеральные идеи во Франции имели и мощную внешнеполитическую поддержку. Страны-победительницы, и прежде всего Англия, поддержанная либерально мыслящим российским самодержцем Александром I, побужда-

ли Бурбонов к поиску социальных и государственно-правовых компромиссов, плодом которых стала Хартия 1814 г., оформившая правление конституционной монархии.

Конституционная Хартия была октроирована Людовиком XVIII, что означало формальный отказ от принципа народного суверенитета. Король возглавлял исполнительную власть, назначал должностных лиц, включая судей, обладал правом вето в отношении нормативных актов. Законодательная власть принадлежала двухпалатному парламенту. Верхняя палата пэров назначалась королем, часть пэров наследственно. Нижняя палата депутатов избиралась на основании высокого имущественного ценза. Моделью для новой государственно-правовой традиции Франции, очевидно, служила английская конституция [1: с. 97].

Людовик XVIII, гарант конституционной Хартии, стремился объединить расколотую революцией нацию [4: р. 180]. Заметим, что ту же цель в начале революции декларировал его брат, Людовик XVI [2: р. 180–181]. Неудача первого опыта конституционной монархии привела к трагической гибели этого монарха, казненного в 1793 г. Между тем, попытки политического компромисса встречали противодействие влиятельных политических сил. Либералы настаивали на продолжении конституционной реформы, требовали упразднить институт наследственных пэров, установить парламентский контроль за королевскими министрами. Они стремились искоренить остатки дореволюционных учреждений из политической системы Франции. В то же самое время политические представители «нации эмигрантов» призывали реставрировать по возможности учреждения Старого порядка, включая идеологические функции католической церкви. Людовик XVIII даже был вынужден в 1815 г. распустить палату депутатов за излишнюю реакционность ее политического курса [1: с. 263–300]. Политическим лидером консерваторов был брат короля, граф д'Артуа, который в 1824 г. занял престол под именем Карла X. Влиятельным идеологом консервативной партии в указанную эпоху по праву считался Л. де Бональд. Луи Габриэль Амбруаз виконт де Бональд (1754–1840) родился в семье магистрата парламента провинции Овернь¹. До революции служил в корпусе мушкетеров, а затем был избран мэром общины Милло. В 1789–1790 гг. принимал активное участие в политической жизни страны, являлся депутатом законодательного собрания Оверни. Но в 1791 г. оставил свою должность из-за несогласия с принятым Национальным собранием декретом о гражданском устройстве духовенства, подчинившим церковь светской власти. В том же году Л. де Бональд эмигрировал и вступил в армию принцев — братьев короля, также бежавших из Франции. После роспуска этой армии с конца 1792 г. Л. де Бональд проживал в Гейдельберге с двумя сыновьями. В этом городе и был написан капитальный труд, основные идеи которого развивались в последующих теоретических сочинениях его автора. Труд назывался «Теория политической и

¹ Биография Л. де Бональда опубликована в собрании его сочинений: Notice sur M. de Bonald // Oeuvres complètes de M. de Bonald. V. 1. Paris, 1859. P. V–XXIX. См. также: Moulinié H. de Bonald, La vie, la carrière politique, la doctrine. Paris, 1916; Toda P. Louis de Bonald: theoricien de la contre-revolution. Etampe, 1997.

религиозной власти в гражданском обществе, доказанная рассуждением и опытом истории»¹. В 1797 г. Л. де Бональд тайно вернулся во Францию. Он перестал скрываться в период Консулата, но до 1806 г. находился под наблюдением полиции, хотя Бонапарт высоко ценил «Теорию...». В период Реставрации Бональд был избран членом Академии, сотрудничал с консервативными журналами, являлся завсегдатаем политических и литературных салонов, считался теоретиком консервативной партии, а в 1823 г. стал пэром Франции. Он отказался присягнуть «королю баррикад» Луи-Филиппу Орлеанскому, который получил трон вследствие Июльской революции 1830 г. и изгнания Бурбонов из Франции. Бональд уехал на родину, в общину Мило и пробыл там до кончины в ноябре 1840. Богатое теоретическое наследие Бональда, посвященное проблематике государства и права, философии, языкознания, неразрывно связано с размышлениями автора о бурной политической истории Франции в конце XVIII – первой трети XIX века.

Систематическая критика Л. де Бональдом принципов либерального государства в эпоху Реставрации открывается опубликованными в 1818 г. «Замечаниями о труде г-жи баронессы де Сталь» [9]. Труд знаменитой писательницы назывался «Рассуждения о главных событиях французской революции» и, несмотря на незаконченный характер (это было посмертное издание), представлял собой обобщение ее политических идей. В силу популярности Ж. де Сталь как писательницы и идеолога либерализма, издание этого труда вызвало живой интерес среди современников. Автор изложила либеральную трактовку причин революции как следствия неразрешимого кризиса Старого порядка (так назывался режим при абсолютной монархии во Франции — *Д.Р.*). Несомненными завоеваниями революции она полагала обретение Францией конституции и закрепление в ней личных и политических прав и свобод. Ж. де Сталь поддерживала реформы, которые проводил в преддверии революции ее отец, барон Неккер, осуждала революционеров за догматизм и утопичность воззрений, что привело к отходу от либерального развития страны в периоды правления якобинцев и Бонапарта. Образцом государственно-правового развития для Франции и других государств либеральная писательница считала английский конституционализм [9; 3: р. 102–108].

Л. де Бональд язвительно и вполне обоснованно высмеял тезис либералов об отсутствии конституции во Франции. «Конституция народа — это способ его существования; и спрашивать, обладает ли конституцией народ, который просуществовал 15 веков, народ, который существует...; это то же, что спросить, создан ли для жизни человек, который живет и которому исполнилось восемьдесят лет» [6: р. 545]. Основами французской конституции Л. де Бональд называл традиционную монархическую форму правления с наследственной, передающейся по мужской линии властью короля, государственный статус католической церкви, наследственный характер магистратуры, осуществляв-

¹ В настоящей статье используется издание указанного труда в собрании сочинений Бональда: *Oeuvres complètes de M. de Bonald*. V. 1. Paris, 1843. P. 122–953. Далее в тексте статьи дается сокращенное название этого труда: «Теория...».

шей судебную власть, сословное устройство общества, при котором дворянство выполняет важнейшие функции служащей корпорации [6: р. 545–559].

Французскую монархию Л. де Бональд называл «королевской», наилучшей среди всех форм правления. Подробный анализ конституции дореволюционной Франции был дан им в капитальном труде «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе, доказанная рассуждением и опытом истории» и в других сочинениях¹. Революцию консервативный мыслитель объяснял разрушением конституционных основ Франции под влиянием протестантской и либеральной идеологий. В особенности Л. де Бональд критиковал уступки администрации Людовика XVI либералам по вопросу о политических привилегиях сословий. По его мнению, решающей ошибкой короля было пожалование представителям третьего сословия права двойного представительства в Генеральных штатах, а позже признание факта провозглашения Национального Собрания. Л. де Бональд не без оснований замечал, что отказ от традиционной конституции привел к политической нестабильности, к гражданской войне во Франции и к установлению авторитарных режимов якобинцев и Бонапарта [6: р. 536–544; 570–572].

В труде «Философское доказательство основополагающего принципа общества», опубликованном в 1827 г. и представлявшем собой изложение базовых позиций, описанных в «Теории...», Л. де Бональд применил новый для себя критерий оценки форм правления. В «Теории...» таким критерием было соответствие «общей воли». Термин, заимствованный у Ж.-Ж. Руссо, консервативный мыслитель использовал в духе католической доктрины. «Общая воля», по его убеждению, состояла в соответствии законам, созданным Богом для народов. В сфере политического устройства это означало сохранение «королевской» монархии по французскому образцу [8: р. 287–294]. В период Реставрации, сопровождавшейся распространением либеральных концепций о государстве и популяризацией английского опыта представительного правления, Л. де Бональд обогатил свой арсенал аргументов в пользу традиционной монархии.

Либеральному принципу разделения властей и гражданского равенства он противопоставил принцип разделения функций между тремя субъектами правоотношений: монархом, служащим классом и народом. Об этой «триаде» Л. де Бональд писал еще в «Теории...» и в последующих сочинениях. Монарху он отводил функцию правления на основе законов истинного суверена — Бога. Монарх являлся посредником между Создателем и народом, подобно Христу в обществе религиозном. Лучшим служащим классом автор «Теории...» считал дворянство в силу наследственного характера выполнения этим

¹ Об этом подробнее см.: Ростиславлев Д. А. Теория конституционного общества Л. де Бональда // Право и права человека: сборник научных трудов юридического ф-та МГПУ. — Книга 7. — М., 2004. — С. 244–259; Он же. Л. де Бональд о конституции общества Старого порядка // Право и права человека: сборник научных трудов юридического ф-та МГПУ. — Книга 8. — М., 2005. — С. 203–206; Он же. Л. де Бональд о «духе законов» // Вестник Московского городского педагогического университета. Юридический выпуск. — М., 2006. — № 1 (10). — С. 41–53.

сословием военных и гражданских функций. Третье сословие — подданные, являлось бенефициантом властно-управленческих функций высших сословий. Причем семьи простолюдинов могли приобрести дворянство благодаря институту анноблирования. Четкое разделение функций между этими тремя субъектами в «королевской» монархии было закреплено наследственным принципом монархической власти и сословной принадлежностью. В иных формах правления гармония между социальным делением и выполняемыми функциями была нарушена.

В восточных деспотиях, например в османской империи, служащий класс не являлся наследственным и не был защищен от произвола монарха, что приводило к злоупотреблениям властью. В выборных монархиях, например в Польше, слабость королевской власти и злоупотребления со стороны наследственного служащего класса — шляхты имели следствием прекращение государственности. В тираниях, когда власть захватывала личность, не имевшая права на престол, подобно Бонапарту, узурпировавшего престол законной династии Бурбонов, организация общества осуществляется на основе всеобъемлющего административного контроля. По мнению Л. де Бональда, эта форма правления была особенно опасна тем, что после смерти личности — основателя подобной бонапартистской власти, неконтролируемый правителем административный аппарат становился тираном общества. Представляется, что данное суждение Л. де Бональда сохранило ценность при характеристике авторитарных режимов.

Наименее приемлемой формой правления консервативный мыслитель считал демократическую республику. Он указывал, что при этой форме правления разделение между лицами не закреплено, и народ выполняет одновременно функции правителя, служащего класса и подданного. Постоянная борьба за преобладание между людьми, ведомыми честолюбием, приводит к захвату всей полноты власти тираном. Аналогии с политическим процессом во Франции в период революции и бонапартизма были очевидны. Л. де Бональд называл демократическую республику самой слабой формой правления, поскольку она становится невозможной по мере приближения к своему идеальному воплощению. По мнению консервативного мыслителя, все граждане не могут осуществлять управление, и требуется сложная система цензов и процедур, нарушающих демократию, чтобы создать правящий слой и назначить правителя. Кроме того, при расхождении интересов граждан решающим при принятии решения может быть голос одного лица, что не вяжется с тезисом «правление всех». В период Реставрации Л. де Бональд оставался верен и выраженной в «Теории...» мысли об агрессивности демократической формы правления, пытающейся внешней экспансией компенсировать внутреннюю нестабильность [5: р. 72–74].

Аристократическую республику консервативный мыслитель называл формой правления, имеющей достоинства и недостатки, присущие соответственно монархии и республике. Эта форма правления, при которой наслед-

ственная аристократия (Л. де Бональд называл ее патрициатом) осуществляет одновременно функции правителя и служащего класса [5: р. 75–76].

В период Реставрации и Июльской монархии Л. де Бональд впервые подверг систематической критике конституционную монархию с представительной формой правления. Наличие трех лиц: монарха, патрициата (наследственной верхней палаты парламента) и народа — не сопровождалось разделением общественных функций между ними. Напротив, все эти лица участвовали в разделе властных полномочий. Л. де Бональд признавал собственно властью субъектов, обладавших законодательной функцией. В деятельности исполнительных и судебных органов власти он видел реализацию функции законодательной власти [5: р. 76]. Заметим, что мнение о преобладании законодательной ветви власти над двумя другими соответствовало конституционным представлениям нового времени.

Политическая система, при которой верховная власть оказывается разделенной между разными субъектами, противоречила государственно-правовым воззрениям Л. де Бональда. Современник и активный участник событий великой революции противопоставлял доктрины королевского и народного суверенитета. За этими доктринами он правомерно видел разные модели общества: соответственно монархического, с сословной организацией и государственным статусом католической церкви; и общества, основанного на принципах гражданского равенства, политического и религиозного плюрализма [7: р. 79–83].

Классическим примером монархии с представительной формой правления была Англия. Л. де Бональд стремился подчеркнуть уникальность английской конституции, которая формировалась в силу особенностей исторического развития. Из-за быстрого развития торговли в Англии появился влиятельный слой предпринимателей, которые были привержены демократическому устройству обществу и идеям Реформации. Символом компромисса между традиционной монархией и дворянством с одной стороны и сторонниками демократического устройства — с другой, стала англиканская церковь, сочетавшая в себе черты католической и протестантской конгрегаций [5: р. 78].

Л. де Бональд с обоснованным скептицизмом рассуждал о перспективах сохранения традиционных сословно-монархических институтов в Англии. Во всяком случае, он решительно отрицал целесообразность перенесения конституционных учреждений Англии в другие страны, в особенности, во Францию, на чем настаивали либералы — «глобалисты» первой трети XIX в.

Консервативный мыслитель обращал внимание на различный менталитет англичан и французов. Последние, в силу экспансивности натуры и привычки к управлению со стороны монарха, нуждались, по его мнению, в реставрации традиционной королевской власти. Во Франции меньшее влияние имели торговые слои общества, идеи Реформации не получили преобладания. Главное — во Франции была иная государственно-правовая традиция. Созданная Хартией

1814 г., палата пэров не имела влияния в обществе, поскольку патрициат (не путать с дворянством, которое, по мнению Л. де Бональда, выполняло роль служащего класса и не являлось властью) был заимствованным, чуждым для французской конституции институтом. В отличие от своего английского аналога он не мог сыграть консолидирующую роль в случае конфликта между сторонниками короля и выборной палаты представителей народа. Л. де Бональд правомерно замечал, что после революции французское общество было расколото и вокруг палаты представителей объединялись все противники династии Бурбонов. Не имея возможности атаковать непосредственно институт монарха и лично короля, либералы устраивали обструкции королевским министрам. Это приводило к постоянным сменам кабинета и политической нестабильности [5: р. 79–83]. Отметим, что наблюдение Л. де Бональда было не только верным, но и, в известной мере, пророческим: министерская «чехарда» во Франции продолжалась еще более века и прекратилась лишь в период Пятой Республики в значительной степени потому, что политическое влияние и властные полномочия президента де Голля значительно превышали возможности Национального Собрания.

Мнение Л. де Бональда о невозможности длительного сосуществования абсолютистских и либеральных институтов во Франции подтвердилось при жизни мыслителя. Вследствие Июльской революции 1830 г. династия Бурбонов была изгнана из страны, полномочия палаты представителей стали преобладающими. Л. де Бональд объявил такую либеральную монархию «невозможной» [7: р. 39–40] и опять оказался прав: как и основанная на компромиссах монархия Реставрации, эта форма правления просуществовала только в течение срока активной деятельности одного поколения политиков и в начале 1848 г. сменилась режимом Второй республики, не просуществовавшим и 4 лет. В течение XIX–XX вв. Франции пришлось заниматься поисками новой государственно-правовой идентичности.

В рамках настоящей статьи не было проанализировано отношение Л. де Бональда к проблематике прав и свобод граждан. Отметим лишь, что и по этому вопросу он предложил свое оригинальное толкование, которое стало составной частью государственно-правовой доктрины консерватизма. Права и свободы, по мнению Л. де Бональда, имеют не абстрактный характер и не могут быть придуманы и заимствованы. Декларированными либералами политическими и личными правами в первой трети XIX в. могло воспользоваться меньшинство французов в силу имущественного ценза для избирателей, отсутствия свободы передвижения и потребности свободы печати для большинства. Между тем, это большинство заплатило за либеральные реформы падением жизненного уровня и ограничениями частных свобод, например, в результате закона о всеобщей воинской повинности или принудительного назначения присяжными в судах [7: р. 39–40; 9: р. 575–587].

Анализ сочинений Л. де Бональда в период Реставрации позволяет судить об особенностях процесса формирования государственно-правовой доктрины

ны консерватизма. Консервативные мыслители разрабатывали оригинальную версию политических идей, сформулированных в эпоху Просвещения и актуализированных опытом великой революции. Л. де Бональд критиковал доктрину народного суверенитета, противопоставляя ей учение об «общей» воле Создателя. Учению Монтескье о разделении властей он противопоставил теорию о разделении функций между разными социальными субъектами. Эту теорию он использовал для характеристики форм правления, в частности конституционной монархии на основе принципа народного представительства. Сильной стороной методологии консерватизма было стремление мыслителей этой школы опереться на исторический национальный опыт и на национальную государственно-правовую традицию. Эта методология отражала стремления консерваторов реставрировать учреждения Старого порядка, в частности абсолютную монархию, сословное устройство общества и связь государства с церковью. Бесспорно, эти стремления не имели перспективы в период формирования индустриального общества. Однако критика консервативными мыслителями абстрактных политико-правовых теорий, некритического заимствования чуждых нации государственно-правовых учреждений и в наши дни сохраняет актуальность.

Литература

1. *Бутенко В.А.* Либеральная партия во Франции в эпоху реставрации / В.А. Бутенко. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. – 629 с.
2. *Ростиславлев Д.А.* Людовик XVIII и политическая программа французской эмиграции в эпоху революции конца XVIII в. / Д.А. Ростиславлев // Французский ежегодник. – М.: Наука, 2000. – С. 176–200.
3. *Фагэ Э.* Политические мыслители и моралисты первой трети XIX века / Э. Фагэ. – М.: Издание И. Баландина, 1900. – 220 с.
4. *Bagge D.* Le conflit des idées politiques en France sous la restauration / D. Bagge. – Paris: Presses universitaires de France, 1952. – 418 p.
5. *Bonald. L. de.* Démonstration philosophique du principe constitutive de la société / L. de. Bonald // M. de Bonald. Oeuvres complètes. – V. 1. – Paris: A Le Claire, 1843. – P. 4–121.
6. *Bonald. L. de.* Observations sur l'ouvrage de madame la baroness de Stael / L. de. Bonald // M. de Bonald. Oeuvres complètes. – Paris: A Le Claire, 1843. – P. 529–593.
7. *Bonald. L. de.* Reflexions sur la Révolution de juillet 1830 et autres inédits présentés et annotés par Jean Bastier / L. de. Bonald. – Paris: Duc/Albatros, 1988. – 168 p.
8. *Bonald. L. de.* Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile, démontrée par le raisonnement et par l'histoire / L. de. Bonald // M. de Bonald. Oeuvres complètes. – Paris: A Le Claire, 1843. – P. 122–953.
9. *Stael A. de.* Considérations sur les principaux événements de la révolution française / A. de Stael. – Paris: Delaunay, 1820. – 387 p.

Rostislavlev D.A.

**The Conservative Criticism of the Liberal Doctrine about the State
in the Works by L. de Bonald during the Restoration and July Monarchy Periods**

The state legal doctrine by L. de Bonald which evolved during the epoch of revolution at the end of 19th century developed under the Restoration and July monarchy. The conservative speculator laid strictures on liberal principles of constitutionalism and showed the drawbacks of monarchy with representative form of government. He opposed the division of powers principle to the distribution of functions among diverse groups of society, liberal Anglomania to the national state French idea.

Key-words: Conservatism; 1814 Chart; the Restoration; Constitution; forms of government.

Reference

1. *Butenko V.A.* Liberal'naya partiya vo Francii v e'poxu restavracii / V.A. Boutenko. – SPb.: Tipografiya M.M. Stacyulevicha, 1913. – 629 p.
2. *Rostislavlev D.A.* Ludovik XVIII i politicheskya programma francuzskoj e'migracii v e'poxu revoliucii konca XVIII v. / D.A. Rostislavlev // Francuzskij ezhegodnik. – M.: Nauka, 2000. – S. 176–200.
3. *Fage'E* Politicheskije my'sliteli i moralisty' pervoj treti XIX veka / E. Fage'. – M.: Izdanie I. Balandina, 1900. – 220 s.
4. *Bagge D.* Le conflit des idees politiques en France sous la restauration / D. Bagge. – Paris: Presses universitaires de France, 1952. – 418 p.
5. *Bonald L. de.* Démonstration philosophique du principe constitutive de la société / M. de Bonald. Oeuvres completes. – V. 1. – Paris: A Le Claire, 1843. – P. 4–121.
6. *Bonald L. de.* Observations sur l'ouvrage de madame la baroness de Stael / L. de Bonald // M. de Bonald. Oeuvres completes. – Paris: A Le Claire, 1843. – P. 529–593.
7. *Bonald L. de.* Reflexions sur la Révolution de juillet 1830 et autres inédits présentés et annotés par Jean Bastier / L. de Bonald. – Paris: Duc/Albatros, 1988. – 168 p.
8. *Bonald L. de.* Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile, démontrée par le raisonnement et par l'histoire / L. de Bonald // M. de Bonald. Oeuvres completes. – Paris: A Le Claire, 1843. – P. 122–953.
9. *Stael A. de.* Considérations sur les principaux événements de la révolution française / A. de Stael. – Paris: Delaunay, 1820. – 387 p.

М.В. Яровая

Инсигнии и регалии власти в Древнем Риме

Статья посвящена различению понятий «регалии» и «инсигнии» высшей государственной власти в Древнем Риме, а также описанию их конкретных видов для рексов, консулов, экстраординарных и ординарных магистратов. Инсигнии — уникальные вещественные символы высшей власти в государстве, священные и памятные для истории народа в целом. Инсигнии коренным образом отличаются от регалий — символов власти монархов, глав государств.

Ключевые слова: высшие органы власти Древнего Рима; империиум власти; регалии; инсигнии; римская магистратура.

Своеобразие римской государственной структуры архаической эпохи в VIII–V вв. до н.э. заключалось в том, что первоначально сакральные и государственные институты не были разделены. Более того, даже чисто государственные функции были не только облечены в сакральную форму, но и выполнялись различными жреческими коллегиями. Соответственно, право этого периода развивалось преимущественно в сакральной форме (*fas, mores*). Изучение характера древнейших сакрально-правовых норм, а также их эволюции от религиозных табу к правовым санкциям не возможно без изучения и понимания знаковой системы инсигний и атрибутов власти. Несмотря на то, что римское право превратилось в светское право еще в 17 г. до н.э. (с введением по эдикту Августа формулярного процесса), жречество продолжало играть существенную роль в формировании и развитии римского публичного и частного права.

Инсигния — это древний вещественный символ высшей власти в государстве. Инсигнии (*лат. insignia*) — в Древнем Риме — знаки высшей власти у рексов; во время республики — знаки отличия высших магистров, сенаторов и триумвиратов. Это не просто атрибуты власти, это — целая знаковая система сакрального характера власти, сохраняющая значение и в наши дни. Можно говорить и о т.н. национальных инсигниях. В Древнем Риме такими инсигниями были храм Юпитера, храм Весты (вечный огонь), Капитолий, римская волчица, книга Сивиллы, ликторы, фасции, священные копыя, анцилии, авгурский жезл (скипетр), право масок — т.е. те сакральные понятия, которые характеризуют именно римскую цивилизацию, ее государственное достоинство, даже после падения Римской империи.

Инсигнии коренным образом отличаются от **регалий** — **символов власти монархов, глав государств**. Регалии у всех царей, королей, императоров, султанов и т.п. по сути дела одни и те же: трон, корона (диадема), скипетр, держава, меч, мантия, золотая цепь. Инсигнии же уникальны и неповторимы. Во-первых, они говорят о своеобразии исторического пути конкретной страны. Во-вторых, инсигнии не восстанавливаемы при утрате, их потеря невозможна, она рассматривается как историческое бедствие. В-третьих, инсигнии могут существовать в любой стране, независимо от того, древняя ли она, современная, монархическая или республиканская, тоталитарная или демократическая. Они — наследие культуры и истории народа. Вот почему **инсигнии** следует определять как **уникальные вещественные символы высшей власти в государстве, священные и памятные для истории народа в целом**.

Наконец, история знает немало случаев, когда прежняя инсигния сохраняется и при изменении формации государства. Таково, например, сохранение японских феодальных инсигний в современной Японии, а также средневековой британской инсигнии (мешка с шерстью в качестве места спикера в парламенте) в Великобритании. Отсюда и редкость инсигний, и тот факт, что далеко не все государства способны обладать инсигниями, а лишь те, которые имеют особую неповторимую историю. К таким цивилизациям относится и Древний Рим.

Вся жизнь римлян определялась и направлялась богами через посредничество жрецов, которые умели эту волю улавливать различными ритуалами. Высшую власть над общиной осуществляли боги: Юпитер, Марс, Квирин, Веста и множество других¹. Боги правили не сами, а через земных представителей, которых удостоивали знаками благорасположения и вверяли эксклюзивное право доносить до людей их повеления. Знак этой мистической силы воплощался в **империи власти** (*impero* — лат. — повелевать), который безусловно можно считать инсигнией. Империй считался достоянием всех граждан и лишь на время вручался избраннику специальным законом, принимаемым куриатными комициями. Империй давал право жизни и смерти воинов и граждан, поэтому его имели только высшие лица государства — рексы, а позже консулы и диктаторы.

Регалии рексов² к концу VII в. до н.э. сформировались следующие: пурпурное одеяние (в мирное время — трабея, на войне — пурпурный плащ, красные сандалии); золотая корона в виде венка из дубовых листьев, трон (*solium*), курульное кресло (*sella curulis*) из слоновой кости на небольших колесиках (по форме напоминающее колесницу); скипетр из слоновой кости с орлом (*scipio eburneus*)³; колесница (*carrus regius*). А вот двенадцать ликторов (*lictores*) и фации (*fascis*)⁴ можно отнести к инсигниям, это — символы

¹ Более подробно см.: Санчурский Н.В. Римские древности. — М.: МГУ (переиздание), 1995. — С. 101–128.

² Пожизненный правитель с функциями верховного управления государства, верховной власти, верховного судьи и верховного жреца (авгура) в Древнем Риме.

³ Орел — священная птица, символ Юпитера.

⁴ Римская секира, обмотанная розгами.

империума власти. Также инсигниями являлись священный авгурский жезл (позже — скипетр), священные копьа и анцилии¹.

Регалии магистратов были хорошо знакомы (являлись нормами обычного права), поэтому ни у одного римского писателя мы не найдем их описаний. Лишь одно из дошедших до нас древних сочинений было специально посвящено атрибутам власти римских магистратов — сочинение грека Иоанна Лида «О магистратах» VI в. н.э. Магистраты наследовали почти все царские и жреческие регалии. Как пишет Цицерон: «...наиболее прославлен их (понтификов) завет, требующий, чтобы одни и те же лица руководили как служением бессмертным богам, так и важнейшими государственными делами» [4; 1.1].

Наиболее полное описание царских инсигний дает Иоанн Лид в следующем отрывке: «Даже еще до времени Ромула инсигниями рекса были переносной трон и мантия, которая называлась ими «трабея». Однако Ромул имел также венец, скипетр, на навершии которого был орел, белую до лодыжек раепула, которая с лицевой стороны была окаймлена от плеча до ступни пурпурной тканью, и темно-красную обувь (котурны). И эта одежда, состоящая из т. н. тоги, была общей как для самого рекса, как они его называли, так и для его подданных во время мира. Однако трабея была отличительным одеянием только одного царя: это была туника или полукруглая накидка, которую, как говорит традиция, первым придумал сицилийский тиран Агафокл... Сверх того 12 носителей секир шли перед Ромулом в соответствии с числом орлов, которых он увидел, когда закладывал фундамент города. Позднее, когда Тарквиний Древний победил в войне этрусков и сабинян, к эмблемам царской власти были добавлены длинные копьа, которые не имели острия, но лишь подвешенные султаны (jubae) и вдобавок к этому vexilla, т.е. длинные копьа с подвешенными на них полотнищами» [1; 36].

Из текста ясно, что древнейшими регалиями царской власти были трон и трабея, а также переносной трон — курульное кресло. Сам характер этого трона, высеченного из цельного ствола дерева, вероятно, уходящего своими корнями глубоко в землю, свидетельствует о его архаичности. Этот символ власти нельзя было украсть или унести, его можно было только уничтожить вместе с царской резиденцией. Интерпретация царского трона как центра мироздания, как древа мира заставляет нас вспомнить об авгурских обязанностях римских царей, которые при совершении гаданий (ауспиций) делили небо на четыре сектора. Видимо, царский трон и мыслился как наиболее подходящее для этого место. По крайней мере, Фест прямо указывает на то, что *solidum sella* использовался именно для ауспиций².

Светоний в книге «О видах одежд» говорит, что есть три рода трабей: одна, посвященная богам, была целиком пурпурной, другая, тоже пурпурная, но имеет что-то белого цвета, она принадлежала рексам, третья, пурпурно-алая — авгурам» [8; VII.612]. Красный цвет — это цвет жертвенной крови,

¹ Священные небесные щиты, защищающие Рим.

² Fest. P. 470 L: *Solida sella ad... iubetur, cum mane surg<ens auspicandi gratia evigi>lavit, quod antiqui expres<s>e... riore parte excavat<as ad auspiciorum usum fa>ciebant sedes.*

поэтому наличие его в одежде жрецов, приносивших кровавые жертвы у алтаря, вполне понятно. Отсюда можно объяснить и красный цвет царской трабеи. Дело в том, что по религиозным представлениям римлян они могли идти воевать только тогда, когда со стороны кого-либо из соседей был нарушен «мир богов» (*пax deorum*), что неминуемо влекло за собой гнев богов. Умилостивить этот гнев можно было только кровью преступника, в данном случае — военного противника. Поэтому, с точки зрения римлянина, война сродни ритуалу сакрального жертвоприношения, где военачальник оказывается в роли верховного жреца, руководящего ритуалом, постоянно соотносящегося с волей богов через ауспиции¹. Согласно Плинию, трабея стала окрашиваться в пурпур со времени Ромула [7; 136].

Плутарх (*Plut. Rom.* 26) сообщает следующее: «Послы... вернулись, но не с одними лишь словами, а, принеся с собой символы власти, которые они обычно использовали для украшения своих собственных царей. Это были золотая корона, трон из слоновой кости, скипетр с орлом, сидящим на его навершии, пурпурная туника, украшенная золотом и вышитая пурпурная мантия, подобная тем, которые обычно носили цари Лидии и Персии. Этот вид одежды у римлян называется тогой. Согласно некоторым историкам, они принесли также Тарквинию 12 секир, взятых по одной из каждого города. Ведь, по-видимому, это был этрусский обычай, чтобы каждому царю из нескольких городов предшествовал ликтор, несущий секиру вместе с пучком розог, и поскольку каждый из 12 городов принимал участие в общем военном походе, то 12 секир передавались одному человеку, который наделялся абсолютной властью».

Иоанн Лид почти ничего не говорит о царской короне как отличительном знаке власти Ромула. Согласно Дионисию (III. 61.1), золотая корона была заимствована Туллом Гостилием у этрусков вместе с другими царскими инсигниями. Ее описание не встречается почти ни у одного автора². Вообще, история царской короны весьма любопытна. Возможно, идея идет от древней инфулы³. После изгнания последнего рекса в 509 г. до н.э. этот атрибут царской власти, в отличие от большинства других, не был унаследован римскими магистратами. Римские военачальники надевали золотой венец только во время триумфа. По убеждению

¹ Подробнее об этом см.: Токмаков В.Н. Воинская присяга и «священные законы» в военной организации Раннеримской республики // Религия и община в Древнем Риме. — М.: Наука, 1976. — С. 132 и далее.

² Исключение составляет работа Тертуллиана «О коронах», где он дает характеристику золотой этрусской короны, на которой, по его словам, были воспроизведены дубовые листья из золота и желуди — из самоцветных камней (*Ter. Coron.* 13. P. 449). Подробнее см.: Haebler. *Corona* // *RE. Stuttgart.* — 1901. — Bd. 4. — S. 1636–1643.

³ Инфула (от лат. *infula* — повязка, лента) — узкая шерстяная повязка на лоб, которой обвязывали голову жрицы-весталки, ее также подвязывали жертвенным животным и людям, ищущим защиты в храме. Инфула служила знаком чего-либо священного, требующего уважения (*infularum loco esse*). Инфула исторически предшествовала короне и, как правило, была белого цвета, который символизировал чистоту и неприкосновенность. Позднее в исключительных случаях инфулы были красного цвета для высоких персон, и императоры стали повязывать пурпурные инфулы.

римлян этот знак власти нес на себе «проклятие»¹. Даже во время триумфа золотой венец не надевался на голову триумфатора, но держался над ним стоявшим сзади рабом. Это делалось из убеждения, что только железо приносит победу [7; XXXIII. 37]. В то же время в Ранней Республике золотой венец стали использовать в качестве награды для простых воинов, отличившихся в сражении, на что также указывает Плиний Старший [7; IX. 136]. Однако эти золотые короны или венцы никогда не надевались на головы свободных граждан, так как это стало знаком выставленного на продажу раба.

Теперь обратимся к тем регалиям, которые были непосредственными символами конкретных функций власти. Прежде всего, это — царский **жезл** (скипетр), называвшийся **lituus**. Сервий дает следующее его определение: «Lituus — это загнутый авгурский жезл, которым пользовались для обозначения небесного пространства, ведь рукой [это делать] не дозволялось... или lituus — это царский жезл, в котором была власть разрешения судебных тяжб» [8; VII. 187]. У Ромула был, видимо, именно такой жезл.

Иоанн Лид ошибается, указывая, что навершие ромульского жезла было украшено фигуркой орла. Эта модификация, согласно традиции (Dionys. III. 61.1), заимствована у этрусков царем Туллом Гостилием. Любопытна здесь полная аналогия царского жезла с авгурским. Как авгуру не дозволялось разделять небо на правую и левую стороны пустой рукой, так и царю не разрешалось вершить божеский суд, разделение тяжущихся на правых и виноватых без скипетра. Роль жезла в судебном процессе в Риме всегда была очень велика, хотя в виндикационном процессе имеет другое происхождение, олицетворяя копье, которым стороны ритуально пронзали оспариваемую вещь [6; 10.7–10].

Далее традиция единодушно указывает в качестве знаков судебной власти царя **двенадцать ликторов с фасциями**². Ликторы выполняли при необходимости и функции палачей, на это обращает внимание Дионисий Галикарнасский в следующем отрывке (Dionys. II. 29. 1): «Заметив также, что ничто так не удерживает людей от преступлений, как страх, он (Ромул) устроил многое для того, чтобы внушить его, такие как — место в наиболее бросающейся в глаза части Форума, где он вершил суд, весьма грозный вид воинов, которые сопровождали

¹ Возможно, с этим представлением связан закон 509 г. до н. э. о сакральном проклятии и принесении в жертву подземным богам всякого, задумавшего захватить царскую власть.

² Историк Тит Ливий сообщает, что Ромул, став царем, окружил себя отрядом телохранителей из 300 человек и назвал их келерами (celereres — лат. — быстрый), которых он набирал по куриям. Ликтор (лат. licitor) — охранники; упоминаются в истории со времени правления в Риме этрусских царей (VII век до н.э.). Первоначально ликторы были исполнителями распоряжений магистратов, позднее осуществляли лишь охранные и парадные функции при них. Охранные и парадные функции ликторов заключались в том, что вооруженные фасциями, ликторы сопровождали высших магистратов. Ликторы назначались как правило из числа либертинов. Число сопровождающих ликторов напрямую зависело от должности (уровня власти) сопровождаемого лица: весталка имела 1 ликтора; эдил имел 2 ликторов; претор имел 6 ликторов (2 в пределах помериума); проконсул — 11; консул — 12 (6 в пределах помериума); диктатор — 24 (12 в пределах помериума, за исключением Суллы и Юлия Цезаря); император в I–II веках — 24.

его, числом в три сотни, а также фации и секиры, несомые 12 мужьями, которые секли на форуме тех, чье преступление заслуживало этого, и публично обезглавливали других, виновных в величайших преступлениях».

Военные инсигнии рексов — это **vexilla** — длинные копья с красными полотнищами на конце, красный вексилла был знаком войны и начала сражения (вывешивался над палаткой полководца)¹, а белый — народных собраний» [8; VIII. 1]. Что касается белого vexillum, то его введение связано уже с появлением консулов, когда возросло значение Народных собраний, и в магистратских регалиях стал преобладать белый цвет.

Вновь обратимся к Лиду, который, пожалуй, один лишь дает описание **сенаторских отличий** (De mag. I. 16–17): плащи (тоги) с широкой пурпурной полосой латиклавой, туники с рукавами, черные сандалии и роскошные колесницы. Туники с рукавами в последующие эпохи носили в Риме только сенаторы и женщины. Согласно Светонию, туника с рукавами и с бахромой была senatorской регалией еще и в I в до н.э.² «Бахрома» представляла собой мелкие наконечники копий, символ власти.

Нечто подобное магическому амулету имела также обувь сенаторов, а именно серебряный полумесяц, который, был одним из наиболее важных атрибутов. Объяснение обычая сенаторов носить на обуви серебряные лунки дает Плутарх³. Из этого описания ясно лишь то, что lunula была отличительным знаком древнейших родов. Иоанн Лид (De mens. I. 19) пишет: «Затем (Нума Помпилий) учредил должность стража города...и которого некогда называли городским претором. По-видимому, даже в Сенате он имел первые места. Это также ясно из его обуви, на которой изображена лунка в форме буквы С, которой римляне обозначают число 100... ведь именно столько сенаторов избрал Ромул». Здесь следует отметить, что данная обувь была отличительным признаком не всего Сената, а наиболее родовитых, так называемой первой сотни, обладавшей в отличие от прочих сенаторов высшей судебной властью и носившей особое название коллегии центумвиров [2; 36].

Отличительным признаком первой сотни сенаторов было наличие у них **колесницы**. Прочие же сенаторы назывались *pedarii*, т.е. «пешие». Вот что об этом различии пишет Авл Геллий (III. 18): «сенаторы старшего возраста, которые уже занимали курульную магистратуру, чести ради обыкновенно ездили в Сенат на колеснице. Поэтому сенаторы, еще не имеющие старших почестей, называются педариями» [6; XX. 3.18].

¹ Plut. Fab. 15: «Но Теренций... на рассвете поднял сигнал битвы (пурпурный хитон, который растягивают над палаткой полководца)».

² Suet. Iul. 45. 3: «И одевался он, говорят, по-особенному: он носил senatorскую тунику с бахромой на рукавах и непременно ее подпоясывал...».

³ Plut. R.Q. 76: «Почему люди, известные своим происхождением, украшают свою обувь полумесяцем?.. Или это отличительный знак древнейших родов?.. Или это учит повиноваться правителям и внушает не тяготиться властью царя, подобно Луне, уступать сильнейшему и оставлять за собою второе место... и люди должны довольствоваться вторым местом после правителя, с радостью получая от него частицу власти и чести?».

Умершие магистраты сохраняли все свои регалии, которые хранили веками их потомки. Право рода сохранять инсигнии своих предков называлось **правом масок**. Подробно оно описано у Полибия (Polyb. VI. 53–54): «... после погребения с подобающими почестями римляне выставляют изображение покойника, заключенное в небольшой деревянный киот в его доме на самом видном месте. Изображение представляет собой маску, точно воспроизводящую цвет кожи и черты лица покойника. Киоты открываются во время общенародных жертвоприношений, и изображения старательно украшаются». С лица покойного снимали две маски: одна клалась на лицо усопшего, другая, как *imago*, хранилась в атриуме. Тело выносили из дома на восьмой день с почестями, как по случаю триумфа¹.

Перейдем к регалиям **триумфаторов**. Согласно Ливию, триумфатор въезжал в Город с Марсова поля на золотой царской колеснице, запряженной четверкой белых лошадей, в облачении Юпитера Всеблагого Величайшего, т.е. олицетворял собой в этот момент верховное римское божество. Впереди него шествовали 12 ликторов с секирами и фасциями, толпа рабов-военнопленных, а также захваченные в войне трофеи. Сам триумфатор замыкал процессию. В руках он держал скипетр, голова его была украшена лавровым венком, а сзади него стоял раб, держа над ним царскую корону и произнося «*save ne cadas*» (берегись, чтобы не упасть). В этот момент он был самим Юпитером, но нужно было помнить, что он всего лишь человек. Источники прямо говорят о том, что он имел все его знаки отличия: пурпурная тога («туника Юпитера»), золотая корона с дубовыми листьями, колесница — квадрига с белыми лошадьми, жезл из слоновой кости с орлом, золотая булла. Лицо триумфатора, так же как и его туника, было окрашено в красный цвет. Римляне понимали войну, как некий сакральный ритуал очистительного жертвоприношения. Триумфальное шествие есть заключительный акт данного ритуала. Триумфатор, окрашенный красной краской, олицетворял собой Юпитера, окропленного кровью поверженного врага. Сам триумф являлся ритуальным очищением полководца и его войска от скверны пролитой крови. Лавровые венки на головах триумфатора и всех его воинов как раз и несли в себе это очищение. Очистительный обряд завершался на Капитолии у храма Юпитера, где этому божеству приносились жертвоприношения от военной добычи (Dionys. И. 34. 3).

Золотая булла являлась непременной регалией всякого триумфатора. Это был золотой полый шарик, иногда делавшийся в форме сердца. Внутри помещались различные магические средства, отвращающие зависть и зло². Триумфаторы, а также дети сенаторов носили буллу на груди³.

¹ Более подробно об обряде погребения см.: Санчурский Н.В. Римские древности. – М.: МГУ, 1995. – С. 131–133.

² Масг. I. 6. 9: «Ведь как претекста служит украшением магистратов, так булла украшает получивших триумф. При триумфе они носят ее на груди, поместив в буллу разные средства, которые они считали самыми сильнодействующими против зависти...».

³ Plut. Rom. 20: «Их дети носят на шее украшение, называемое буллой, и тогу с пурпурной каймой» (булла названа от греческого слова *boule*, что по-латыни означает «совет» — прим. автора).

Знаки отличия **римских консулов** засвидетельствованы Дионисием Галикарнасским (III. 62. 1–2): «С того времени и до самой смерти Тарквиний всегда надевал золотую корону и вышитую пурпуром тогу, восседал на троне из слоновой кости, держа в руке скипетр из слоновой кости, а 12 ликторов, носивших секиры и фасции, находились при нем, когда он вершил суд, и сопровождали его, когда он уезжал [из Города]». Все эти знаки отличия были сохранены после 509 г. до н.э. консулами — все, кроме короны и пурпурной мантии. Новой инсигнией консулов и других курульных магистратов стал **серебряный конский убор**, о котором упоминает Ливий¹.

Любопытное описание консульских инсигнии дает Иоанн Лид (I. 32): «Белые, доходящие до пят пелулы (плащи) и широкие *colobi* (туники с короткими рукавами), по сравнению с пелулой надлежащим образом поднятые вверх к плечам (ведь у пелулы пурпур был на каждом из плеч спереди, а у *colobi* — сзади), белые сандалии и белый отпечаток из льна на правой руке (на своем языке они называли его *тарра*) были инсигниями консулов. Они имели также несущиеся впереди них и поднятые вверх секиры, и толпу мужей, несущих фасции и вдобавок кресло из слоновой кости». Из приведенного текста следует, что консулы поменяли пурпурную мантию (*трабею*) на белый плащ, лишь отороченный пурпуром.

Далее, некоторые изменения коснулись и фасций. Уже первые консулы ввели в обычай, чтобы в черте города секиры в фасциях имели ликторы только того консула, который в текущем месяце осуществляет судебную власть. Ликторы второго консула имели лишь фасции без секир и булавы. Затем консул Валерий пошел еще дальше, вообще запретив консульским ликторам в черте города иметь при себе секиры². Дабы подчеркнуть, что только народ имеет право выносить решение о смертной казни и наказании розгами, Валерий ввел в обычай опускать фасции в народном собрании [5; II. 31.53]. В последующем вообще вошло в обычай опускать фасции, убирать секиры и снимать курульное кресло с трибунала в тех случаях, когда нижестоящий курульный магистрат встречался с высшим, причем это касалось, например, и тех случаев, когда сын, облеченный властью, встречал своего отца или мать.

Теперь несколько слов следует сказать об инсигниях **диктатора**. Его власть нередко сравнивалась по объему и величию с царской. При его избрании все прочие магистраты слагали свои полномочия, он один вершил суд над римлянами, и не было права обжалования его приговора. Так, Иоанн Лид (*De mag.* I. 36) пишет: «Все знаки царской власти, за исключением короны, были в распоряжении диктатора: 12 секир, пурпурная мантия, *sella*, копыя и

¹ Liv. XXVI. 36: «Мы, сенаторы, завтра же отдадим в казну все наше золото, серебро и медные деньги: пусть каждый оставит лишь по кольцу себе самому, жене и детям, да буллу сыну, да еще жене и дочери по унции золота; те, кто занимал курульные должности, пусть оставят себе серебряный конский убор и фунт серебра на солонку и блюдо для приношения богам».

² Dionys. V. 19. 3: «И желая, чтобы плебс получил надежное ручательство своей свободы, Валерий убрал из фасций секиры, и у последующих консулов установился обычай, сохранившийся и в наше время, чтобы, находясь вне Города, консулы пользовались секирами, а внутри Города ограничивались одними только фасциями».

все инсигнии, по которым узнавались цари». Первоначально у диктатора было 12 ликторов, а впоследствии стало 24 [3; 396].

Обычными инсигниями курульных магистратов обладали также **преторы**, основной обязанностью которых с 367 г. до н.э. стали судебные разбирательства среди граждан и peregrinorum. Это были toga-praetexta, курульное кресло и один ликтор с секирой и фасциями¹, право масок. Почти те же инсигнии имели и курульные эдилы, главной задачей которых было проведение религиозных празднеств, наблюдение за рыночными ценами и надзор за соблюдением жертвоприношений.

Не следует путать курульных эдилов с плебейскими (некурульными), которые формально вообще не обладали какими бы то ни было инсигниями, так же, как и плебейские трибуны².

Некоторое отличие имели инсигнии **цензоров**. Эта курульная магистратура по некоторым признакам была ближе к жреческой, нежели к административной. Ведь они возглавляли одну из главных религиозных церемоний Рима — совершение пятилетнего lustrum — обряда очистительных жертвоприношений, одновременно являвшегося завершением ценза. Как и прочие магистраты, они обладали курульным креслом, одеяние цензора было целиком окрашено пурпуром, что сопоставимо лишь либо с царскими, либо с жреческими регалиями.

Основным отличительным знаком **плебейских трибунов** было отсутствие каких бы то ни было магистратских регалий, и это имело объяснение. Плутарх (R. Q. 81) указывает: «трибуны служат препятствием должностным лицам, и это не должность, а как раз нечто ей противоположное: власть и сила трибунов в том, чтобы препятствовать злоупотреблениям властью и силой магистратов». Поэтому во всех внешних отличиях трибун должен был походить не на магистратов, а на простой народ, непосредственным представителем и защитником которого он являлся.

Таким образом, регалии рексов были обусловлены сакральным характером представлений римлян древности об атрибутах власти. Эти представления были сродными с мировоззрением многих народов на стадии формирования государственности, когда атрибуты власти воспринимались как божественные знаки. С изменением характера государственной власти шло, с одной стороны, усложнение атрибутики власти, с другой стороны — их формализация. Сакральный характер представлений римлян о власти сохранился и в последующие эпохи, однако на смену непосредственной магии символов власти постепенно приходило осознание реальной силы самой власти, а роль инсигний стала отходить на вто-

¹ Plut. R.Q. 82: «Почему перед преторами несут пучок розог с секирой в середине? Может быть, это означает, что гнев магистрата не должен быть слишком скор и несдержан?.. так как одни из пороков излечимы, а другие — нет, то розги вразумляют тех, кого можно исправить, а секиры отсекают неисправимых».

² Plut. Mar. 5: «Есть два разряда эдилов: одни получили название по креслу с изогнутыми ножками, в котором они сидят, исполняя свои обязанности, другие, уступающие первым достоинством, именуются народными».

рой план, превращаясь именно во внешние признаки власти. Многие сакральные символы продолжают свое существование и в геральдических системах наших дней, а также в современной государственной символике.

Литература

1. *Кофанов Л.Л.* Атрибуты власти магистратов в архаическом Риме / Л.Л. Кофанов. – М.: Спарк. – Древнее право. – Центр изучения римского права, 1998. – № 1 (3).
2. *Кофанов Л.Л.* Обязательственное право Древнего Рима / Л.Л. Кофанов. – М.: Норма, 1998. – 36 с.
3. *Любкер.* Реальный словарь классических древностей. – СПб.: С-ПУ, 1885. – 396 с.
4. Cic. De dom. 1.1 (в пер. Центра изуч. рим. пр. МГУ).
5. Cic. Resp. II. 31. 53.
6. Gell. 10. 7–10.
7. Plin. NH. XXXIII. 37.
8. Serv. Ad Aen. VII. 612.

Yarovaia M.V.

Insigniis and Regaliis of Rule in Ancient Rome

The article is devoted to the distinction of the notions insignia and regalia of the supreme power in ancient Rome as well as to the description of their specific types for rexes, consuls, extraordinary and ordinary magistrates. Insignia are unique material symbols of the state supreme power, sacred and memorable for the history as a whole. Insignia differ radically from regalia which are symbols of monarchs' and heads of states' power.

Key-words: bodies of supreme power in ancient Rome; imperium of power; regalia; insignia; Roman magistracy.

References

1. *Kofanov L.L.* Atributy' vlasti magistratov v arxaicheskom Rime / L.L. Kofanov. – М.: Spark. – Drevnee pravo. – Centr izucheniya rimskogo prava, 1998. – № 1 (3). – S. 36.
2. *Kofanov L.L.* Obyazatel'stvennoe pravo Drevnego Rima / L.L. Kofanov. – М.: Norma, 1998. – 36 s.
3. *Lyubker.* Real'ny'j slovar' klassicheskix drevnostej. – SPb.: S-PU, 1885. – 396 s.
4. Cic. De dom. 1.1 (v per. Centra izuch. rim. pr. MGU).
5. Cic. Resp. II. 31. 53.
6. Gell.. 10. 7–10.
7. Plin. NH. XXXIII. 37.
8. Serv. Ad Aen. VII. 612.

И.В. Меланченко

Правовое положение еретиков в поздней римской империи (на материале конституций Кодекса Феодосия)

Статья посвящена исследованию правового положения еретиков на основании анализа императорских конституций, вошедших в Кодекс Феодосия (438 г.). В отечественной историографии нет специального исследования, посвященного этой проблеме. Это первая попытка такого рода, выполненная автором на основании собственных переводов текста конституций. Проведенное исследование анализирует историю правового положения еретиков.

Ключевые слова: католичество; ересь; конституция; кодекс; правоспособность.

Эволюция взаимоотношений христианской церкви и римского государства на протяжении IV века претерпевает кардинальные изменения. Начинается IV век с жестоких гонений против христиан, инициированных императором Диоклетианом, а заканчивается признанием христианства в качестве государственной религии при Феодосии I. Союз церкви и государства имел многочисленные последствия и для той, и для другой стороны. Церковь, поступившись частью своей независимости, приобрела в лице государства надежного защитника своих интересов и решительного союзника в борьбе с внутренней и внешней оппозицией.

Первые века христианства были временем широкого религиозного плюрализма: внутри церкви кипели дискуссии, появлялись новые христианские церкви и секты. По мере превращения христианства в государственную религию происходит унификация догматических представлений. Этот процесс идет при довольно активном участии светской власти. Функцию борьбы с религиозным инакомыслием берет на себя государство: несогласие с мнением официальной церкви влечет за собой не только религиозные санкции, но также гражданскую и уголовную ответственность. Отступление от сложившейся догмы становится не просто религиозным проступком: отныне за свои убеждения можно было потерять права, лишиться имущества и даже поплатиться жизнью. В эпоху поздней империи борьба с ересями наряду с защитой границ империи становится одним из важнейших направлений деятельности императоров [3: с. 26].

Период времени, начиная с правления Константина Великого (IV век), сделавшего первый шаг к превращению христианства в государственную религию, и заканчивая серединой V века, когда союз церкви и римского го-

сударства был уже нерушимым, характеризуется активизацией религиозного законодательства. Результаты этого процесса нашли отражение в Кодексе, изданном по указанию Феодосия II в первой трети V века.

Попытки собрать воедино все действующие императорские конституции предпринимались и до Феодосия. Так, в конце III века неким Григорием (или Григорианом) был составлен Кодекс, названный его именем (*Codex Gregorianus*), в который вошли конституции, изданные с 196 по 292 г. Чуть позже он был дополнен Кодексом Гермогениана (*Codex Hermogenianus*), содержащем конституции Диоклетиана. Однако ни тот, ни другой Кодекс не имели официального статуса, их создание было частной инициативой взявшихся за их составление юристов. Ко времени Феодосия II проблема кодификации существующих норм позитивного права стала как никогда острой. Необходимо было систематизировать огромный объем императорских постановлений, появившихся вслед последней кодификации, и привести существующие юридические нормы в соответствие с изменившимися общественными отношениями [1: с. 246]. В этом же нуждались суды и практикующие юристы.

В 429 г. Феодосием была издана конституция, в соответствии с которой должна быть сформирована комиссия для работы над созданием Кодекса. По первоначальному замыслу кодификация должна была носить более масштабный характер и не ограничиваться только систематизацией императорских постановлений, но включать в себя также цитаты из сочинений и ответов (*responsa*) юристов. Однако со временем от этой части плана пришлось отказаться. Работа над Кодексом продолжалась около 10 лет и закончилась только в 438 г., когда он был официально принят. Кодекс включал в себя конституции императоров как западной, так и восточной части империи и был объявлен имеющим силу на всей территории римской империи. Кодекс состоит из 16 книг, каждая из них объединяет титулы, посвященные определенной отрасли права или регулирующих правовой статус различных групп населения, физических или юридических лиц. Постановления императора, затрагивающие церковную организацию и дела веры, помещены в последнюю, шестнадцатую книгу. Книга содержит 11 титулов. Первый из них посвящен определению основ католической веры, два следующих — организации церкви и положению ее служителей. Остальные восемь титулов заключают в себе постановления, касающиеся правового положения нехристианского и не-католического населения империи: язычников, отступников от христианской веры (апостатов), иудеев, а также различного рода еретиков. Самый большой титул по количеству включенных в его состав конституций посвящен еретикам. По-видимому, борьба с ересями была одним из главных направлений религиозной политики римских императоров.

Самое раннее из постановлений против еретиков, включенных в Кодекс, принадлежит Константину Великому. В эдикте от 326 г. он заявляет о предоставлении преференций католикам, еретики же и раскольники (*schismatici*) не только лишаются всяких привилегий, но и обязываются повинностями (C.Th. 16. 5 .1). Дошедший до нас фрагмент конституции не содержит определения понятия ере-

си¹ и не указывает характер повинностей, налагавшихся на еретиков. Поскольку католиками считались приверженцы никейского символа веры, можно полагать, что еретики — это те из христиан, кто не разделяет никейских догматов. Прежде всего, это сторонники арианства, осужденного на Никейском соборе в 325 г. при непосредственном участии Константина Великого.

Однако Константин не был последовательным в своей религиозной политике: вскоре его симпатии оказываются на стороне арианства, ставшего наиболее могущественным оппонентом католической церкви. Он не только прекратил преследования ариан, начатые после Никейского собора, но и вернул Ария, основателя учения, из ссылки и сам перед смертью крестился по арианскому обычаю. Сын Константина Великого Констанций был убежденным арианом и даже устраивал гонения на католиков [6: с. 98]. Поэтому можно сказать, что до последней четверти IV в. — времени восшествия на престол Феодосия I, политика государства по отношению к еретикам отличалась некоторой неопределённостью и непоследовательностью. Кроме этого, она, по всей видимости, не отличалась и особой активностью: из 66 конституций против еретиков, вошедших в Кодекс, 62 изданы при участии Феодосия I и его сыновей Аркадия, Гонория и Феодосия II, и только 4 имеют более раннее происхождение.

С приходом в 378 г. к власти Феодосия I (ум. В 395 г.) религиозная политика государства в целом, и в частности политика в отношении еретиков становится на порядок более энергичной. Феодосий попытался хотя бы в общих чертах определить понятие ереси. В 380 г. он издает эдикт, в котором объявляет еретиками всех, кто не разделяет господствовавшего церковного учения, основанного на никейском символе веры. По определению эдикта католиком является всякий, кто верит в единую божественную сущность Отца, Сына и Святого Духа и равное величие Троицы. Все, кто не согласен с этим догматом, должны быть признаны еретиками (CTh. 16.1.1–4, ср. 5. 6, 28). Всего в Кодексе упоминается 31 еретическая секта. Самые упоминаемые (и, очевидно, самые влиятельные): евномииане, манихеи, донатисты, ариане.

Собрания еретиков были запрещены. Наиболее крупные еретические церкви, обладая сложной внутренней организацией, имели свое имущество, поэтому в качестве наказания за несоблюдение запрета, императорские конституции, прежде всего, называют конфискацию имущества, принадлежащего этим церквям, а также помещений и участков, где они проводили свои собрания. По эдикту от 372 г. дома, где проходили собрания манихеев, должны быть конфискованы (3)². Через несколько лет эта мера была распространена на другие еретические церкви (4, 8, 12). Конституции, изданные до 408 г., предписывают передавать изъятые земли

¹ Возможно, полный вариант эдикта содержал необходимые дефиниции, но редакторы не включили их в текст Кодекса. Конституции, вошедшие в состав Кодекса, подверглись определенному редактированию со стороны составителей. Редакторы сокращали тексты многих конституций, убирая то, что, по их мнению, очевидно или не относится к сути императорского постановления [5: с. 119].

² Здесь и далее при ссылке на источник указывается только номер конституции, без номера книги и титула.

фиску (3, 4, 8, 12, 21, 30, 40.7). С 408 г., когда на престол Восточной римской империи вступил Феодосий II, земли еретиков стали передаваться католической церкви (43, 52.5, 54.1, 57.2, 65)¹.

Конфискации подвергались также частные строения и земли, собственниками которых были вполне правоверные католики, в том случае, если они предоставляли еретикам свою площадь для проведения запрещенных собраний (21, 34.1, 36.1, 40.7, 65.3). Если собственник был введен в заблуждение нанимателем, который предоставил помещение без ведома собственника, то наниматель земли платит штраф в казну в размере 10 фунтов золота, сам же собственник сохраняет свое право собственности. Когда нанимателем является раб, то, будучи подвергнут наказанию палками, он должен быть депортирован (21)².

Наиболее крупные еретические церкви обладали достаточно сложной организацией и собственной иерархией духовенства³. Государство стремилось не только лишить еретические церкви имущества, но и разрушить их организационную структуру. Императорские эдикты запрещают еретикам создавать церкви и избирать духовенство (например, 8, 12, 14). Несоблюдение предписаний закона, помимо упомянутой выше конфискации имущества, влекло для учителей еретических сект и священнослужителей также депортацию. Закон предписывал лишать их имущества, изгонять их из городских и сельских общин и депортировать (12, 13, 19, 30-34, 36.2, 45, 54.1, 57р., 58, 63, 64), при этом они объявлялись лишенными гражданской чести (*infames*) (54.1). Кроме того, закон предусматривал также штраф для тех, кто принимал на себя обязанности священнослужителя (*clericus*). Этот штраф составлял 10 фунтов золота с каждого, кто совершит избрание или допустит, чтобы его избрали. Штраф поступал в казну (21, 65.1). Конфискация имущества предусматривалась и для рядовых членов общины, если они, не смотря на запрет, продолжали участвовать в публичных собраниях (51, 52.3, 56).

Наказания, налагаемые на еретиков, касались, прежде всего, ограничения права свободно распоряжаться своим имуществом. Так, например, эдиктом от 381 г. манихеи были лишены права оставлять свое имущество по завещанию или получать по завещанию, а также любым способом отчуждать и получать имущество. Виновные в нарушении этой нормы лишаются данного имущества, которое считается выморочным (*caducum*) и переходит фиску (7р.). Манихей, лишенный права составлять завещание, тем не менее, сохраняет возможность законного преемства (*legitima alatinen*). В этом случае его имущество может получить его ближайший наследник (*heres suus*), при условии, если он сам не еретик, или, за отсутствием такового, ближайший агнат (*agnatus proximus*). В случае отсутствия последнего имущество переходит в казну (9 р., 18.1). Преемство в отцовском и материнском имуществе имеют лишь те дети манихеев, которые

¹ Исключением стали две конституции (45, 58), предписывающие конфискацию земель в пользу казны.

² В более поздней конституции такой раб, после телесного наказания приговаривается к рудникам (65.3).

³ Помимо учителей (*magistri*), в конституциях упомянуты следующие служители церкви: епископы, пресвитеры, диаконы, старейшины (*antisites*), чтцы (*lectores*), жрецы (*sacerdotes*).

не осквернили себя участием в родительских заблуждениях (7. 2). Эдикт 407 г. подтверждает ограничения, наложенные на манихеев в праве распоряжаться своим имуществом. Более того, в данной конституции подчеркивается, что исповедание манихейского учения является, прежде всего, преступлением публично-правового характера (*publicum crimen*), поскольку, по словам эдикта, то, «что совершается против божественной религии, совершается для оскорбления всех» (40.1). Эдикт еще раз подтверждает лишение манихеев права завещать, дарить или отчуждать свое имущество и получать от других в дар и по завещанию, а также права заключать обязательства (*contrahendi facultatem*). Закон предписывает конфискацию имущества манихеев в пользу ближайших родственников по восходящей и нисходящей до второй ступени (40.2) при условии, что они не разделяют еретических убеждений. Это наказание действует также в отношении тех, кто был уличен в еретических убеждениях только после смерти: все оставленные ими документы, содержащие их посмертную волю (завещание, кодициллы и т.д.) считаются недействительными.

Круг ересей, приверженцы которых ограничивались в правах, постепенно расширяется. По аналогии с манихеями, евномииане были также ограничены в праве распоряжаться своим имуществом: лишались права завещать (и получать по завещанию), дарить (и получать по дарению), наследование для них возможно только по закону (49, 58.4). Донатисты, и все прочие еретики, которых, по словам эдикта, милость императорского величества до сих пор сохраняла от наказания, лишались права составлять завещание и заключать договоры и были клеймены вечным бесчестьем (*perpetua infamia*) (54pr). Имущество лиц, предоставляющих убежище скрывающимся от закона донатистам, должно быть конфисковано в казну (54.2). Эдикт от 412 г. устанавливал штрафы для приверженцев донатизма в зависимости от принадлежности к тому или другому социальному, профессиональному слою или положению в системе государственных чинов. В соответствии с существующей табелью о рангах, титулом высших сановников был *illustres*: представители этого сановничества, уличенные в ереси должны были заплатить в казну штраф, равный 50 фунтам золота, те кто относились к рангу *spectabiles* платили 40 фунтов, следующий ранг — *clarissimi*, они платили 20 фунтов, сенаторы и духовенство (*sacerdotales*) по 30 фунтов золота, старейшины (*principales*) — 20 фунтов золота, декурионы, купцы и плебеи по 5 фунтов золота, странствующие монахи-еретики (*circumcelliones*) по 10 фунтов серебра (52 pr.). Того, кто не изменит образ мыслей после уплаты штрафа, ожидает конфискация всего имущества (52.3). За раба-донатиста ответственность нес его господин, даже если сам господин был католиком. По всей видимости, он платил штраф за своего раба (52.4). Закон предоставлял господину возможность самому вернуть своего раба в лоно истинной церкви при помощи убеждения или физического наказания, если господин желал избежать наказания сам. С другой стороны, закон предостерегает еретиков от обращения собственных рабов в свою веру, кроме того, еретик-господин нес ответственность за препятствование отправлению католического культа своему рабу-католику (65.4).

Мелкие судебные служители (*officiales diversorum iudicum*), происходившие из социальных низов, часто являвшиеся рабами, будучи уличенными в донатизме, уплачивают штраф в 30 фунтов серебра. Если они не изменяют своих убеждений, то после пятого штрафа, они подлежали телесному наказанию и высылке (54.7). Рабы и колонны за приверженность донатической ереси подвергаются телесному наказанию и, если будут упорствовать в своих заблуждениях, то должны в качестве наказания лишиться трети своего пекулия. Штрафы и взысканное имущество поступают в государственную казну (54.9).

За обращение в еретическую веру установлен штраф в 10 фунтов золота. Таким же штрафом наказывается свободный человек, допустивший обращение себя в еретическую веру (65.4).

В случае, если еретики упорствуют в своих убеждениях и, несмотря на запрет, продолжают собираться на сходки, закон назначает им наказание в виде смертной казни (*poena sanguinis*) (51, 56).

Еретикам была запрещена служба, которую закон определяет как *militia* (58.7). В эпоху поздней Империи под этим термином понималась не столько воинская служба, как это было раньше, но, прежде всего, служба при имперском и провинциальных правительствах [2: с. 40; 7: с. 582]. Однако была сделана оговорка, что запрет воинской и государственной службы (*militia*) касается только высших должностей и не относится к низшим (и наименее престижным) должностям при провинциальных администрациях (службу при местных администрациях закон определяет как *cohortalina militia*, тех, кто ее несет — *cohortalini*). От исполнения обязанностей когорталинов и от лагерной службы в провинциях еретики не освобождались (42, 48, 61, 65.3). Кроме того, еретики не освобождались от обязанностей сословия декурионов, которые были связаны с большими материальными издержками и рисками [4: с. 106].

Закон запрещал еретикам службу при дворце: в архиве дворцовой канцелярии (*scrinium*), службу в качестве ревизоров (*agentes in rebus*), или придворных (*alatine*). Уличенные в нарушении закона служащие должны быть не только изгнаны со службы, но также депортированы из города. Причем, такое же наказание ожидало тех, кто содействовал им в получении места или покровительствовал им (29).

В то же самое время всем еретикам была предоставлена возможность раскаяния. Отказ от еретических заблуждений и переход в католичество избавлял человека от предусмотренного законом наказания и восстанавливал его в гражданских правах (41). В 425 г. императоры Феодосий и Валентиниан издали указ, в соответствии с которым предписывали еретикам или вернуться в лоно католической церкви в течение 20 дней после вступления указа в силу или, в противном случае, покинуть Рим и не селиться ближе сотого верстового камня от Рима (62).

Таким образом, можно заметить, что по мере сближения церкви и государства политика государства по отношению к еретикам становится все более активной. Государство всеми силами пыталось препятствовать распространению еретических учений и вовлечению в еретические секты новых членов. С этой целью под страхом конфискации имущества, депортации или штрафа

было запрещено создавать еретические церкви, избирать духовенство, проводить собрания и богослужения. Ограничения прав еретиков в основном касались ограничения возможности свободно распоряжаться своим имуществом. Кроме того, им было запрещено занимать ряд должностей в имперской и провинциальных администрациях, нести воинскую службу при дворце. Некоторые из наиболее поздних конституций Кодекса в качестве наказания для упорствующих в своих убеждениях еретиков называют смертную казнь. По всей видимости, по мере превращения христианства в государственную религию борьба с ересями принимает не только более активный, но и более жесткий и бескомпромиссный характер.

Литература

1. *Коптев А.В.* Кодификация Феодосия и ее предпосылки / А.В. Коптев // Древнее право. – 1996. – № 1. – С. 247–261.
2. *Кулаковский Ю.А.* История Византии 395–518 гг.: в 3-х тт. / Ю.А. Кулаковский. – 3-е изд. – Т. 1. – СПб.: Алетейя, 1996. – 445 с.
3. *Лемерль П.* История Византии / П. Лемерль // На перекрестке цивилизаций. – М.: Весь мир, 2006. – С. 3–104.
4. *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства / Д.М. Петрушевский. – СПб.: Гуманитарная академия, 2003. – 443 с.
5. *Сильвестрова Е.В.* Lex generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. / Е.В. Сильвестрова. – М.: Индрик, 2007. – 246 с.
6. *Шафф. Ф.* История христианской церкви: в 4-х тт. / Ф. Шафф. – Т. 3. – СПб.: Библия для всех, 2007. – 687 с.
7. *Berger A.* Encyclopedic Dictionary of Roman Law / A. Berger. – Philadelphia: Philadelphia, 1991. – 808 p.

Melanchenko I.V.

The Legal Status of Heretics in the Late Roman Empire (on the Material of the Theodosius Code)

The article is consecrated to the legal status of the heretics on the basis of analysis of imperial constitutions, included in the Code of Theodosius (438). In the Russian historiography there is no specific study on this issue. This work can be seen as the first attempt of its kind performed by the author on the basis of his own translations of the constitutions.

Key-words: Catholicism; heresy; constitution; code; capacity.

References

1. *Koptev A.V.* Codifikaciya Feodosiya i eyo predposy'лки / A.V. Koptev // Drevnee pravo. – 1996. – № 1. – S. 247–261.
2. *Kulakovskij Yu.A.* Istoriya Vizantii 395–518 gg.: v 3-x tt. / Yu.A. Kulakovskij. – 3-e izd. – T. 1. – SPb.: Aletejiya, 1996. – 445 s.

3. *Lemerl' P.* Istoriya Vizantii / P. Lemerl' // Na perekrestke civilizacij. – M.: Ves' mir, 2006. – S. 3–104.
4. *Petrushevskij D.M.* Oчерki iz istorii srednevekovogo obshhestva i gosudarstva / D.M. Petrushevskij. – SPb.: Gumanitarnaya akademiya, 2003. – 443 s.
5. *Silvestrova E.V.* Lex generalis. Imperatorskaya konstituciya v sisteme istochnikov greko-rimskogo prava V–X vv. / E.V. Silvestrova. – M.: Indrik, 2007. – 246 s.
6. *Shaff. F.* Istoriya xristianskoj cerkvi: v 4-x tt. / F. Shaff. – T. 3. – SPb.: Bibliya dlya vsekh, 2007. – 687 s.
7. *Berger A.* Encyclopedic Dictionary of Roman Law / A. Berger. – Philadelphia: Philadelphia, 1991. – 808 p.

А.В. Звонарев

Реформирование центральных органов управления сухопутными вооруженными силами Российской империи (1725–1740)

Статья посвящена развитию центральных органов управления российской армии в период правления Екатерины I, Петра II и Анны Иоановны. Подробно рассматриваются изменения в управлении армии в связи с созданием и упразднением Верховного Тайного Совета и деятельностью Военной комиссии, созданной в 1730 году.

Ключевые слова: армия; Военная коллегия; Верховный Тайный Совет; Военная комиссия.

Центральным органом управления сухопутными вооруженными силами в рассматриваемый период оставалась созданная в 1718 году Петром I Военная коллегия. Она ведала вопросами организации, управления, расквартирования и боевой подготовки войск. Военная коллегия первоначально подчинялась Сенату и исполняла распоряжения, отданные законодателем именными или сенатскими указами. Данный порядок был изменен 8 февраля 1726 года при создании Верховного Тайного Совета. В указе говорилось о том, что из-за того, что президенты первых коллегий «двух военных... сухопутной, да... морской, и третьей политической» постоянно заняты в Сенате, «в первом и весьма нужном деле в Тайном Совете немалое им чинится помешательство». Вследствие чего Иностранная, Военная и Адмиралтейская коллегии были отнесены к ведению Верховного Тайного Совета (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 6. Л. 54–55).

Новый порядок принятия решений по военным вопросам был апробирован уже 10 февраля 1726 года на первом заседании Верховного Тайного Совета. На нем было заслушано подписанное императрицей определение о действиях войск генерал-майора Румянцева, находившихся в Персидских провинциях [4: с. 1–2]. При этом президент Военной коллегии А.Д. Меншиков, сменивший на этом посту Н.И. Репнина, добился права непосредственного доклада императрице по делам Военной коллегии. На его имя был получен именной указ: «Хотя мы определили в Верховном Тайном Совете иметь консилиии, или тайные советы, о всех важных делах, однако ж в которые дни не будем мы сами там присутствовать, то о важных воинских делах, а именно о состоянии армии и о движении оной, или которой дивизии, или нескольких полков, также и о приготовлении магазинов и о прочем, что к соблюдению секрета надлежит, доносить нам самим, яко президенту от Воинской коллегии, а кроме нас самих, рапортов и ведомостей никому не сообщать» [7: с. 560].

В соответствии с новыми штатами, утвержденными в самом начале царствования Екатерины I, Военная коллегия состояла из президента, советников и ассессоров. При Военной коллегии состоял прокурор, обязанный наблюдать за законностью решения в коллегии дел. Личный состав канцелярских служителей был увеличен. Кроме того, определено было сформировать отделение коллегии в Москве [3: с. 40–43].

Учреждение Военной коллегии не привело к созданию единства военного управления в период правления Петра I. На коллегиям было возложено наблюдение за Главной артиллерийской канцелярией, находившейся в ведении генерал-фельдцейхмейстера. В некотором подчинении Военной коллегии находилась Кригс-комиссариатская контора, отвечавшая за финансирование войск и снабжение их обмундированием и вооружением и Главная провиантская канцелярия. Однако уже в феврале 1726 года генерал-провиантмейстер был подчинен Военной коллегии. В указе императрицы, состоявшемся в Верховном Тайном Совете, в частности, говорилось: «Генерала провиант мейстера подчинить к Военной коллегии, и чтоб он обовсем рапортовал оной, и по указом о той Военной коллегии поступал, таким повсем образом, как указы повелевают. А ежели Военная коллегия будет требовать того, чтоли бо иногда противно указу, то ему тогда доносить в Верховном Тайном Совете» (РГАДА. Ф. 176. Оп. 2. Д. 6. Л. 4).

В то же время подчинить себе Кригс-комиссариатскую контору Военная коллегия не смогла. Согласно журналу Верховного Тайного Совета на заседании 13 января 1727 года было принято решение «крикс-комисару военной коллегии подчинену не быть, а подлежит быть ему под дирекцию Верховного Тайного Совета, и поступать ему по прежним регулам, как учинено было блаженныя памяти при Его Императорском величестве» [5: с. 26].

Важные изменения в системе управления сухопутными вооруженными силами произошли с воцарением Анны Иоанновны. Вслед за роспуском Верховного Тайного Совета последовало подчинение Военной коллегии восстановленному в правах Правительствующему Сенату. По указу от 1 июня 1730 года в составе Сената был образован департамент, который должен был ведать военными сухопутными и морскими делами [1: с. 285–286]. В тот же день именным указом была учреждена «Комиссия для рассмотрения состояния армии, артиллерии и фортификации и исправления оных» [1: с. 286].

Это была уже третья попытка создать комиссию для реформирования вооруженных сил. Первая была предпринята еще в царствование Екатерины I. В январе 1727 года на имя Верховного Тайного Совета последовал манифест императрицы, согласно которому Совету подлежало «иметь прилежное рассуждение... как содержать сухопутную армию и флот без народной тягости; для сего учредить комиссию из генералитета и флагманов, при которой быть одному члену из Верховного Совета, одному сенатору, президенту Каммер-коллегии и некоторым членам» [4: с. 33]. Однако создание комиссии затягивалось, вероятно, в связи с длительной болезнью А. Д. Меншикова. На заседании 13 января присутствовавшие члены Верховного Тайного Совета генерал-адмирал Апраксин, канцлер Головкин и Толстой решили передать «на волю» императрицы назначение чле-

нов комиссии [5: с. 26]. 17 февраля последовал именной указ, согласно которому рассмотрение «окладов и расходов двух воинских коллегий, сухопутной и морской» переносилось в Кабинет императрицы [5: с. 120]. Лишь 28 марта указом Верховному Тайному Совету императрица соизволила определить состав комиссии: «из генералитету, генерал-лейтенантов: Андрея Ушакова, Ивана Дмитриева-Мамонова, тайного советника Алексея Макарова, генерала-майора и воинского действительного советника Алексея Волкова; из флагманов: шаудбенахта Наума Синявина..., из сенаторов: статского действительного советника Василья Новосильцова и обер-секретаря [Анисима] Маслова» [5: с. 427]. Однако 24 апреля на заседании Верховного Тайного Совета было предложено заменить в составе комиссии сенатора Новосильцова на Долгорукова, и добавить в состав капитан-командора Гослера. Правда, как записано в журнале Верховного Тайного Совета, «о том основательно неположено» [5: с. 463]. Комиссия так и не успела приступить к реформированию армии. Смерть императрицы, а затем опала и ссылка всесильного фаворита расстроили эти планы. Однако уже к осени 1729 года стало очевидно, что откладывать дальше нельзя. В докладе Верховного Тайного Совета отмечалось, что новый президент Военной коллегии после ареста Меншикова так и не был назначен, членов коллегии было «недовольное число, от чего в делах слабое отправление и остановка чинится, а наипаче в содержании в добром порядке армии, как людьми, так мундиром и амунициею». В связи с этим Верховный Тайный Совет предложил создать новую комиссию во главе с генерал-фельдмаршалами, обретающимися в Москве, и даже наметил вопросы, которые предполагалось решить в первую очередь [1: с. 232–233]. Однако смерть молодого императора Петра II и последующий политический кризис отложили вопрос о начале работы комиссии и на этот раз.

Именным указом от 1 июня 1730 года вновь учрежденной комиссии было предписано рассмотреть 15 первоочередных вопросов о содержании сухопутной армии. Комиссии предстояло «иметь рассуждение о генеральстве», об увеличении или уменьшении его состава, пересмотреть штаты пехотных и кавалерийских полков, артиллерийского и инженерного корпусов, решить вопрос о комплектовании армии драгунскими и прочими полковыми лошадьми, обсудить обеспечение армии денежным жалованьем, обмундированием, вооружением, провиантом и фуражом, пересмотреть строевые уставы, установить правила о содержании и службе солдатских детей, рассмотреть «новые военные артикулы», составленные в последние годы жизни Петра I, «которые до сего времени в действо не произведены». Указ определял и порядок решения вопросов: «Сперва об одном иметь рассуждение и иное окончать, а потом о другом, и следовательно о третьем, и прочих, дабы таким образом, пока одно дело определится, в других остановки, и вместо порядка вящее помешательство не учинилось» [1: с. 286–289]. Первым руководителем комиссии стал генерал-фельдмаршал М.М. Голицын (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 10. Л. 58), назначенный затем и президентом Военной коллегии. После его смерти на обоих постах его сменил генерал-фельдмаршал В.В. Долгорукий. Однако начавшаяся опала В.В. Долгорукова привела на пост руководителя комиссии генерал-фельдцейхмейстера Б.Х. Миниха.

Столь частая смена руководителей, а также замена отдельных членов комиссии не могла не сказаться на ее работе. Тем более, что у Анны Иоанновны возникло недоверие к результатам, достигнутым комиссией при первых двух руководителях. 29 марта 1731 года на первом заседании обновленного состава комиссии Б.Х. Миних объявил об «изусном» указе императрицы: «чтоб та комиссия начинать ему вновь и все пункты рассмотреть» [6: с. 151–152]. Деятельность комиссии фактически продолжалась до 1732 года. После назначения Б.Х. Миниха президентом Военной коллегии он попросил государыню ликвидировать комиссию, предлагая завершить ее работу коллегии [6: с. 165].

Одним из первых нововведений, предложенных Военной комиссией, стало учреждение в 1731 году должности генерал-инспектора и трех военных инспекторов, подчиненных Военной коллегии. Согласно «Инструкции определенным при армии нашей генералу инспектору и военным инспекторам», все войска были разделены на четыре департамента по территориальному принципу. На генерал-инспектора или военного инспектора возлагалась обязанность производить два раза в год осмотр воинских частей, «переменяясь по департаментам, одному весною, а другому тот же департамент осенью». В отдаленные места (сибирские и архангелогородские гарнизонные полки) предполагалось посылать специально назначенных полковников. Кроме инспектирования войск, в обязанности инспекторов входил осмотр лазаретов, провиантских магазинов, денежной казны, приходных и расходных книг. В мирное время генерал-инспектор и инспектора должны были присутствовать в Военной коллегии «сколько их чину время допустит». Во время войны генерал-инспектор и два инспектора находились при действующей армии и сверх своей должности должны были командовать полками. Третий инспектировал оставшиеся армейские, гарнизонные и ландмилицкие полки [1: с. 572]. Под дирекцией генерал-инспектора и военных инспекторов должны были состоять воинские обер-фискалы и фискалы, также получившие новую должностную инструкцию [1: с. 926–928].

Важным изменением стало реформирование деятельности Комиссариата. Еще в июне 1730 года Сенат рассмотрел вопрос о состоянии дел в Военной коллегии и Комиссариате. По мнению Сената, работа в этих учреждениях велась не в надлежащем порядке. Обращалось внимание на то, что коллегия ведомостей в Сенат не подавала. В Сенат был приглашен генерал-майор Кропотов, заведовавший Комиссариатом, который донес, что ведомости он посылал в Военную коллегия, но обратил внимание на то, что коллегия некоторые расходы осуществляла без ведома Комиссариата. Сенат принял решение, чтобы теперь Комиссариат подавал ведомости в Сенат, минуя Военную коллегия, потому что впредь он в ведомстве этой коллегии состоять не будет [8: с. 22].

В октябре 1731 года по предложению Военной комиссии для упорядочения довольствия армии жалованием, провиантом, мундиром и амуницией к Комиссариату была присоединена Провиантская канцелярия [3: с. 163]. Новое учреждение, названное Генеральный кригс-комиссариат, должно было состоять из Провиантской, Казначейской и Мундирной контор и находиться в Москве. В Санкт-Петербурге же оставалась контора во главе с обер-штер-

кригс-комиссаром. В декабре 1731 года новое ведомство получило «Инструкцию нашему Генеральному кригс комиссариату», на основании которой оно должно было осуществлять свою деятельность [1: с. 287].

Однако данный порядок просуществовал не долго. После переезда Военной коллегии в Санкт-Петербург стало очевидно его несовершенство. Инспектирование войск показало недостатки в их снабжении. Контроль же со стороны Военной коллегии был утрачен в силу того, что Генеральный кригс-комиссариат, по-прежнему, оставался в Москве и «на многие из коллегии посланные указы» не отвечал. Однако предложение Военной коллегии о переводе Комиссариата из Москвы в Санкт-Петербург было отклонено императрицей по представлению Сената. Сенат аргументировал свой отказ тем, что изготовление амуниционных вещей находится в Москве, а цены в Москве ниже, чем в Санкт-Петербурге. Большинство же армейских полков расположены в южных пограничных украинских и низовых городах. Снабжение армии из Москвы будет обходиться казне дешевле. Однако Сенат не возражал, чтобы сам генерал-кригс-комиссар «с некоторым малым числом канцелярских служителей» переехал в Санкт-Петербург. По мнению сенаторов, здесь он «не токмо в каких неисправлениях ответ давать будет должен, но что касается к лучшему исправлению в приуготовлении мундира, амуниции и провианта, о том с Военною коллегией сношение и совет иметь...» [2: с. 167–168].

В январе 1736 года высочайше утвержденным докладом Сената было объявлено о новом устройстве Военной коллегии, в которой полагалось заседать президенту, вице-президенту и двум советникам. Военная коллегия должна была состоять из Главной канцелярии, Особого повытья и семи контор. К ведению Главной канцелярии относились вопросы устройства, комплектования и инспектирования армейских, ландмилицких и гарнизонных полков, конфирмация приговоров военных судов, производство и увольнение офицеров, сбор рекрут и дела казачьих войск. На Особое повытье были возложены дела о беглых драгунах и солдатах, определении на службу недорослей и об отставке унтер-офицеров и рядовых. Прочие дела должны были быть разделены между вновь созданными конторами, которые возглавлялись директорами и находились под «генеральным смотрением» коллегии. Генерал-кригс-комиссариатская контора ведала сбором всех доходов, предназначенных Военной коллегии и отпуском денег в другие конторы. Обер-цалмейстерская контора отвечала за денежное довольствие. Амуниционная или мундирная контора следила за вещевым довольствием военнослужащих. Провиантская контора решала вопросы о провиантском и фуражном довольствии и о содержании магазинов. При ней учреждались специальная Экспедиция, которая должна была заниматься покупкой лошадей для армейских нужд и распределением их по полкам. Артиллерийская канцелярия отвечала за оружейное дело и артиллерию. Инженерные дела отводились в ведомство Фортификационной конторы. Наконец, ревизией счетов по военному ведомству должна была заниматься Счетная контора. Всем конторам определено было находиться в Санкт-Петербурге, а в Москве полагалось иметь только подчиненных «для приемов и отпусков по указам и ассигнациям из тех контор» [2: с. 724–729].

Безусловно, созданием новой централизованной структуры Военной коллегии было достигнуто полное единство военного управления сухопутной армии. Однако уже вскоре обнаружился и ряд недостатков. Осенью стало очевидно, что перевод всех дел вместе с конторами в Санкт-Петербург может отрицательно сказаться на решении многих вопросов. Поэтому в сентябре 1736 года Кабинет министров утвердил предложение Сената об учреждении в Москве Военной конторы, которая должна была состоять из директора и трех советников. Директор должен был решать дела, относящиеся к ведению канцелярии Военной коллегии и Генерал-кригс-комиссариатской конторы. Советники представляли Обер-цалмейстерскую, Провиантскую и Мундирную конторы. Согласно резолюции Кабинет министров, директор и советники должны были присутствовать в конторе и «дела отправлять всем обще» [2: с. 929–937].

Изучение развития системы управления сухопутными вооруженными силами Российской империи в 1725–1740 годах позволяет обратить внимание на главную тенденцию, характерную для данного периода. Уже в начале изучаемого периода заметно стремление объединить все военное руководство в одних руках. Фактически это произошло уже при первом российском генералиссимусе А.Д. Меншикове. Однако «борьба вокруг трона» не позволила ему юридически это оформить. Это случится позже в царствование Анны Иоанновны. Под энергичным и уверенным руководством Б.Х. Миниха и с благословения императрицы удалось провести реформу центрального управления и преобразования в сухопутной армии, позволившую восстановить пошатнувшийся авторитет Российского государства.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Т. VIII. 1728–1732. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – 1018 с.
2. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Т. IX. 1733–1736. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – 1025 с.
3. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Т. XLIII. Ч. 1. Книга Штатов. Отд. 1. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – 867 с.
4. Протоколы Верховного Тайного Совета. 1726–1730 гг. – М.: Университетская типография, 1858. – 124 с.
5. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 63. Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726–1730. Т. III (январь – июнь 1727 г.). – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1888. – 876 с.
6. *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьба армии и флота / Н.Н. Петрухинцев. – СПб.: Алетей, 2001. – 352 с.
7. *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18-ти кн. – Кн. IX. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – Т. 17–18. – М.: Мысль, 1993. – 671 с.

8. Соловьев С.М. Сочинения: в 18-ти кн. – Кн. X. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – Т. 19–20. – М.: Мысль, 1993. – 751 с.

Zvonaryov A.V.

Restructuring the Central Bodies of Armed Land Forces Administration in the Russian Empire (1725–1740)

The article is devoted to developing the central bodies of Russian army administration under Ekaterina I, Pyotr II and Anna Ioanovna. The changes in the army management due to setting up and closing down the Supreme Privy Council and the activity of The military commission created in 1730 are considered in detail.

Key-words: army; Military board; Supreme Privy Council; Military commission.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. – Т. VIII. 1728–1732. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1830. – 1018 s.

2. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. – Т. IX. 1733–1736. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1830. – 1025 s.

3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. – Т. XLIII. Ch. 1. Kniga Shtatov. Otd. 1. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1830. – 867 s.

4. Protokoly' Verhovnogo Tajnogo Soveta. 1726–1730 gg. – М.: V Universitetskoj tipografii, 1858. – 124 s.

5. Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. Т. 63. Protokoly', zhurnaly' i ukazy' Verhovnogo Tajnogo Soveta. 1726–1730. Т. 3 (yanvar' – iyun' 1727 g.). – SPb.: Tipografiya I.N. Skoroxodova, 1888. – 876 s.

6. Petruхincev N.N. Carstvovanie Anny' Ioannovny': formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'ba armii i flota / N.N. Petruхincev. – SPb.: Aletejya, 2001. – 352 s.

7. Solov'ev S.M. Sochineniya: v 18-ti kn. – Кн. IX. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen / S.M. Solov'ev. – Т. 17–18. – М.: Mysl', 1993. – 671 s.

8. Solov'ev S.M. Sochineniya: v 18-ti kn. – Кн. X. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen / S.M. Solov'ev. – Т. 19–20. – М.: Mysl', 1993. – 751 s.

В.А. Северухин

Подходы к пониманию государственности

В юридической литературе понятия государство и государственность не тождественны. Государственность — более широкое и емкое понятие, которое охватывает значительный временной период. Позиция автора: возможность исследования государственности в относительно короткие периоды времени при использовании математического, кибернетического, синергетического методов и программного обеспечения.

Ключевые слова: государство; государственность; модель государства; методы исследования.

Термин «государственность» изначально использовался в исторической, позднее политологической науках, а во второй половине XX века был воспринят юридической наукой. Этот термин рассматривался отдельными учеными в «узком» значении как синоним государства вообще, как структура власти и властных отношений, как система институтов и правил их взаимоотношений, определенных Конституцией [8: с. 164]. Ученые, занимающиеся проблемами государственности, в зависимости от методологических предпочтений приписывают этому термину различный смысл. Так, И.А. Исаев с позиции системного подхода рассматривает государственность как сложный государственный организм, а российскую государственность как «идеологию властвования, ее структуру и аппарат» [5: с. 172].

А.Б. Венгеров акцентирует внимание на способах решения государством проблем, исторически сложившихся в развитии общества. Исследователь рассматривает государственность как определенную государственно организованную форму общества [3: с. 106]. К российской государственности, подчеркивает А.Б. Венгеров, надо подходить не только с политических, экономических, социальных позиций, но и с культурологических, религиозных, а также с позиций уровня духовного развития России на определенном этапе, общих мировых государственно-правовых процессов в те или иные периоды, российских традиций, национальной и социальной психологии и т.п. [3: с. 203–204].

Сама государственность рассматривалась ученым как исторический процесс, охватывающий значительный промежуток времени.

А.В. Воронин в курсе «История российской государственности» отмечает, что понятие государственности заметно шире понятия государства. В него

входят такие составляющие, как государственная идеология, взаимоотношения государства с обществом, полигосударственное образование и т.д.¹

Таким образом, большинство авторов считает понятие «государственность» более широким и более глубоким, чем понятие «государство».

Л.А. Морозова рассматривает государственность как свойство, качество, состояние общества на конкретном историческом этапе. Она выделяет следующие элементы государственности: само государство, экономический строй общества и его социальную организацию, духовно-нравственную (культурную) организацию общества, правовую, информационную системы и человека как субъекта человеческого развития [6: с. 10–11].

В специфику государственности некоторые авторы включают наличие в ее истории пяти перманентно обостряющихся вопросов: крестьянского, национального, геополитического, питейного и модернизационного.

Ряд ученых, подчеркивая специфику российской государственности, отмечают особый менталитет народов России, проявляющийся в своеобразии экономического уклада, политико-правовой жизни, духовных и психологических особенностях восприятия мира. Отторжение демократических институтов в российском обществе эти авторы пытаются объяснить, ссылаясь на самобытность народов России. Не вступая в полемику, следует подчеркнуть, что современные проблемы российской государственности коренятся не столько в особом менталитете российского народа, сколько в отступлении от конституционных принципов и в тех известных проблемах, которые явились результатом этих отступлений.

Характеристика государственности должна содержать научную оценку и суждения о ее эффективности и полезности для населения по критериям качества жизни.

Термин «государственность» наиболее эффективен при исследовании значительного временного диапазона политико-правовой действительности, т.е. когда периоды осмысливания измеряются не 5–10 годами, а более продолжительными промежутками времени [9: с. 223].

В юридической литературе отмечается, что теоретическое обобщение не должно подменять или заменять историческое знание, не должно сводиться к истории государства.

Изучение государственности должно иметь свой предмет и свои ограничения по срокам, по конкретике и выводам. В современной науке, в том числе и в теории государства и права, эта методологическая задача решена далеко не в полной мере [10: с. 89].

Тем не менее, можно сделать некоторые предварительные выводы. Понятие государственности дает более объемное отражение процессов, происходящих в государстве. Сложившиеся в теории государства и права традиционные

¹ Воронин А.В. История Российской Государственности: уч. пособие / А. В. Воронин // Юридическая интернет-библиотека [сайт]. URL: <http://yuridlit.narod.ru/20/01/p00.html> (дата обращения 25.05.2010).

институты, такие как типология государства, его формы, функции, система права, правоотношения, правоприменение и др. не в полной мере раскрывают понимание государственности и отражают отдельные ее стороны [4: с. 162].

Понимание государственности с изложенных позиций не дает четкого представления о ее состоянии в относительно короткие с точки зрения исторической науки периоды времени.

Думается, что данную задачу в определенной мере можно решить с использованием описания состояния государства и событий в системе с помощью диаграмм или таблиц, а также метода моделирования. Этот метод стал возможен для использования и описания цикла сложных социальных объектов.

Для анализа социальных процессов успешно используются также математический и кибернетический методы. Создаются компьютерные программы анализа, оценки и прогнозирования развития социальных процессов.

В повседневную лексику вошли такие понятия, как экономическая модель государства, финансовая, социальная модель, модель правового государства и др. Обращает на себя внимание то, что применительно к государству каждый автор сам подбирает определение, которое, по его мнению, наиболее полно отражает сущностные аспекты состояния государства в период исследования: универсальное, либертарианское, силовое, идеальное и др. Поскольку отсутствует какой-либо признанный классификатор различных моделей государства и государственности.

Появились термины «модель государства», «модель государственности». Использование понятия «модель государственности» стало возможным в последние годы благодаря способности выражения информации о состояниях и событиях в относительно небольшие промежутки времени. Введение этого понятия дает возможность сравнительного анализа реально существующего государства с моделью какого-либо идеального государства [2: с. 107–117]. Например: известны параметры модели либерально-демократической государственности. Имеются основные сущностные параметры, характеристики государственности этой модели. Формы правления, формы национально-государственного устройства могут быть различны. Но есть характеристики, которые отражают сущностные свойства государства: политико-правовой режим, верховенство закона, развитость институтов гражданского общества, плюрализм форм собственности, уровень демократии, уровень жизни граждан и др. В рамках привычных институтов, изучаемых юриспруденцией, ряд этих показателей не используется. По-видимому, это считается прерогативой политологии. Думается, что такая позиция неоправдана. Различные показатели, рейтинги в экономической, финансовой, социальной сферах дают реальную возможность оценки разумности, обоснованности и эффективности действия не только нормативно-правовых актов, но и всей правовой системы в целом.

В настоящее время уже созданы объективно-ориентированные подходы к исследованию государственности. Началась разработка программного обеспечения и методов проектирования этих моделей. Четыре подхода к моделированию государства предлагает Ян Фостер в своей работе «Модели парал-

лельного программирования»¹. Наиболее оптимальным с позиции гуманитариев является модульный подход к проектированию, в соответствии с которым сложные программы создаются на основе простых компонентов, а сами компоненты структурированы в терминах высокоуровневых абстракций, таких как структуры данных, циклы и процедуры. Это делает использование модульного подхода более легким, позволяя манипулировать объектами, не вникая в их внутреннюю структуру.

Для юридической науки соотношение систем и подсистем — категории вполне понятные и используемые. Диаграммы и таблицы также вошли в оборот и востребованы. Хотелось бы обратить внимание на другой аспект. Математические методы стали широко применяться не только в социологии и экономике, но и в сфере юриспруденции, в том числе и в сфере государственной деятельности. Эти данные успешно могут быть использованы для программного обеспечения и создания как модели государственности в целом, так и ее подсистем.

Появляется возможность сравнительного анализа государственности зафиксированной в Конституции и государственности реально существующей. Определить причину отклонений, спрогнозировать перспективу и установить, какие подсистемы смоделированы с отклонениями и каково их возможное воздействие на другие подсистемы государства.

Немалую роль для понимания реально происходящего в государстве дают различные оценки и рейтинги неправительственных организаций, в том числе и международных организаций и агентств. Специализированные учреждения ООН также публикуют свои оценки социальных процессов в государствах мира. Правительства отдельных государств готовят рейтинги по различным социальным вопросам.

В последние десятилетия стали публиковаться рейтинги государств по отдельным, конкретным позициям. Например: свобода слова, коррумпированность, соблюдение прав человека, успешность предпринимательской деятельности и др. Можно соглашаться или не соглашаться с этими оценками, но вряд ли кто-либо будет оспаривать в официальном порядке публикуемые данные. Эти данные не всегда сопровождаются комментариями, где были бы названы источники, показатели, которые легли в основу предлагаемых оценок [1: с. 21–30]. Методология оценивания названных явлений разнообразна: официальные статистические данные государств, социологические опросы населения, журналистов, предпринимателей, а также статистика количества обращений в международные учреждения и организации (например, в Страсбургский суд) и т.д. [7: с. 60].

Таким образом, использование современных технологий и методов помогает исследовать государственность за относительно короткий период времени. Думается, что применительно к юридической науке это возможно с учетом анализа следующих уровней восприятия и оценки государственности:

¹ *Foster I. A Parallel Programming Model / I. Foster // Designing and Building Parallel Programs, by Ian Foster [сайт]. URL: <http://www.mcs.anl.gov/~itf/dbpp/text/node9.html> (Дата обращения: 01.06.2010 г.).*

1. Конституционная модель — это основные идеи, основополагающие начала государственности.

2. Конституционно-правовая модель государства — это не только конституционные положения, но и анализ действующего законодательства. Применительно к РФ можно констатировать наличие определенных отклонений, прежде всего от основополагающих принципов, заложенных в Конституции.

3. Сфера правоприменения — административной и судебной юрисдикции. На этом уровне просматриваются наибольшие отклонения от уровня конституционной модели.

Существует понимание, что третий и второй уровни не могут быть идентичны по отношению к первому, но в то же время сущностные положения должны находиться в соответствии.

Необходимо сделать еще одно замечание. В юриспруденции Соединенных Штатов Америки встречается положение, суть которого в том, что каждое поколение имеет право на свою трактовку смысла конституционных положений. С таким подходом нельзя не согласиться. Но трактовать его, думается, можно лишь с позиций эволюции общества, т.е. сущностные положения остаются неизменными, а меняться могут уровни обеспечения прав и свобод человека и гражданина, естественно, в сторону улучшения качества жизни, а также совершенствования юридических механизмов обеспечения этих прав.

Таким образом, анализ государственности можно провести по каждому из трех названных уровней в отдельности или в целом. Последнее даст более объемное представление о социально-правовой реальности происходящего в государстве.

В последние годы в политологической и юридической литературе и средствах массовой информации применительно к российской действительности отмечалось инициирование исполнительной властью создания различных институтов гражданского общества. Это позитивное явление, однако просматривается реальная зависимость их от исполнительной власти и попытка власти как-то улучшить имидж страны. Поэтому отдельные политологи отмечают имитационный характер этих институтов и их незначительную эффективность. Применительно к предлагаемым трем уровням государственности это есть попытка представить нашу государственность как можно ближе к первому уровню.

Можно высказать предположение, что использование математических и кибернетических методов, а также показателей различных рейтингов и опросов, компьютерных технологий может дать объективную картину происходящего.

Конституция РФ предполагает формирование модели либерально-демократической государственности с наличием всех институтов современного государства: обеспечение прав и свобод человека и гражданина, верховенство закона, разделение властей, защита частной собственности, независимость СМИ, свобода слова и т.д.

Второй и третий уровни дают оценку социально-правовых процессов, происходящих в Российской Федерации. В целом это и есть модель нынеш-

ней государственности. Такие подходы позволяют объективно оценить происходящее в нашей государственности и, быть может, будут способствовать ускорению необходимых изменений.

Литература

1. *Бачило И.Л.* Факторы, влияющие на государственность / И.Л. Бачило // Государство и право. – 1993. – № 7. – С. 21–30.
2. *Веденеев Ю.А.* Теория и практика переходных процессов в развитии российской государственности / Ю.А. Веденеев // Государство и право. – 1995. – № 1. – С. 107–117.
3. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов / А.Б. Венгеров. – М.: Омега-Л, 2004. – 607 с.
4. *Гулеев В.Е.* Государственность / В.Е. Гулеев // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. / Под ред. А.М. Прохорова. – 3-е изд. – Т. 7. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 607 с.
5. *Исаев И.А.* История государства и права России: учеб. пособие / И.А. Исаев. – 4-е изд. – М.: Проспект, 2010. – 800 с.
6. *Морозова Л.А.* Проблемы современной российской государственности: учеб. пособие / Л.А. Морозова. – М.: Юрид. лит., 1998. – 253 с.
7. *Северухин В.А.* Проблемы оценки правовых явлений / В.А. Северухин // Глобализация, права человека и право: сборник материалов международной научно-практической конференции. – М.: МГПУ, 2007. – С. 57–62.
8. Становление новой российской государственности: реальность и перспективы. – М.: УРСС, 1996. – 232 с.
9. *Чиркин В.Е.* Государствоведение: учебник / В.Е. Чиркин. – М.: Юристъ, 2000. – 384 с.
10. *Чиркин В.Е.* Современное государство / В.Е. Чиркин. – М.: МНИМП, 1997. – 128 с.

Severuxin V.A.

Approaches to Understanding the National Statehood

The notions state and national statehood in law literature are not equal. The national statehood is a broader and more capacious notion which has a considerable time span. The author's position is to look into the national statehood in relatively short time spans using mathematic, cybernetic, synergetic methods and software.

Key-words: state; national statehood; the state model; research methods.

References

1. *Bachilo I.L.* Faktory', vliyayushhie na gosudarstvennost' / I.L. Bachilo // Gosudarstvo i pravo. – 1993. – № 7. – S. 21–30.
2. *Vedeneev Yu.A.* Teoriya i praktika perexodny'x processov v razvitii rossijskoj' gosudarstvennosti / Yu.A Vedeneev // Gosudarstvo i pravo. – 1995. – № 1. – S. 107–117.

3. *Vengerov A.B.* Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. dlya yurid. vuzov / A.B. Vengerov. – M.: Omega-L, 2004. – 607 s.
4. *Guleev V.E.* Gosudarstvennost' / V.E. Guleev // Bol'shaya sovetskaya e'nciklopediya: v 30-ti tt. / Pod. red. A.M. Proxorova. – 3-e izd. – T. 7. – M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1972. – 607 s.
5. *Isaev I.A.* Istoriya gosudarstva i prava Rossii: ucheb. posobiye / I.A. Isaev. – 4-e izd. – M.: Prospekt, 2010. – 800 s.
6. *Morozova L.A.* Problemy' sovremennoj rossijskoj gosudarstvennosti: ucheb. posobiye / L.A. Morozova. – M.: Yurid. Lit., 1998. – 253 s.
7. *Severuxin V.A.* Problemy' ocenki pravovy'x yavlenij / V.A. Severuxin // Globalizaciya, prava cheloveka i pravo: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – M.: MGPU, 2007. – S. 57–62.
8. Stanovleniye novoj rossijskoj gosudarstvennosti: real'nost' i perspektivy'. – M.: URSS, 1996. – 232 s.
9. *Chirkin V.E.* Gosudarstvovedenie: uchebnik / V.E. Chirkin. – M.: Yurist, 2000. – 384 s.
10. *Chirkin V.E.* Sovremennoe gosudarstvo / V.E. Chirkin. – M.: MNIMP, 1997. – 128 s.

В.И. Калязин

Введение института священнослужителей в Вооруженных Силах Российской Федерации, проблемы и перспективы

Статья посвящена введению института священнослужителей в Вооруженных Силах Российской Федерации. Автор проводит сравнительный анализ правового положения военных капелланов в армиях зарубежных государств и России.

Ключевые слова: религия; армия; вооруженные силы; военные капелланы; священнослужители.

Взаимодействие армии и религии — вопрос не новый. Но в последнее время он становится все более актуальным. На совещании «По вопросам преподавания в школах основ религиозной культуры и светской этики и введения в Вооруженных Силах Российской Федерации института воинских и флотских священнослужителей» Президент РФ Д.А. Медведев заявил: «Ни для кого не секрет, что нашу родину защищают представители всех национальностей — так было всегда и так будет. Среди солдат и среди командиров были, есть и будут и православные, и мусульмане, и буддисты, и последователи иудаизма, других религий, в конце концов, будут те, кто не причисляет себя ни к какой религии, будут и атеисты, наверное. И все они служат в армии и рискуют самым дорогим, что есть у обычного человека, — это жизнь. Все они имеют право на получение духовной поддержки от близких им людей в соответствии со своими духовными воззрениями. Это тоже нормально. Конституционные принципы равенства, добровольности, свободы совести должны быть соблюдены в отношении всех военнослужащих. Как вариант можно было бы подумать о том, что, если более десяти процентов личного состава бригады, дивизии, учебного заведения составляют представители народов, традиционно связанных с той или иной концессией, священнослужитель данной концессии может быть включен в штат соответствующего соединения»¹.

¹ Стенографический отчет о совещании по вопросам преподавания в школах основ религиозной культуры и светской этики и введения в Вооруженных Силах Российской Федерации института воинских и флотских священнослужителей. 21 июля 2009 года. Сайт: www.kremlin.ru. (Дата обращения: 05 мая 2010 г.).

Реакция Министерства Обороны не заставила себя долго ждать, по словам статс-секретаря — заместителя министра обороны Николая Панкова, более 2 000 православных священников уже в той или иной форме сотрудничают с армией, а в 2010 году появятся и штатные священнослужители — на зарубежных базах и в Северо-Кавказском военном округе. Их назначат на должности помощников командиров по работе с верующими военнослужащими. Они будут считаться гражданскими специалистами и получать зарплату и надбавки на уровне заместителя командира дивизии (это около 25 000 рублей). «Кандидатуры уже подобраны», — сказал Панков. В Северокавказском военном округе будут служить два православных священника и один мулла.[2] Данное решение встретило неоднозначную оценку в обществе. Выражу и свое мнение. Следует отметить, что официальный диалог между армией и Русской православной церковью в новой, постсоветской России начался еще в 1997 году, когда между патриархом Алексием II и тогдашним министром обороны Родионовым было подписано «Соглашение о сотрудничестве» [3].

Данным Соглашением предусмотрено развитие отношений по следующим направлениям:

- патриотическое воспитание военнослужащих;
- нравственное и духовное просвещение военнослужащих;
- социальная защита военнослужащих и членов их семей;
- реализация религиозных потребностей военнослужащих;
- восстановление культовых сооружений и т.д.

Но данное соглашение не предусматривало введение штатных священников и такое тесное сотрудничество с церковью. Рассмотрим инициативу Президента по нескольким аспектам:

Во-первых, согласно ст. 7 Конституции Российской Федерации: «Россия является светским государством, где никакая религия не может быть установлена в качестве государственной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [4].

В соответствии с данным конституционным принципом государство:

- не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности;
- не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления;

Следует также учитывать, что военная служба является разновидностью государственной службы, исполняемой гражданами в Вооруженных Силах Российской Федерации, регламентация которой определяется Федеральным законом «О статусе военнослужащих». Данный нормативный акт устанавливает, что военнослужащие в свободное от военной службы время вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях как частные лица. Военнослужащие не вправе отказываться от исполнения обязанностей воен-

ной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии. А религиозная символика, религиозная литература и предметы культа используются военнослужащими индивидуально. Государство не несет обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов.

Право военнослужащих на свободу вероисповеданий регламентировано также Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ, в соответствии с которым право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства (п. 2 ст. 3); военнослужащие не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии (п. 4 ст. 4); создание религиозных объединений в воинских частях запрещается (п. 3 ст. 6); командование воинских частей с учетом требований воинских уставов не препятствует участию военнослужащих в богослужениях, других религиозных обрядах и образованиях (п. 4 ст. 16) [5].

Указанными законами не предусмотрено ограничение прав военнослужащих на получение, приобретение и пользование предметами культа и религиозной литературой, равно как и право совершать религиозные обряды и участвовать в них. В то же время командование воинских частей не несет прямых обязанностей по обеспечению реализации права военнослужащих на свободу вероисповедания. Однако оно может содействовать в предоставлении отдельных помещений для совершения обрядов и церемоний, в приглашении священнослужителей и создании условий для их свободного общения с гражданами. Таким образом, сущность реализации права военнослужащих на свободу вероисповедания заключается в создании в воинских частях необходимых благоприятных условий для исповедания военнослужащими своей религии. Однако обязанности командования по созданию благоприятных условий возникают только с момента обращения военнослужащих к командованию с изложением намерений воспользоваться своим правом.

Важно и то, как командиры будут предоставлять свободное время военнослужащим для выполнения религиозных обрядов и как распределять обязанности между ними. В соответствии с Общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации (введенные в действия Указами Президента Российской Федерации) в распорядке дня воинской части должно быть предусмотрено время проведения утренней физической зарядки, утреннего и вечернего туалета, утреннего осмотра, учебных занятий и подготовки к ним, смены специальной одежды, чистки обуви, воспитательной, культурно-досуговой и спортивной работы, прослушивания радио и просмотра передач. При такой строгой регламентации нет времени для реализации духовных потребностей.

Очень важный вопрос, как это воспримут военнослужащие, относящиеся к представителям других конфессий. В соответствии с законодательством Российской Федерации установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается. По данным Министерства Обороны в 1996 году верующих в Вооруженных силах РФ было 36%, в 2008-м уже 67%, из которых 80% — православные. 9% — были мусульманами, 5% — последователи иных вероучений. Статистики, конечно, не учитывают особенности каждой воинской части, но не трудно предположить, что православные будут в преимущественном положении, что может вызвать негативное отношение к ним со стороны представителей других религий.

Необходимо учитывать, что в армии есть несколько уровней: рядовой состав, офицеры, среди которых младшие офицеры (это молодые люди) и старший офицерский состав, где служат люди сложившиеся, как правило, семейные, имеющие большой стаж и опыт работы. Очевидно, что подход к этим аудиториям должен быть принципиально различным. Также очень важно продумать, как сделать так, чтобы полковой священник не оказался как бы в оппозиции. Или, чтобы офицерская среда не оказалась в оппозиции к нему. Что тоже объяснимо, поскольку до сих пор они жили и работали так, как их учили, но вдруг появится новое лицо в части, которое будет говорить вещи, для них непривычные. Согласно проведенным в войсках социологическим исследованиям, общее количество верующих военнослужащих составляет примерно треть от всей численности личного состава. Однако среди военнослужащих срочной службы этот показатель составляет более 60%, а среди офицерского состава — 15%. При этом 12,6% респондентов заявили, что придерживаются твердых атеистических взглядов. Большинство из них — это старшие и младшие офицеры.

Ну и конечное правовое положение священника.

В Православии центр тяжести ложится на богослужение и на Таинство. Воспитательная работа очень важна, но она на первый взгляд второстепенна, поскольку напрямую зависит от богослужебной жизни. А для того, чтобы наладить богослужебную жизнь в частях, нужно очень много времени. По словам представителя Сухопутных войск, 31,4% верующих сказали при опросе, что находят в религии «поддержку в трудную минуту», 20% — что видят в ней источник добра и любви, 18,4% рассматривают веру как средство установления добрых отношений, 12,3% считают, что она помогает понять окружающих и собственную жизнь.

Важно также отметить, что священник займет должность помощника командира части по работе с верующими военнослужащими, то есть войдет в штатное расписание воинской части. Положение о помощнике командира части по работе с верующими военнослужащими уже утверждено статс-секретарем оборонного ведомства. Поскольку войсковым пастырям погони не положены, их положение будет сродни тому, какое сейчас занимают гражданские служащие Российской армии. Согласно Трудовому кодексу их прием на работу должно предшествовать заключению трудового договора или контракта с командиром части. Правда,

сходство со штатским персоналом этим в основном и ограничится. Должностной статус, следовательно, и зарплата у военных священников будут выше, чем у гражданских коллег. По некоторым данным, армейским капелланам положат оклад от 25 до 40 тысяч рублей в месяц — в зависимости от места службы. Жить они, скорее всего, станут в офицерских общежитиях или служебных квартирах. Кроме того, в штабе части каждому предоставят кабинет. А вот покупку религиозной утвари и других культовых принадлежностей армия на себя не берет. С этой проблемой духовным наставникам солдат придется обращаться в местные религиозные объединения. Фактически светское государство принимает на работу священнослужителя.

В то же время можно учесть и зарубежный опыт. Службы военных капелланов существуют в большинстве стран мира даже там, где конституция провозглашает разделение церкви и государства. Различия состоят лишь в официальном статусе военных священников и широте представляемых военными капелланами конфессий. Так, например, в Германии военно-церковная служба бундсвера создана в 1957 году. Финансируется она из государственного бюджета, находится в административном подчинении министерства обороны. Тем не менее, военные священники в Германии не являются военнослужащими и не имеют воинских званий. В штат военно-церковной службы (ВЦС) входят только католические и евангелические лютеранские священники. Никаких других конфессий в ВЦС не представлено. В США, где служба военных капелланов (СВК) создана еще в 1775 году, ситуация совершенно иная. Военные священники считаются военнослужащими, имеют офицерские воинские звания и находятся в подчинении заместителя министра обороны по кадрам. До середины XIX века СВК состояла исключительно из протестантских священников, позже на службу были допущены и католики. В настоящее время в СВК служат около 2 500 капелланов, представляющих 120 конфессий. Конституция США гарантирует свободу вероисповедания, которой в полной мере пользуются и военнослужащие, и СВК обязана всячески способствовать реализации этого права, соблюдая принцип равенства вероисповеданий. Теоретически в службу военных капелланов могут быть приняты не только представители основных конфессий, но и вообще всех групп, официально зарегистрированных в качестве религиозных организаций: например, американский совет ведьм, церковь сатаны или сайентологическая церковь. В соответствии с законом о СВК военный капеллан обязан помогать не только представителям своей концессии, но и вообще всем военнослужащим, находящимся в воинском подразделении, к которому он прикомандирован. То есть капеллан-мусульманин, если к нему обратится христианин или иудей, обязан совершить обряд лично либо найти человека, который такой обряд совершит.

Военный раввинат создан и в Израиле в 1948 году вместе с образованием армии обороны Израиля (АОИ) по предложению основателя Израиля Давида бен Гуриона. Организационно военный раввинат не подчиняется гражданскому главному раввинату Израиля и входит в структуру генерального штаба АОИ. Военные

раввины проходят обычную военную подготовку и получают офицерское звание. Одной из основных задач военных раввинов в период боевых действий является опознание и поиск тел убитых: согласно иудейской традиции, убитого полагается хоронить целиком, собрав все части тела. Раввины не предоставляют религиозных услуг солдатам других религий, хотя в АОИ служат и христиане, и друзья, и мусульмане. На принятии присяги присутствующий раввин дает солдатам-христианам Новый завет, а не Ветхий. Солдаты других религий не ограничиваются в своих правах, а все вопросы они решают с непосредственным командиром. Служба религиозных наставников существует и в вооруженных силах Индии и действует по американскому образцу. Религиозные наставники являются военнослужащими, носят офицерские звания. Правда, допускаются на службу представители только пяти вероисповеданий — индуисты, мусульмане, сикхи, буддисты и христиане. Стран, в которых священники не имеют официального статуса в вооруженных силах, не так много. В Японии, например, это связано с тем, что конституция страны не только провозглашает разделение церкви и государства, но и запрещает поддержку государством любой религиозной деятельности или обучения в государственных структурах. На Украине, где идея организации корпуса военных священников рассматривалась еще в 1993 году, министерство обороны посчитало такой шаг преждевременным и даже вредным: по мнению военных властей, было бы неправильно переносить и в армию конфликт между тремя основными христианскими церквями. Тем не менее, государство поддерживает инициативы по установлению прямых связей церковью с различными воинскими подразделениями или родами войск.

Преобразования в современной России происходят во всех сферах общественной жизни, в том числе и в Вооруженных силах. Принесет ли введение института священнослужителей в армии пользу или нет, покажет время. Но необходимо отметить, что, по мнению автора, происходит нарушение мировоззренческого нейтралитета государства, выражающееся в сращивании институтов государства с одной из конфессий, доктринальные установки которой используются в качестве государственной идеологии. Это противоречит таким основам конституционного строя, как светскость государства и равенство религиозных объединений (ст. 14 Конституции Российской Федерации).

Литература

1. Российская Федерация, Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. — М.: Ось-89, 2003. — 48 с.
2. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. — М.: Эксмо, 2008. — 608 с.
3. Российская Федерация. Законы. О статусе военнослужащих: федер. закон. — Новосибирск.: Сиб. унив. изд-во, 2008. — 64 с.
4. Российская Федерация. Законы. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон. — М.: Ось-89, 2008. — 47 с.

5. *Клин Б.* Священников призовут в армию. Служить / Б. Клине // Известия. – 2010. – 29 января.

Kalyazin V.I.

**Introducing the Clergy Institution in the Armed Forces
of the Russian Federation, Problems and Prospects**

The article is devoted to introducing the clergy institution in the Armed forces of the Russian Federation. The author gives the comparative analysis of the legal status of the military chaplains abroad and in the Russian Federation.

Key-words: Religion; Army; Armed forces; military chaplains; the clergy.

References

1. Rossijskaya Federaciya, Konstituciya (1993). Konstituciya Rossijskoj Federacii: ofic. tekst. – M.: Os'-89, 2003. – 48 s.
2. Obshhevojskovy'e ustavy' Vooruzhenny'x Sil Rossijskoj Federacii. – M.: Eksmo, 2008. – 608 s.
3. Rossijskaya Federaciya. Zakony'. O statuse voennosluzhashhix: feder. zakon. – Novosibirsk.: Sib. univ. izd-vo, 2008. – 64 s.
4. Rossijskaya Federaciya. Zakony'. O svobode sovesti i o religiozny'x ob'edineniyax: feder. zakon. – M.: Os'-89, 2008. – 47 s.
5. *Klin B.* Svyashhennikov prizovut v armiyu. Sluzhit' / B. Klin // Izvestiya. – 2010. – 29 yanvarya.

**Т.М. Пряхина,
Е.В. Розанова**

Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России

Статья посвящена юридической силе решений Европейского суда по правам человека, определению их места в правовой системе Российской Федерации. Анализ правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации позволяет, по мнению авторов, рассматривать решения Европейского суда в качестве источника правотворческой и правоприменительной практики.

Ключевые слова: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; Европейский суд по правам человека; Конституционный суд Российской Федерации; решения Европейского суда по правам человека.

Вопрос о месте, занимаемом решениями Европейского суда по правам человека в правовой системе России, является одним из наиболее дискуссионных. Практический ответ на него предложила судебная власть. Обращаясь к международному праву, суды проводят разграничение между правом, создаваемым государством, и правом, применяемым государством и в государстве. Второй комплекс значительно шире и сложнее первого, ибо наряду с собственно правом государства он охватывает те находящиеся за рамками национального права, нормы, которые должны быть или могут быть применены в сфере внутригосударственной юрисдикции [1: с. 15].

В заявлении, сделанном при ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, сказано, что Россия признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации. Как одна из высоких договаривающихся сторон Россия связана обязательством, предусмотренным ч. 1 ст. 46 Конвенции, исполнять окончательные постановления Европейского суда по спорам, в которых она является стороной. Заявление предполагает исполнение тех решений Европейского суда, которые непосредственно налагают обязательства на Россию. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» вооб-

ще не упоминает решения Европейского суда по правам человека в качестве источника правовых стандартов, который следует учитывать при коллизиях правовых норм. В частности ст. 5 данного Закона гласит: «Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа, а равно должностного лица Конституции Российской Федерации, федеральному конституционному закону, федеральному закону, общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору Российской Федерации, конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, закону субъекта Российской Федерации, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу». Сегодня, благодаря судебной власти, вопрос о том, должны ли российские суды ссылаться на решения Европейского суда по правам человека, звучит риторически. Верховный суд РФ указал, что при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора (п. «в» ч. 3 ст. 31 Венской Конвенции «О праве международных договоров»). Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского суда. Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда во избежание любого нарушения Конвенции. Пленум Верховного суда РФ констатировал, что суд должен учитывать постановления Европейского суда [2]. Более категорично высказался по данному вопросу Конституционный суд России в Постановлении от 5 февраля 2007 г.: «...как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского суда по правам человека являются составной частью российской правовой системы, и потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права» [3: с. 13]. Данное Постановление Конституционного суда РФ имеет принципиальное значение. В нем впервые была обозначена обязательность применения и учета решений Европейского суда по правам человека не только в правоприменительной практике, но и в законотворческом процессе. Таким образом, было дано обоснование «генерализации» позиций Европейского суда от конкретных дел к мерам общего нормативного характера. Понимать и применять правовые акты России следует в непротиворечивом нормативном единстве с требованиями Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Иное расхотилось бы с их действительным конституционно-правовым смыслом и привело бы вопреки требованиям ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ и воле федерального законодателя, ратифицировавшего Конвенцию, к блокированию ее действия на территории Российской Федерации, настаивает Конституционный суд [4: с. 19]. Высокий суд напомнил не только правоприменительным органам, но и федеральному законодателю о том, что хотя он и обладает достаточной свободой усмотрения, должен действовать в рамках международных обязательств Российской Федерации, согласовывать принимаемые нормативные акты с при-

знаваемыми Российской Федерацией международными правовыми стандартами [5: с. 13–24]. Таким образом, применение международных стандартов является не правом, а конституционной обязанностью государственных органов и должностных лиц. Подобные выводы Конституционного суда ставят принципиальный вопрос: в каком качестве действуют решения Европейского суда по правам человека и каковы пределы их действия?

Как уже было сказано выше, по изначальному замыслу решения Европейского суда не носят абстрактного характера. Несмотря на то, что тенденция к генерализации прецедентного права Европейского суда не всегда встречает однозначно позитивное отношение, Конституционный суд РФ использует решения Европейского суда именно как прецедентное право. Так, в частности, он сослался на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней, на решения органов и институтов Совета Европы более чем в 90 своих решениях. При этом только один раз было использовано решение Европейского суда по жалобам против России (Бурдов против России) [6: с. 475]. Соответственно возникает проблема допустимости прецедента как источника права в рамках романо-германской правовой семьи.

Двойственное отношение к прецеденту характерно как для национальной, так и для международной правовых систем. В целом общее международное право прецедентным не является. Судебный прецедент рассматривается им как вспомогательное средство для определения содержания правовых норм, вторичный источник права (ст. 38 Статута Международного Суда ООН). Тем не менее, решения и постановления Европейского суда фактически носят прецедентный характер, поскольку в соответствии с принципом *stare decisis* Европейский суд при вынесении новых решений руководствуется оценками и решениями, которые он сформулировал ранее по другим аналогичным делам. Решения Европейского Суда по всем вопросам рассматриваются национальными органами правосудия как имеющие прецедентное значение и подлежащие учету при вынесении судебного решения. Прецедентный характер решений подчеркивал и сам Европейский суд, и иные органы Совета Европы. Так, Комитет Министров указал: «...Нельзя требовать от государств систематической проверки всех действующих законов и правоприменительной практики, но иногда это бывает необходимо — например, в связи с принятием нового постановления Суда в отношении другого государства-участника» [7: с. 79]. Протокол № 14 закрепляет понятие «сложившаяся» или «устойчивая прецедентная практика Суда». Парламентская Ассамблея Совета Европы основывает свой вывод о прецедентном значении решений Суда, ссылаясь на принцип солидарности. В силу данного принципа юриспруденция Суда является частью Конвенции, тем самым распространяя юридически обязательную силу Конвенции на все прочие стороны. А это означает, что все государства-участники не только обязаны исполнять решения Суда по делам, в которых они являются сторонами, но и должны принимать во внимание возможные по-

следствия решений, вынесенных по другим делам, для собственной правовой системы и юридической практики [8: с. 27].

Однако далеко не все решения Европейского суда имеют значение прецедента. Юристы, ратующие за придание подобного статуса судебным решениям, должны прислушаться к мнению западных ученых, представляющих страны, которые гораздо дольше сотрудничают с Советом Европы. По их мнению, Европейский суд должен действовать своими силами. Есть некая ненадежность его положения, особенно при рассмотрении политических вопросов. Принимается во внимание все еще добровольный характер конвенционной системы. Хотя положения Конвенции являются юридически обязательными, исполнение их по-прежнему зависит от политической воли государств-участников. Это объясняет, почему прецедентное право Суда иногда кажется несколько случайным, нестабильным и практически непредсказуемым. Усугубляет данное обстоятельство и тот факт, что Европейский суд рассматривает Конвенцию как живой институт, который должен толковаться с поправкой на условия сегодняшнего дня. Конвенция меняется с течением времени; обязательства по ней не являются неизменными [9: с. 112–113]. Таким образом, безоговорочное признание допустимости использования решений Европейского суда по правам человека в рамках национальной правовой системы в качестве прецедентов способно существенно дестабилизировать устойчивость правотворческой и правоприменительной практики, поставить ее в зависимость от внешнего фактора, не имея при этом четкого критерия вычленения «прецедентного права» Европейского суда, ни гарантий его стабильности.

Безусловно, отрицать значение прецедента как источника права в современных условиях — значит не видеть реальных изменений, происходящих в сфере правосудия. Вместе с тем, нельзя не видеть той трансформации, которую претерпевает сам прецедент, процесс его создания, правила применения.

Россия провозгласила себя правовым государством, а в правовом государстве, отмечает профессор К. Экштайн, прецеденты являются важным источником права. Они — элемент стабильности, законности, равенства. Судья в России напрямую не связан прецедентом, но при применении и истолковании закона он обязан также ориентироваться на ранее вынесенные судебные решения. Главное отличие от англосаксонской системы права состоит в том, что судья, придя к убеждению, что прежний прецедент в нынешней ситуации не может быть применен, и приводя достаточные к тому основания, вправе отклоняться от следования прецеденту. И это будет не просто исключение для данного единичного случая, судья должен иметь волю создать тем самым новое общеобязательное правило для следования ему в будущем [10: с. 37]. Трансформация прецедента вызвала к жизни понятие «прецедент толкования», который можно использовать в том смысле, что такой акт обладает первенством в плане времени принятия, то есть реализации посредством разъяснения нормы. Предлагается различать «правильные» и «неправильные» прецеденты.

Что касается «неправильных» прецедентов, то судьи не следуют такому прецеденту, а исправляют ошибку предшествующих судов в изложении правовых норм [11: с. 38]. Эти воззрения отражают назревшую потребность переоценки роли суда и прецедентов. Однако их реализация способна существенным образом дезорганизовать правовую систему государства. Перенасыщенность правовыми источниками, отягощенная правом каждого судьи игнорировать «неправильные» прецеденты и создавать новые, способны подорвать единство правовой системы, ее целостность.

Чтобы разрешить поставленные вопросы, необходимо перевести проблему в иную плоскость. Мы предлагаем оценивать правовые позиции Европейского суда в качестве источника правотворческой и правоприменительной практики. Д.А. Ковачев, анализируя «право на правотворчество», обращает внимание на то, что это понятие не относится к числу очевидных и не ограничивается рамками теории права. Оно является предпосылкой для определения ряда других понятий, например, права на аутентичное толкование, права на легальное толкование, права на издание постановлений (руководящих указаний) пленума высшего судебного органа, права на ратификацию международных договоров, которые предполагают изменение внутреннего законодательства [12: с. 59].

Правоприменительные отношения характеризуются двойственной природой, они имеют как процессуальное, так и материальное содержание. Последнее заключается в уяснении правоприменителем смысла правовой нормы, содержащегося в ней правила поведения и оценки фактической ситуации в сопоставлении с понятным содержанием. До момента реализации, то есть применения на практике, правило поведения, содержащееся в нормативном акте, является абстрактной моделью поведения, обретающей реальный смысл после применения его в суде. Судебная практика — это специфическое юридическое осмысление действительности, которой занимается только суд. И в этом смысле судебная практика любого уровня, базируясь на законе, формирует относительно самостоятельное правовое поле. Игнорирование судебного прецедента в качестве источника права вовсе не означает, что следует отрицать регулирующие начала правовых норм, закрепляемых в судебной практике.

Процессуальное содержание правоприменительных отношений выражается в решении суда, которое может быть признано прецедентным и получить статус источника права, если это принято в рамках соответствующей правовой системы. Материальное содержание правоприменительных отношений воплощается в правовой позиции соответствующего суда, раскрывающей правовой потенциал нормоустановления применительно к конкретному случаю, и существенным образом влияющей на практику создания и применения правовых норм. Образно говоря, формируемое судебной практикой правовое пространство — это право, озвученное судом применительно к потребностям социальной действительности. Это ответ суда на вопрос об истинности нормы права, раскрытие воли законодателя, которое происходит в процессе применения правового акта. При неизменности текстуального выражения воли законодателя она обновляется, обретает полноту

и многогранность, соприкасаясь с развивающимися общественными реалиями и действующим правом. Воля законодателя как бы преломляется в практическом применении, проходя через сознание правоприменителей, и потому несколько уклоняется от своего начального направления. И это вовсе не необходимое зло, а положительное, несомненное благо. Только благодаря такому преломлению воли законодателя в общественном сознании законность отличается от произвола и деспотизма, служит обеспечению права и свободы. Если законность понимать как безусловное господство воли властвующего, выраженной в форме общих правил закона, между «законным» и «произвольным» порядком нельзя указать никакой существенной разницы. Подобный подход отвечает сложившемуся пониманию того, что положения Европейской конвенции существуют не сами по себе, а лишь в том виде, в каком их трактует и применяет Европейский суд по правам человека.

Литература

1. Алкема Е.А. Юридические последствия ратификации Российской Федерацией Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека (включая 11-й протокол) / Е.А. Алкема. – СПб.: Россия-Нева, 1996. – 259 с.
2. Василевич Г.А. Конституционные аспекты субординации источников права / Г.А. Василевич // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 2. – С. 21–30.
3. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке / В.Д. Зорькин. – М.: Норма, 2008. – 592 с.
4. Игнатенко Г.В. Международное право: учебник для вузов / Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма, 2003. – 624 с.
5. Ковачев Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства. Вопросы теории / Д.А. Ковачев. – М.: Наука, 1977. – 252 с.
6. Экштайн К. Признание общих принципов права. Доктрина правового государства / К. Экштайн // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и А.В. Сычевой. – М.: Наука, 2004. – 232 с.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 г. по жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав п. 8 ст. 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // Вестник Конституционного суда РФ. – 2005. – № 5. – С. 121–125.
8. Постановление Конституционного суда РФ от 25 января 2001 г. по делу о проверке конституционности положения п. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова // Вестник Конституционного суда РФ. – 2001. – № 3. – С. 43–47.
9. Постановление Конституционного суда РФ от 5 февраля 2007 г. по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 377, 380, 381, 382, 387, 388 и 389 Гражданско-процессуального кодекса РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ

«Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», жалобами ряда граждан // Вестник Конституционного суда РФ. – 2007. – № 2. – С. 158–162.

10. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2003. – № 12; п. «в» ч. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»; Российская газета. – 2003. – 26 декабря.

11. Резолюция ПАСЕ № 1226 (2000) от 28 сентября 2000 г. «Исполнение постановлений Европейского суда по правам человека» // Документы Совета Европы о совершенствовании контрольной системы Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1999–2006). Зарубежная практика конституционного правосудия. – Вып. 122. – М., 2007. – 324 с.

12. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы Rec (2004)5 от 12 мая 2004 г. государствам-членам «О проверке совместимости проектов законов, существующих законов и административной практики со стандартами, установленными в Европейской конвенции о правах человека» // Документы Совета Европы о совершенствовании контрольной системы Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1999–2006). Зарубежная практика конституционного правосудия. – Вып. 122. – М., 2007. – 324 с.

Pryaxina T.M., Rozanova E.V.

The European Court Decision on Human Rights in Russian Legal System

The article is devoted to the legal results of the European Court decisions on Human Rights, and defining their place in the Russian legal System. The author believes that the analysis of the Russian Constitutional court legal position allows to consider the European Court decisions as the law making and jurisprudence source.

Key-words: The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms; European Court of Human Rights; Constitutional Court of Russian Federation; the decisions of the European Court of Human Right.

References

1. *Alkema E.A.* Yuridicheskie posledstviya ratifikaczii Rossijskoj Federaczij Evropejskoj konvenczii o zashhite prav i osnovny'x svobod cheloveka (vkluchaya 11-j protocol) / E.A. Alkema. – SPb.: Rossiya-Neva, 1996. – 259 s.
2. *Vasilevich G.A.* Konstitucionny'e aspekty' subordinaczii istochnikov prava / G.A. Vasilevich // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2006. – № 2. – S. 21–30.
3. *Zor'kin V.D.* Rossiya i Konstitucziya v XXI veke / V.D. Zor'kin. – M.: Norma, 2008. – 592 s.
4. *Ignatenko G.V.* Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlya vuzov / G.V. Ignatenko, O.I. Tiunov. – 3-e izd., pererab. – M.: Norma, 2003. – 624 s.
5. *Kovachev D.A.* Mexanizm pravotvorchestva soczialisticheskogo gosudarstva. Voprosy' teorii / D.A. Kovachev. – M.: Nauka, 1977. – 252 s.

6. *E'kshtajn K.* Priznanie obshhix principov prava. Doktrina pravovogo gosudarstva / K.E'kshtajn//Obshhepriznanny'e principy i normy mezhdunarodnogo prava, mezhdunarodny'e dogovory v praktike konstitucionnogo pravosudiya: Materialy Vserossijskogo soveshhaniya (Moskva, 24 dekabrya 2002 g.) / Pod red. M.A. Mityukova, S.V. Kaby'sheva, V.K. Bobrovoy i A.V. Sy'chevoj. – M.: Nauka, 2004. – 232 s.

7. Opredelenie Konstitucionnogo suda RF ot 15 fevralya 2005 g. po zhalobe grazhdanki Enborisovoy Praskov'i Fyodorovny' na narushenie eyo konstitucionny'x prav p. 8 st. 14 Federal'nogo zakona «O trudovy'x pensiyax v Rossijskoj Federaczii» // Vestnik Konstitucionnogo suda RF. – 2005. – № 5. – S. 121–125.

8. Postanovlenie Konstitucionnogo suda RF ot 25 yanvarya 2001 g. po delu o proverke konstitucionnosti polozheniya p. 2 st. 1070 Graazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federaczii v svyazi s zhalobami grazhdan I.V. Bogdanova, A.B. Zernova, S.I. Kal'yanova i N.V. Truhanova // Vestnik Konstitucionnogo suda RF. – 2001. – № 3. – S. 43–47.

9. Postanovlenie Konstitucionnogo suda RF ot 5 fevralya 2007 g. po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij statej 16, 20, 112, 336, 377, 380, 381, 382, 387, 388 i 389 Graazhdansko-proczessualnogo kodeksa RF v svyazi s zaprosom Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan, zhalobami otkry'ty'x akcionerny'x obshhestv «Nizhnekamskneftexim» i «Hakase'nergo», zhalobami ryada grazhdan // Vestnik Konstitucionnogo suda RF. – 2007. – № 2. – S. 158–162.

10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda RF ot 10 oktyabrya 2003 g. № 5 «O primenenii sudami obshhej yurisdikcii obshhepriznanny'x principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodny'x dogovorov Rossijskoj Federaczii» // Byulleten' Verhovnogo suda RF. – 2003. – № 12; p. «v» ch. 4 Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 19 dekabrya 2003 g. №23 «O sudebnom reshenii»; Rossijskaya gazeta. – 2003. – 26 dekabrya.

11. Rezolyucziya PASE № 1226 (2000) ot 28 sentyabrya 2000 g. «Ispolnenie postanovlenij Evropejskogo suda po pravam cheloveka» // Dokumenty' Soveta Evropy' o sovershenstvovanii kontrolnoj sistemy' Konvenczii o zashhite prav cheloveka i osnovny'x svobod (1999–2006). Zarubezhnaya praktika konstitucionnogo pravosudiya. – Vy'p. 122. – M., 2007. – 324 s.

12. Rekomendacziya Komiteta Ministrov Soveta Evropy' Rec (2004) 5 ot 12 maya 2004 g. gosudarstvam-chlenam «O proverke sovmestimosti proektov zakonov, sushhestvuyushhix zakonov i administrativnoj praktiki so standartami, ustanovlenny'mi v Evropejskoj Konvenczii o pravax cheloveka» // Dokumenty' Soveta Evropy' o sovershenstvovanii kontrol'noj sistemy' Konvenczii o zashhite prav cheloveka i osnovny'x svobod (1999–2006). Zarubezhnaya praktika konstitucionnogo pravosudiya. – Vy'p. 122. – M., 2007. – 324 s.

А.И. Кривенький

Защита субъективных прав физических лиц в международном частном праве: исторический и современный аспекты

Статья посвящена анализу понятий: субъективные права в МЧП, способы его защиты в пределах частной международной юрисдикции, т.е. международной коллизии права. Исходным началом для защиты субъективного права на вещь, закрепленным в российском законодательстве является закон страны места его нахождения, а способами защиты таких прав — исковая, неисковая, юрисдикционная форма в судебном и административном порядке и самозащита.

Ключевые слова: субъективное право; абсолютное; относительное; коллизия права; физическое лицо; имущество; коллизионное регулирование.

В отечественной теории права существует указание на то, что субъективное право является мерой дозволенного поведения лица, мерой возможного поведения, либо возможным поведением [9: с. 143]. Применительно к международному частному праву понятие субъективного права можно определить как основанную на его нормах границу дозволенного поведения субъекта МЧП во взаимодействии с другими лицами с иностранным составом, установление которой влечет для него обладание определенным социальным благом. Как в российском гражданском, так и в нормах международного частного права, применяемых в Российской Федерации, субъективные права подразделяются на абсолютные и относительные. В случае нарушения последних они защищаются законом в судебном порядке в самом суде или ином установленном законом другом государственном органе.

В пределах юрисдикции государства этот вопрос может решаться на основе общего права для всего государства или местных законов, например, в федеративном государстве, без особых правовых конфликтов. В пределах

частной международной юрисдикции¹ защита субъективных прав и интересов граждан, иностранцев, апатридов, бипатридов, беженцев, переселенцев и иных лиц может сталкиваться с серьезными правовыми конфликтами.

Еще в эпоху развитого феодализма, когда международные экономические и торговые отношения все более и более расширялись, обеспечивая порою благополучие государств, защита субъективных прав физических лиц — субъектов международного частного права — стала одним из важнейших вопросов юриспруденции. Как юридические учреждения государства обязаны были вступать во взаимные отношения между собой и одновременно содействовать экономическому, торговому и иному взаимодействию своих граждан. Отступление от этой обязанности в правовом отношении могло быть оправдано лишь в двух случаях, непосредственно вытекающих из принципа государственного суверенитета: во-первых, при нарушении публичных интересов государства, во-вторых, — при несоблюдении частных интересов своих граждан.

Названные обстоятельства вызвали к жизни более совершенные способы защиты законно приобретенных имущественных и иных прав граждан не только на своей, но и на территории других государств, что нередко приводило к коллизиям между законами данных государств. Так постепенно сложилась теория, в соответствии с которой защиту прав граждан предлагалось осуществлять на основании закона того государства, которым в данном случае охраняется законно приобретенное право [3: с. 14]. Эта, так называемая, «система территориальных прав», сложившаяся на основе поземельной зависимости в период развитого феодализма, породила различные школы юристов в международном частном праве, теории которых влияли на внутреннее законодательство государств и служили авторитетными рекомендациями для судебной практики при рассмотрении вопросов защиты субъективных прав граждан. Да и иностранцы, подданные другого государства, перестают быть бесправными, приобретают свой правовой статус, за немногими исключениями, приравниваемый к статусу собственных граждан.

Самой древней и наиболее распространенной среди этих школ стала «теория статутов». Родоначальниками «теории статутов» были итальянские глоссаторы XIV века, от которых было заимствовано и само понятие «статут». Содержание приверженцев данной школы можно изложить так: закон имеет юридическую силу лишь в том государстве, в котором он создан. Но условия развития международного экономического и торгового оборота требуют взаимной уступчивости, и местный закон в определенных случаях может применяться и в другом государстве. Физическое лицо может быть подчинено статуту в трех случаях: в отношении своей личности, своего имущества и в отношении действия. В частности, юридическое положение имущества и защита прав связанных с ним определяется по вещному или реальному ста-

¹ Международная коллизия права различных государств и так называемая международная частная юрисдикция, широко употребляемая категория в пору становления МЧП — синонимы в отличие, скажем, от международного публичного права.

туту (*statutum reale*), при котором действует закон, а при наличии коллизии — (коллизионная привязка) места нахождения вещи (*lex rei sitae*).

«Теория статутов», с критикой которой выступали многие последующие юристы, разрабатывавшие науку международного частного права [1: с. 101–101], как и другие [3: с. 15–16] теории оказались непригодными для разумного объяснения следующего тезиса: прежде чем защищать законно-приобретенное право с участием иностранного состава, необходимо было решить вопрос, на основании какого именно закона следует судить о законности самого приобретения. И все же неверно пренебрегать опытом статуариев в определении и практических рекомендациях некоторых коллизионных правил, которым мы следуем и сегодня. Так, если говорить о защите субъективного права собственности российского гражданина за рубежом, иностранца, беженца или переселенца в России, то российское законодательство последовательно ориентировано на принцип *lex rei sitae*. В российском коллизионном законодательстве данный принцип применяется для решения коллизионных вопросов как с недвижимым, так и, с некоторыми изъятиями, и с движимым имуществом. В свое время один из основоположников российского гражданского и международного частного права Д.И. Мейер писал: нет достаточного основания, по которому движимое имущество должно следовать другим определениям, чем недвижимое [6: с. 67]. В российском коллизионном законодательстве принципу *lex rei sitae* придается значение исходного начала для регулирования права собственности на недвижимое и движимое имущество в ст. 1205 Гражданского кодекса РФ и ст. 164 Основ гражданского законодательства 1991 г. Именно это начало закреплено в ст. 1205 и применимо к регулированию права собственности и иных вещных прав на недвижимое и движимое имущество, а также их осуществление и защиту.

Так, перемещение движимого имущества из одной страны в другую само по себе не влечет автоматического прекращения уже возникшего в отношении этого имущества вещного права. Это правило действует и тогда, когда законодательство страны, в которую перемещено имущество, исключает его из гражданского оборота. Таким образом, право собственности, возникшее в одной стране, не только остается за собственником, но и подлежит защите на основе законодательства страны нахождения имущества.

На смену «теории статутов» пришла германская школа Ф.К. Савиньи, прямая линия которой ведет к двум крупнейшим исследователям конфликтного права второй половины XIX и начала XX века — Бару и Цительману. Но если первый из них тесно примыкает к Ф.К. Савиньи, то Цительман в поисках «конфликтного принципа» идет совершенно самостоятельным путем. Замечательный отечественный коллизионист А.Н. Макаров пишет о теории Цительмана: «признав дедуктивную бесплодность конфликтного принципа Савиньи, он не отказывается от попытки такой принцип отыскать» [7: с. 43].

Ход его рассуждений таков. Всякий спор о праве гражданском сводится к спору о том, приобретено или утрачено определенное субъективное право.

Как известно, всякое субъективное частное право является предоставленным государственным законом правомочием и только то государство может предоставлять это правомочие или лишать его, которое располагает правом распоряжаться объектом этого правомочия. «Для разграничения пределов правовой компетенции отдельных государств, — продолжает А.Н. Макаров, — Цительман прибегает к двум основным принципам международного права — к принципам личного и территориального верховенства» [7: с. 42]. Так, в силу личного верховенства — каждое государство издает гражданско-правовые законы для своих граждан, где бы они не находились, а в силу верховенства территориального — каждое государство наделяет частноправовыми полномочиями всех, находящихся в пределах его государственных границ, независимо от их гражданства. Отсюда вытекает следующее положение: опираясь на эти два принципа, можно сделать заключение о пределах компетенции каждого данного государства в области наделения теми или иными субъективными частными правами, и, наоборот, исходя из каждого данного утверждаемого субъективного частного права, можно заключить, опираясь на те же принципы, о компетентном гражданском законе того или иного государства. Именно таким путем разграничение сфер законодательных компетенций отдельных государств по принципам международного права возводится в основной принцип прав коллизионного права по интересующей нас проблеме.

Для того чтобы пояснить мысль Цительмана, А.Н. Макаров приводит примеры конкретного применения его исходных положений. Первый из них. «Все субъективные права, содержание которых сводится к возможности осуществления власти над лицом или к возможности требований с его стороны определенных действий, подлежат обсуждению по законам того государства, к которому, в силу его личного верховенства, принадлежит подвластное лицо, другими словами личный закон подвластного» [7: с. 44]. Второй пример. «Все субъективные права, предоставляющие непосредственное властвование над вещью, должно обсуждаться по законам того государства, в пределах которого эта вещь находится, уже в силу территориального верховенства подлежащего государству» [7: с. 44]. Это положение имеет решающее значение для разрешения коллизий в области вещного права. Третий пример. Все права, «имеющие своим содержанием действия, не относящиеся непосредственно к определенному лицу или определенной вещи, должны обсуждаться по закону того государства, в пределах которого подлежащее действие имеет осуществляться, — опять-таки в силу территориального верховенства этого государства» [7: с. 44]. Данный тезис служит Цительману для иллюстрации разрешения коллизий в области нематериальных имущественных прав, т.е. интеллектуальной собственности — прав литературной, художественной и промышленной собственности.

Но не только германская школа пришла на смену «теории статутов» в XIX веке. Так называемая романская школа, возникшая первоначально, как и школа статуриев, в Италии и затем нашедшая своих последователей

в Бельгии и Франции, по праву называется романской. Ее родоначальником был Манчини. Национальное частное право индивида, полагал Манчини, является столь же неотъемлемым его достоянием в международных отношениях, сколь неотъемлемо его право личной свободы в отношениях внутренне государственных. Законы, изданные французским законодателем для граждан Франции, должны следовать за французами и за границу, а исключением из этого общего правила действия национального закона является лишь территориальность местного «публичного порядка» [7: с. 46]. Следовательно, приоритет национального закона при разрешении коллизий в области субъективных прав физических лиц строится Манчини не на практическом интересе того или иного государства, а на прочном принципиальном тезисе.

Несмотря на накопленный опыт в деле коллизионного регулирования защиты субъективных прав физических лиц, среди цивилистов, отмечает Е.В. Сергеева, не существует единого мнения относительно содержания как самого данного понятия, так и форм защиты гражданских прав [11: с. 72]. И это при том, когда сама философия современного международного частного права, арсенал коллизионных норм и привязок, а, следовательно, и способы защиты субъективных прав его субъектов претерпели серьезные изменения. Так, внедрение в российское МЧП новых коллизионных норм и концепций в области коллизионного права, сконцентрированных в VI разделе 3-й части Гражданского кодекса Российской Федерации «Международное частное право», других актах существенным образом облегчает вопрос выбора компетентного правопорядка для защиты субъективных прав физических лиц России — участников международного коммерческого оборота.

Обязанность суверенных государств, устраивающих весь внутренний порядок своей жизни, правовой в том числе, в соответствии со своими разумными интересами и справедливостью, состоит в том, чтобы создавать наиболее благоприятные законодательные возможности для решения коллизионных вопросов в ходе защиты субъективных прав граждан, связанных в своей коммерческой деятельности с правом другого государства. Но в современных условиях юристов по-прежнему беспокоит вопрос как определить наиболее разумный и обоснованный принцип «прикрепления» отношений международного частного права к национальной или иностранной правовой системе. Американские коллизионисты Е.А. Охара и Л.Е. Рибстейн [10: р. 51–52] предложили разработанную ими новую систему выбора права, ориентированную на защиту в основном частных, а не государственных интересов. По их мнению, стороны должны иметь возможность совершенно свободно выбирать право, применимое к их отношениям. В отсутствие договоренности между сторонами по этому вопросу суд должен руководствоваться нормами, которые облегчают выбор права сторонами или в качестве применимого выберет право, которое стороны, вероятно бы, избрали. Такой подход основывается на нормах, дающих возможность сторонам с меньшими потерями определить

право, применимое к их взаимоотношениям. Но есть и другая сторона морально-правового характера, на которую указывает Е.В. Кабатова: «необходимо не просто определить с помощью коллизионных норм применимое право, но учитывать, к каким последствиям это приведет, какие материально-правовые нормы будут применены и будет ли конкретное отношение урегулировано наиболее разумно и справедливо» [4: с. 50–58].

Возвращаясь к тезису, высказанному Е.В. Сергеевой, скажем и о том, что понятие защиты субъективных прав в материально-правовом отношении в международном частном праве связано с самим содержанием субъективного гражданского права в России. Сложность и многоаспектность понятия «субъективное право» объясняет возможность его неоднозначного толкования. Так, в теории права России давно озвучена и устоялась точка зрения, что субъективное право является мерой дозволенного поведения, мерой возможного поведения либо возможным поведением [10: с. 143]. Есть попытки выделения видовых признаков данного понятия. Например, О. Ломидзе выделяет такой признак субъективного права, как связь субъективного права с правом обыденным [5: с. 2–12]. А.В. Малько в свою очередь раскрывает данное понятие через обеспеченность противостоящими обязанностями, позволяющую отграничить субъективное право от интереса [8: с. 31–42]. О. Ломидзе в дополнение к сказанному называет и такой юридический признак субъективного права, как установление субъективного права относительно поведения конкретного субъекта через его взаимодействие с другими лицами [5: с. 4].

Подводя итог высказанным положениям, Е.В. Сергеева резонно замечает: «правомочия, возникающие у управомоченного лица в связи с нарушением его субъективного права, могут быть дифференцированы в зависимости от формы осуществления права на защиту» [11: с. 72]. Это может быть обращение к уполномоченным органам государства или правомочия действовать по защите своих субъективных прав самостоятельно [11: с. 72].

В международном частном праве, объекты регулирования в котором пересекают границы, обращение к государственным органам зачастую бывает бесперспективным занятием. Но государства, территории которых связывают возникшие на практике коммерческие или общественные (например, семейно-брачные) отношения между их гражданами могут помочь компетентным коллизионным законодательством, так как в данных государствах правила защиты субъективных прав могут быть различными. На наш взгляд, в международном частном праве могут применяться формы, сформулированные А.А. Добровольским и С.А. Ивановым, — исковую и неисковую формы защиты субъективных прав в зависимости от того, нужна ли для рассмотрения правовых требований специальная, установленная законом процессуальная форма [2: с. 25]. Полагаем также, что в международном частном праве может применяться юрисдикционная форма в судебном и административном порядке и неюрисдикционная — самозащита субъективного права [12: с. 268–270].

Известно, что самозащита включает в себя меры оперативного воздействия и потому вполне применима к ситуации, когда необходимо защитить субъективные права российского гражданина за рубежом и иностранца в России без обращения к компетентным органам государства, так как средства правоохранительного характера применяются к правонарушителю непосредственно самим уполномоченным лицом. Такие меры в гражданско-правовой науке называются организационными мерами или организационными санкциями, которые, как правило, связаны с обязательственными правоотношениями.

Принято считать, что к мерам оперативного воздействия относятся:

– исполнение управомоченным лицом работы, не выполненной должником, но за счет последнего (например, устранение недостатка товаров — п. 1. ст. 475 ГК РФ);

– обеспечение встречных требований платежей (например, задержка выдачи груза получателю или его отправление до внесения всех причитающихся платежей — п. 4. ст. 790 ГК РФ);

– отказные меры (например, одностороннее расторжение договора при неправомерном поведении контрагента — п. 3. ст. 723 ГК РФ);

– расчетно-кредитные меры (например, перевод неисправного плательщика на аккредитивную форму расчетов);

– удержание вещи, подлежащей передаче должнику (например, ст. 359–360) [13: с. 74].

В заключение вынуждены отметить, что в российском законодательстве четкого определения понятия способа защиты субъективных гражданских прав пока не существует. Сам же перечень способов защиты гражданских прав (см.: ст. 12 ГК РФ) нельзя признать научно обоснованным в силу того, что некоторые из них перекрывают друг друга, а такая форма защиты, как самозащита признана одним из ее способов.

Литература

1. Брун М.И. Очерки истории конфликтного права / М.И. Брун. – М.: Типография Лисснера и Д. Собко, 1915. – 106 с.

2. Добровольский А.А. Основные проблемы исковой формы защиты права / А.А. Добровольский, С.А. Иванов. – М.: МГУ, 1979. – 25 с.

3. Иванов Н. Основания частной международной юрисдикции / Н. Иванов. – Казань: Изд-во Казанского универ., 1865. – 83 с.

4. Кабатова Е.В. К вопросу о современных проблемах международного частного права / Е.В. Кабатова // Государство и право. – 2000. – № 8. – С. 50–58.

5. Ломидзе О. Отчуждение обязательственных прав / О. Ломидзе // Хозяйство и право. – 2002. – № 6. – С. 2–12.

6. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Чтения Д.И. Мейера. Вып. 1. Общая часть / Д.И. Мейер. – Казань: Изд-во Казанского универ., 1997. – 90 с.

7. Макаров А.Н. Основные начала международного частного права (по изд. 1924 г.) / А.Н. Макаров. – М.: Юридическое изд-во, 1924. – 151 с.

8. *Малько А.В.* Субъективное право и законный интерес / А.В. Малько // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 31–42.

9. *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н.И. Матузов. — Саратов: Издат-во Саратовского универ., 1982. – 293 с.

10. *Ohara E.A.* From politics to efficiency in choice of law / E.A. Ohara, L.E. Ribstein. – The university of Chicago law rev, 2000. – 81 p.

11. *Сергеева Е.В.* Защита гражданских прав субъектов предпринимательской деятельности / Е.В. Сергеева // Право и государство. Теория и практика. – 2006. – № 3. – С. 71–78.

12. *Сергеева Е.В.* Гражданское право: учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – Ч. I. – 2-е изд. – М.: МГУ, 1996. – 314 с.

Krivenky A.I.

The Protection of Physical Persons' Legal Rights in International Private Law, Historical and Contemporary Aspects

The article is devoted to the analysis of such notions as legal rights in international private law, ways of protecting it within the limits of international jurisdiction, i.e. the international conflict of law. The initial basis for the protection of the legal *jus ed rem* fixed in the Russian legislation is the law of the country of the location of a thing and the ways of protection of these rights are the suit form, non-suit form, jurisdictional form in legal and administrative processes and personal self-defense.

Key-words: legal rights; absolute; relative; jurisdiction; conflict of law; physical person; subject; statute; property; persona; real; eligibility; conflict regulation; regulation; suit; non-suit; personal self-defense.

References

1. *Brun M.I.* Oчерki istorii konfliktного prava / M.I. Brun. – М.: Tipografiya Lissnera i D. Sobko, 1915. – 106 s.

2. *Dobvol'skij A.A.* Osnovny'e problemy' iskovoj formy' zashhity' prava / A.A. Dobvol'skij, S.A. Ivanov. – М.: MGU, 1979. – 25 s.

3. *Ivanov N.* Osnovaniya chastnoj mezhdunarodnoj yurisdikcii / N. Ivanov. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo univer., 1865. – 83 s.

4. *Kabatova E.V.* K voprosu o sovremenny'x problemax mezhdunarodного chastного prava / E.V. Kabatova // Gosudarstvo i pravo. – 2000. – № 8. – S. 50–58.

5. *Lomidze O.* Otchuzhdenie obyazatel'stvenny'x prav / O. Lomidze // Xozyajstvo i pravo. – 2002. – № 6. – S. 2–12.

6. *Mejer D.I.* Russkoe grazhdanskoe pravo. Chteniya D.I. Mejera. Vy'p. 1. Obshhaya chast' / D.I. Mejer. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo univer., 1987. – 90 s.

7. *Makarov A.N.* Osnovny'e nachala mezhdunarodного chastного prava (po izd. 1924 g.) / A.N. Makarov. – М.: Yuridicheskoe izd-vo, 1924. – 151 s.

8. *Mal'ko A.V.* Sub'ektivnoe pravo i zakonny'j interes / A.V. Mal'ko // Pravovedenie. – 2000. – № 3. – S. 31–42.

9. *Matuzov N.I.* Lichnost'. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemy' sub"ektivnogo prava / N.I. Matuzov. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo univer., 1982. – 293 s.
10. *Ohara E.A.* From politics to efficiency in choice of law / E.A. Ohara, L.E. Ribstein. – The universiti of Chikago law rev, 2000. – 81 p.
11. *Sergeeva E.V.* Zashhita grazhdanskix prav sub"ektov predprinimatel'skoj deyatel'nosti / E.V. Sergeeva // Pravo i gosudarstvo. Teoriya i praktika. – 2006. – № 3. – S. 71–78.
12. *Sergeeva E.V.* Grazhdanskioe pravo: uchebnik / Pod red. A.P. Sergeeva, Yu.K. Tolstogo. – Ch. I. – 2-e izd. – M.: MGU, 1996. – 314 s.

М.В. Никонова

Брачный договор как основа договорной регламентации имущественных отношений супругов

Статья посвящена договорному режиму регулирования имущественных отношений супругов — сравнительно новому современному институту в семейном праве. Показано, что брачный договор имеет семейно-правовую природу, предназначается для регулирования исключительно имущественных отношений супругов и может быть изменен или расторгнут в любое время по соглашению супругов. Брачный договор может быть признан судом недействительным полностью или частично, что порождает разные правовые последствия для регулирования имущественных отношений супругов.

Ключевые слова: брачный договор; супруги, регламентация; имущество; расторжение; соглашение; договорное регулирование.

В СК РФ предусматривается договорный режим имущества супругов, который регламентируется достаточно подробно. Договорный режим имущества супругов является новым современным институтом национального законодательства, введение которого отражает общие правовые тенденции, связанные с восстановлением частноправового регулирования имущественных отношений в семье. В свою очередь, свобода выбора в отношениях супругов по поводу имущества, нажитого в браке, позволяет, таким образом, учитывать разнообразие интересов не только различных социальных групп, но и каждого индивида в отдельности. При этом договорный режим имущества супругов, основанный на широком использовании принципа диспозитивности, обеспечивает гражданам возможности для более свободного определения режима добрачного имущества, порядка и условий оказания взаимной материальной поддержки, а также позволяет урегулировать имущественные отношения на случай расторжения брака. Договорное регулирование имущественных отношений в семье можно определить как разновидность индивидуально-правового регулирования, осуществляемого членами семьи на основании и в пределах, установленных законом, по определению модели возможного и должного поведения путем заключения договоров и соглашений в сфере семейных имущественных отношений [7: с. 75]. Новеллой СК РФ, в этой связи, является глава 8, согласно которой вводится такое понятие, как брачный договор. Заметим, что возможность заключения брачного договора впервые появилась в части 1 ст. 256 ГК РФ с момента введения ее в действие 1.01.1995 года. Однако, предметом брачного договора могло быть

только общее имущество супругов, состоящих в браке. Как известно, позднее был принят СК РФ, который существенно урегулировал положения гражданского законодательства в этой части. Так, например, особенностью предмета брачного договора является то, что его условия могут относиться не только к уже существующим имущественным правам, но и к будущим предметам и правам, которые могут быть приобретены супругами в период брака. Права и обязанности супругов могут ограничиваться определенными сроками либо ставиться в зависимость от наступления или от ненаступления определенных условий. Договором может быть предусмотрено возникновение некоторых правоотношений в зависимости от определенных обстоятельств, например, рождения детей.

Вместе с тем, в правовой доктрине не существует единого мнения в отношении правовой природы и отраслевой принадлежности брачного договора. Так, большинство ученых придерживаются позиции, согласно которой, брачный договор является видом гражданско-правовых договоров и должен соответствовать основным требованиям, предъявляемым к гражданско-правовым сделкам, как по форме заключения, так и по содержанию и свободе волеизъявления сторон [1: с. 156; 2: с. 20; 8: с. 76]. Однако брачный договор обладает определенной спецификой и существенными особенностями, что обуславливает иной взгляд в отношении семейно-правовой природы брачного договора [6: с. 136–137; 7: с. 88]. Одним из аргументов в пользу такой точки зрения является то, что именно в СК РФ закреплено легальное определение данного понятия. Так, брачный договор — это соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения (ст. 40 СК РФ). Кроме того, семейное законодательство устанавливает порядок заключения и определяет содержание брачного договора, а также указывает основания изменения, расторжения и признания брачного договора недействительным. На наш взгляд, несмотря на то, что к брачному договору применяются положения гражданского законодательства, например, изменение и расторжение брачного договора осуществляется, как и всякого гражданско-правового договора, по нормам гражданского права, он имеет собственную специфику и регламентируется в целом нормами семейного законодательства.

Заметим, что СК РФ достаточно четко определяет границы содержания брачного договора (ст. 42 СК РФ), разрешая супругам:

- изменять установленный законом режим совместной собственности, устанавливать режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов;
- определять свои права и обязанности по взаимному содержанию с учетом требований главы 16 СК РФ;
- устанавливать способы участия в доходах друг друга, порядок несения каждым из них семейных расходов;

- определять имущество, которое будет передано каждому из супругов в случае расторжения брака;
- включать в брачный договор любые иные положения, касающиеся имущественных отношений супругов.

Поскольку перечень условий брачного договора касается исключительно имущественных отношений супругов, запрещается включать в него какие-либо иные положения, не связанные с отношениями подобного рода. В частности, брачный договор не может регулировать личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей. Кроме того, условия брачного договора не могут также содержать ограничения в отношении право- или дееспособности супругов; их права на судебную защиту; предусматривать ограничения в отношении права нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания; в брачный договор не могут быть включены другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства. Любые такие положения признаются ничтожными. Последнее обстоятельство, по мнению А.А. Иванова, свидетельствует о взаимном характере брачного договора, поскольку, как пишет автор, «брачный договор не может ставить его стороны в крайне неблагоприятное положение или противоречить основополагающим началам семейного законодательства. Одним из таких начал является принцип равноправия супругов. Это означает, что брачный договор не может на одного супруга возлагать только обязанности, а другому — предоставлять одни права» [10: с. 310]. Подобная точка зрения свидетельствует об одностороннем подходе к характеристике данного договора, основанном на упрощенном понимании такой сложной правовой категории как «равноправие». Как известно, равноправие — это фундаментальный конституционный принцип и элемент демократии, один из аспектов которого закреплен в ст. 19 Конституции Российской Федерации и ст. 1 СК РФ. Речь идет о равноправии мужчины и женщины во всех сферах социальной, политической, экономической и семейной жизни. Безусловно, брачный договор в подавляющем большинстве случаев является взаимным, то есть каждый из его участников одновременно наделен правами и обязанностями. Следует, однако, согласиться с позицией Е.А. Чифрановой, которая отмечает в этой связи следующее: «реализация принципа равенства супругов в семье вовсе не означает, что заключение односторонне-обязывающего брачного договора само по себе уже ставит сторону-должника в крайне неблагоприятное положение и тем самым противоречит основополагающим началам семейного законодательства» [9: с. 114].

Несмотря на то, что действующим гражданским законодательством предусмотрена обязательная нотариальная форма лишь для небольшого круга договоров, брачный договор заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению (п. 2 ст. 41 СК РФ). Следовательно, такой договор заключается не при регистрации брака в органах загса, а до или после этого в нотариальной конторе в присутствии каждого из супругов лично. Подобное

законодательное решение преследует вполне очевидную цель — придать отношениям сторон необходимую ясность и определенность и нивелировать, таким образом, основания для возникновения будущих споров в отношении как факта заключения договора, так и его содержания, а также обеспечить соответствие содержания брачного договора требованиям закона. Такие требования к форме связаны, прежде всего, со спецификой семейно-правовых отношений, которые имеют длящийся характер и, как следствие, брачный договор регулирует отношения супругов в течение продолжительного времени, определяя имущественные права и обязанности на будущее время. СК РФ не содержит указания на последствия несоблюдения нотариальной формы брачного договора. В данном случае необходимо руководствоваться правилами гражданского законодательства о правовых последствиях несоблюдения нотариальной формы сделки, в том числе и брачного договора, заключенного с нарушением условий о форме и являющегося недействительным независимо от судебного признания, то есть ничтожным (п. 1 ст. 165 ГК РФ).

Брачный договор может быть изменен или расторгнут в любое время по соглашению супругов. Соглашение об изменении или о расторжении брачного договора совершается в той же форме, что и сам брачный договор. Односторонний отказ от исполнения брачного договора не допускается. По требованию одного из супругов брачный договор может быть изменен или расторгнут по решению суда по основаниям и в порядке, которые установлены ст. 450, 451 ГК РФ для изменения и расторжения договора. Другие лица, кроме супругов, не вправе заявлять подобные требования.

Срок действия брачного договора неразрывно связан со сроком действия брака. Брачный договор вступает в силу с момента государственной регистрации брака. Если брачный договор заключается между супругами уже состоящими в браке, то договор вступает в силу с момента его заключения, если иное не установлено соглашением сторон. В случае заключения брачного договора до государственной регистрации брака такой договор считается заключенным под отлагательным условием, то есть вступает в силу только с момента регистрации брака (п. 1 ст. 41 СК РФ). Однако некоторые ученые-правоведы высказывают сомнения в отношении брачного договора как условной сделки, мотивируя свою точку зрения тем, что отлагательное условие является дополнительным, зависящим от воли сторон элементом сделки, то есть сделка данного вида может быть совершена и без такого условия. Указание о том, что брачный договор вступает в силу только со дня государственной регистрации заключения брака, содержится в законе, а не предусматривается соглашением сторон [5: с. 104–105; 8: с. 79]. Подобного рода позиция не представляется убедительной, так как специфика брачного договора связана в данном случае с меньшей свободой усмотрения сторон и большей степенью законодательного регулирования вопросов вступления в силу брачного договора, что позволяет расширить положения гражданского законодательства в этой части и

внести определенные изменения в соответствующую редакцию п. 1 ст. 157 ГК РФ: «Сделка считается совершенной под отлагательным условием, если возникновение прав и обязанностей, предусмотренное законом или соглашением сторон, поставлено в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит». Такая формулировка обеспечит, на наш взгляд, большую согласованность законодательных норм и устраним неточности в толковании брачного договора как условной сделки. В зарубежном законодательстве брачный договор, заключенный до регистрации брака также квалифицируется как сделка под отлагательным условием. Например, в Нидерландах брачные договоры могут заключать не только супруги, но и помолвленные. Договор между помолвленными называют сделкой под отлагательным условием заключения брака [9: с. 40]. Кроме того, сделкой под отлагательным условием брачный договор является и тогда, когда он заключается в отношении будущего имущества супругов. По соглашению между супругами договор может быть заключен на определенный срок или бессрочно. Брачный договор, заключенный на неопределенный срок, прекращается с момента:

- прекращения брака, за исключением тех обязательств, которые предусмотрены брачным договором на период после прекращения брака (например, по содержанию одного из супругов);
- расторжения брачного договора.

Брачный договор может быть признан судом недействительным полностью или частично по основаниям, предусмотренным ГК РФ для недействительности сделок и СК РФ. Однако не следует отождествлять такие понятия, как «признание брачного договора недействительным» и «расторжение брачного договора». Расторжение договора — это досрочное прекращение действительного договора на будущее время. Права и обязанности сторон существовали и осуществлялись ими на законном основании, но с момента расторжения договора они прекращают действовать. Недействительный договор не влечет тех правовых последствий, на которые он был направлен, как правило, с момента его совершения. К основаниям признания брачного договора недействительным относятся:

- несоответствие содержания договора закону или иным нормативным актам;
- совершение договора недееспособным лицом;
- заключение договора с целью, противной основам правопорядка и нравственности;
- если такая сделка была мнимой и притворной;
- совершение договора под влиянием заблуждения, обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств;
- если условия договора ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства.

В случае признания недействительным брачного договора каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а при отсутствии возможности возвратить полученное в натуре, возместить его стоимость в денежном эквиваленте (если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом).

Наряду с брачным договором к числу договоров имущественного характера, заключаемых между супругами, относятся соглашения об определении долей в общем имуществе, соглашения о разделе совместно нажитого имущества и соглашения об уплате алиментов. Соглашения супругов, заключение которых возможно в соответствии с действующим семейным законодательством (п. 2 ст. 38, ст. 99 СК РФ) имеют определенные сходства и различия. Рассмотрим некоторые из указанных соглашений. Так, например, если в договоре, заключенном супругами, определены только порядок, условия и размер выплат на содержание одного из них, то такое соглашение признается соглашением об уплате алиментов. В свою очередь, брачный договор помимо имеющихся в нем положений имущественного характера (например, определяющих режим собственности супругов) может также содержать аналогичные положения об условиях и порядке алиментирования одним супругом другого. Однако, брачному договору не придается законом сила исполнительного листа в отличие от соглашения об уплате алиментов (ст. 100 СК РФ).

Определенное сходство с брачным договором имеют также соглашения супругов о разделе имущества. Вместе с тем они отличаются по признакам субъектного состава, так как соглашение о разделе имущества может быть заключено между супругами и бывшими супругами, в то время как брачный договор заключается между супругами и лицами, вступающими в брак. Брачный договор изменяет режим имущества супругов, включая личное, а также имущество, которое будет приобретено супругами в будущем. В свою очередь, предмет соглашения о разделе имущества ограничен, поскольку по такому соглашению супруги или бывшие супруги определяют лишь судьбу совместно нажитого ими имущества в период брака. Кроме того, по общему правилу, соглашение супругов о разделе имущества заключается в простой письменной форме (нотариальная форма возможна только по желанию супругов), в то время как заключение брачного договора требует, помимо письменной формы, обязательного нотариального удостоверения.

Безусловно, брачный договор занимает центральное место в области договорного регулирования имущественных семейных отношений. При возникновении коллизионных вопросов приоритетное положение имеют нормы семейного законодательства, а положения гражданского законодательства в этой части имеют субсидиарный характер и применяются в случае отсутствия надлежащей правовой регламентации семейно-правовыми нормами или брачным договором. Разумеется, ценность брачного договора как механизма, посредством которого преодолеваются конфликты имущественного характера, связанные с разводом и разделом супружеского имущества нашему обществу еще только предстоит осоз-

нать. Брачный договор является «реальной альтернативой легальному режиму имущества супругов» [4: с. 81]. Институт брачного договора действует в национальном праве непродолжительное время, поэтому практика его применения еще не успела сложиться. Концептуальные положения в указанной сфере несомненно представляют определенный научный и практический интерес. Однако достаточно много дискуссионных вопросов вызывают неточности и пробелы действующего законодательства в этой сфере. Например, в отношении квалификации брачного договора, заключенного до регистрации брака как сделки с отлагательным условием. Проблемы связаны с тем, что действующая норма ст. 157 ГК РФ содержит указание только на соглашение сторон относительно условия о правах и обязанностях, возникновение которых поставлено в зависимость от определенного обстоятельства (в частности, от заключения брака). Как известно, в СК РФ содержится норма, согласно которой брачный договор вступает в силу только со дня государственной регистрации заключения брака (п. 1 ст. 41 СК РФ), то есть условие о возникновении прав и обязанностей предусмотрено не соглашением сторон, а установлено законом. Поэтому, брачный договор, по мнению отдельных ученых-правоведов, не является сделкой с отлагательным условием. Сомнения на этот счет могут быть разрешены, на наш взгляд, путем внесения в редакцию п. 1 ст. 157 ГК РФ формулировки следующего содержания: «Сделка считается совершенной под отлагательным условием, если возникновение прав и обязанностей, предусмотренное законом или соглашением сторон, поставлено в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит», что позволит устранить неточности в толковании данного понятия. Целесообразным, на наш взгляд, было бы использование зарубежного правового опыта ряда стран, имеющих более длительную историю развития института брачного договора. Например, во Франции супруги могут выбрать четыре различных режима имущества с учетом сложившейся на практике ситуации (в частности, общность всего имущества супругов, общность имущества только на движимые вещи и на имущество, приобретенное каждым из супругов после заключения брака и т.д.).

Литература:

1. Антокольская М.В. Семейное право: учебник / М.В. Антокольская. – М.: Юрист, 2005. – 336 с.
2. Брагинский М.И. Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 1997. – 682 с.
3. *Bergmann. Ferid. Internationalis Ehe und Kindschaftsrecht.* – Frankfurt na Maine; Berlin: a.M., 1993. – 182 s.
4. Кулагина Е.В. Проблемы частного права. Отношения собственности супругов в условиях современной России / Е.В. Кулагина // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2008. – № 4. – С. 78–88.
5. Муратова С.А. Семейное право: учебное пособие / С.А. Муратова. – Нормативные акты. – М.: Юриспруденция, 2001. – 384 с.

6. *Нечаева А.М.* Семейное право: курс лекций / А.М. Нечаева. – М.: Юристъ, 1998. – 336 с.
7. *Низамиева О.Н.* Договорное регулирование имущественных отношений в семье / О.Н. Низамиева. – Казань: Таглимат УЭУиП, 2005. – 216 с.
8. *Сосипатрова Н.Е.* Брачный договор: правовая природа. Содержание, прекращение / Н.Е. Сосипатрова // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 76–81.
9. *Чефранова Е.А.* Имущественные отношения супругов: научно-практическое пособие / Е.А. Чефранова. – М.: Эксмо, 2008. – 272 с.
10. Гражданское право: учебник: в 3-х ч. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – Ч. 3. – М.: Проспект, 2005. – 784 с.

Nikonova M.V.

Marriage Contract as the Basis for the Contract Regulation of Spouses' Property Relations

The article is devoted to the contract regulation of spouses' property relations that is a relatively new present-day institution in family law. It is shown that the marriage contract has family-law nature, it is intended only for spouses' property relations and can be concluded or terminated only by consent of spouses. Marriage contract can be found totally or partly invalid by court what can generate diverse law consequences for regulation of spouses' property relations.

Key-words: marriage contract; spouses; regulation; property; termination; agreement; contract regulation.

References

1. *Antokol'skaya M.V.* Semejnoe pravo: uchebnik / M.V. Antokol'skaya. – М.: Yurist, 2005. – 336 s.
2. *Braginskij M.I.* Dogovornoye pravo. Obshhie polozheniya / M.I. Braginskij, V.V. Vitryanskij. – М.: Statut, 1997. – 682 s.
3. *Bergmann.* Ferid. Internationalis Ehe und Kindschaftsrecht. – Frankfurt na Maine; Berlin: a.M., 1993. – 182 s.
4. *Kulagina E.V.* Problemy' chastnogo prava. Otnosheniya sobstvennosti suprugov v usloviyax sovremennoj Rossii / E.V. Kulagina // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. – 2008. – № 4. – S. 78–88.
5. *Muratova C.A.* Semejnoye pravo: uchebnoe posobie / C.A. Muratova. – Normativny'e akty'. – М.: Yurisprudenciya, 2001. – 384 s.
6. *Nechaeva A.M.* Semejnoye pravo: kurs lekcij / A.M. Nechaeva. – М.: Yurist, 1998. – 336 s.
7. *Nizamieva O.N.* Dogovornoe regulirovanie imushhestvenny'x otnoshenij v sem'e / O.N. Nizamieva. – Kazan': Taglimat UEUiP, 2005. – 216 s.
8. *Sosipatrova N.E.* Brachny'j dogovor: pravovaya priroda. Soderzhanie, prekrashhenie / N.E. Sosipatrova // Gosudarstvo i pravo. – 1999. – № 3. – S. 76–81.
9. *Chefranova E.A.* Imushhestvenny'e otnosheniya suprugov: nauchno-prakticheskoe posobie / E.A. Chefranova. – М.: Eksmo, 2008. – 272 s.
10. Grazhdanskoye pravo: Uchebnik: v 3-x ch. / Pod red. A.P. Sergeeva, Yu.K. Tolstogo. – Ch. 3. – М.: Prospekt, 2005. – 784 s.

**О.В. Ефимова,
О.Л. Котельников**

Проблемы правового определения инвестиций

Инвестиционные отношения и в настоящее время, в период кризиса, рассматриваются как важнейшая часть экономической сферы общества. Но в силу сложности природы инвестиций, инвестиционных отношений, представляющих собой синтез экономического и правового аспекта, необходимо определить правовую сущность инвестиций через надлежащую дефиницию «инвестиций», закрепленных государством в нормативном порядке.

Ключевые слова: инвестиции; инвестиционные правоотношения; капитализация; объекты гражданских правоотношений; земельный участок.

Одна из важнейших функций государства — создание правовой основы реализации экономической деятельности, которая осуществляется через правовое регулирование инвестиционной деятельности.

Инвестиция чрезвычайно широкая категория, имеющая в своем содержании экономическую и юридическую составляющие. В силу этого, а также иных причин, инвестиционные отношения не регламентированы в Российской Федерации должным образом. В первую очередь, это связано с отсутствием надлежащего правового определения ключевого явления инвестиционных отношений — собственно инвестиций. Без правовой дефиниции инвестиций невозможно правильно определить и правовую природу инвестиционных отношений.

В ст. 1 Закона РСФСР от 26 июня 1991 года № 1488 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», ст. 1 ФЗ РФ от 05 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», законодатель идет путем перечисления видов имущества, которое можно рассматривать в качестве инвестиций.

Инвестициями являются денежные средства, целевые банковские взносы, паи, ценные бумаги, технологии, оборудование, лицензии, кредиты, имущество, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли и достижения положительного социального эффекта.

Вряд ли выбранный путь перечислений видов имущества, являющихся инвестициями, можно признать успешным. Во-первых, указанное перечисление не является иллюстрацией (пояснением) к определению инвестиций. Во-вторых, данный перечень не является закрытым. В связи с этим возникает вопрос — ка-

ким образом еще можно определить иные виды имущества, которые могут быть включены в указанный перечень? Необходимо вывести общее, основное, связывающее перечню имущества в понятие инвестиций посредством формулировки дефиниции данного правового явления.

Итак, в соответствии со ст. 1 ФЗ «Об инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений» говорится: «Инвестиции — денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку» [2: с. 2].

Анализируя предложенное законодателем определение, хочу отметить, что ФЗ РФ от 05 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» ставит знак равенства между инвестициями и вещами или иным имуществом. Но является ли имущество ключевым в определении инвестиций? Деньги, ценные бумаги и т.п. могут находиться у собственника дома, на счетах в банке и т.д., но будут ли они в таком случае инвестициями? Вряд ли. Пока данное имущество не вложено в определенную деятельность с целью получения дохода или иной выгоды, то статус инвестиции оно не приобретает. В силу этого, по мнению авторов, ключевым в понятии инвестиции следует считать не то, что вкладываешь, а само вложение в определенную деятельность с целью получения определенной выгоды.

Итак, для введения в качестве юридического синонима понятию «инвестиции», которое в действительности отразит сущность рассматриваемого правового явления, определение инвестиции следует начать следующим образом: «инвестиции — вложение денежных средств, ценных бумаг, иного имущества...».

Имущество, которое может быть вложено в качестве инвестиции, обладает основным, с точки зрения анализа приведенной нормы, свойством — денежной оценкой. Вместе с тем при прочтении возникает необходимость следующих уточнений.

Во-первых, в соответствии со ст. 128 ГК РФ понятие «имущество» включает в себя два вида — «вещи» и «имущественные права».

Во-вторых, согласно ст. 129 ГК РФ вещи (которые являются также частью понятия имущества) могут быть оборотоспособными, ограниченными в обороте и изъятыми из оборота. В отношении первой и последней группы вещей вопросов не возникает: оборотоспособные вещи, безусловно, в силу своей возможности обращения обладают способностью к денежной оценке, поскольку оборот основан на товарно-денежных отношениях; вещи, которые не могут участвовать в гражданском обороте, не нуждаются для целей оборота в денежной оценке. Но что же делать с вещами, ограниченными в обороте, к которым в большинстве случаев относятся как природные ресурсы, так и валютные ценности, помещения и т.д.? К примеру, на практике достаточно часто инвестор осуществляет вложение земельным участком. Однако данная вещь ограничена в обороте, так как возможность участия земельного участка в гражданском обороте, то есть порядок и условия его использования и распоряжения, определяется правовым режимом

соответствующего земельного участка. В соответствии с п. 8 п. 1 ст. 1 ЗК РФ правовой режим земель определяется, исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования. Иными словами, вложение земельного участка в предпринимательскую деятельность с целью получения прибыли возможно, если это не противоречит установленным для данного земельного участка категории и виду разрешенного использования.

Соответственно, вещи, ограниченные в обороте при определенных условиях также могут выступать объектом вложений в инвестиционную деятельность (например, земельный участок), но при соблюдении в процессе вложения тех ограничений, особенностей регулирования, предусмотренных специальным законом.

Исходя из вышеизложенного, для более конкретного определения вида вещей, которые вправе выступать в качестве вложений, автор предлагает закрепить в определении инвестиции словосочетание «не изъятые из оборота», тем самым определив возможность участия в инвестиционной деятельности как оборотоспособных, так и ограниченных в обороте вещей. В силу изложенного, предложенное словосочетание должно быть закреплено следующим образом:

«инвестиции — вложения денежных средств, ценных бумаг, прочих вещей, не изъятых из оборота, иного имущества, в том числе имущественных прав, иных прав, имеющих денежную оценку».

Следующий закономерный вопрос — могут ли выступать также иные объекты гражданского права, указанные в ст. 128 ГК РФ? Может ли, к примеру, инвестор вложить в инвестиционный проект свою работу? На сегодняшний день ответ на этот вопрос отрицательный. Данный вывод подтверждает перечень инвестиций, приведенный законодателем в ст. 1 Закона РСФСР от 26 июня 1991 года № 1488 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», ст. 1 ФЗ РФ от 05 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», который указывает на возможность вложения только имущества, но не иных объектов гражданского права.

Далее, если речь идет об инвестиционных отношениях в строительстве, производстве и т.п., то имущество, вкладываемое в предпринимательскую и иную деятельность, должно обладать также свойством капитализации, то есть возможностью преобразования данного имущества в добавочные факторы производства (к примеру, средства труда, рабочую силу, предметы труда и т.п.), что в итоговом результате произведет увеличение размера собственных средств.

Указанное свойство является по своему характеру более экономическим, чем правовым, и для придания ему обязательного свойства для инвестиций капитализацию следует закрепить в законодательстве, а именно в определении инвестиции следующим образом:

«инвестиции — вложения денежных средств, ценных бумаг, прочих вещей, не изъятых из оборота, иного имущества, обладающего свойством капитализации, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку».

Косвенно данное свойство существует в правовом понятии капитальные вложения (ст. 1 ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений»). Однако предложенное законодателем определение не раскрывают в полной мере указанное экономическое свойство, в частности, не определяет итогового результата преобразования инвестиций в соответствующие факторы производства. В силу этого, авторы считают необходимым дополнить ФЗ РФ от 05 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» в статье 1, содержащей дефиниции терминов, понятий, используемых в инвестиционных правоотношениях, определением капитализации имущества: «Капитализация имущества - преобразование имущества в добавочные факторы производства (к примеру, средства труда, рабочую силу, предметы труда и т.п.) с целью увеличения размера собственных и/или привлеченных средств».

Итак, основное качество, свойственное инвестициям, как вложению имущества, обладающему свойством капитализации, проявляется в цели вложения этого имущества. Однако при прочтении правового определения инвестиций возникает вопрос — каким образом следует понимать и применять трактовку законодателя в отношении обозначенных целей вложения инвестиций: «в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта»?

Означает ли это, что вложение следует рассматривать как инвестиционную деятельность при условии достижения обозначенных целей: и прибыли, и эффекта. Однако если понятие прибыли можно раскрыть с помощью норм НК РФ, то как следует понимать полезный эффект? Исходя из анализа ст.ст. 41, 247 НК РФ, прибыль можно определить как некий имущественный результат, полученный в итоге вычисления расходов из имеющейся экономической выгоды в денежной или натуральной форме. Согласно указанным нормам НК РФ и сложившимся обыкновениям прибыль воспринимается как некая денежная сумма. Однако что скрывается под указанием законодателя на полезность эффекта и полезности для кого?

Поскольку вложение инвестиций осуществляет инвестор, который и рассматривается в качестве ключевой фигуры инвестиционных отношений, то и полезность эффекта должна последовать именно для инвестора. Осуществляя вложение имущества — инвестиции в строительную, производственную деятельность, инвестору предпочтительней получение материального, овеществленного результата.

В самом деле, сегодняшние реалии таковы, что, вкладывая денежные средства в строительство какого-либо, к примеру, здания, инвестор в первую очередь рассчитывает на получение чего-либо материального (к примеру, определенных помещений в собственность), но не на положительную оценку со стороны окружающих.

Вероятно, было бы более правильным раскрыть значение словосочетания «полезный эффект» применительно к инвестиционным отношениям путем указания на овеществленный результат указанного эффекта в виде прибыли или имущества в натуре в собственность инвестора.

Таким образом, мы приходим к основной характеристике инвестиций, а соответственно и инвестиционных отношений — цели вложений (о чем говорили ранее).

Целями инвестиционной деятельности выступают расширение и развитие материального производства, недопущение чрезмерного морального и физического износа основных фондов, повышение технического уровня производства, разработка новых продуктов и освоение новых рынков, осуществление природоохранных мероприятий и обеспечение безопасности труда персонала, другие мероприятия, направленные на обеспечение нормального функционирования организации в будущем, максимизации прибыли [3: с. 7].

Представляется необходимым сохранить указание на цель, как необходимую составляющую изучаемых правоотношений, как основной, характеризующий признак инвестиций, но конкретизировать обозначение цели. В качестве данной цели определить — прибыль, или имущество в натуре в собственность инвестора.

Следующее, что также требует осмысления — формулировка законодателя о «вложении средств в объекты предпринимательской и других видов деятельности». На каких условиях осуществляется данное вложение — возмездно или безвозмездно, срочно или бессрочно?

При ответе на данный вопрос следует учитывать цель инвестиционных отношений, а именно для получения определенной выгоды. В силу этого можно ответить, по крайней мере, в отношении наличия встречного имущественного предоставления — оно присутствует и отображается в указанной цели.

С учетом изложенного, по мнению авторов, при анализе имеющихся отношений и вероятных намерений участников данных отношений, при выявлении таких характеризующих признаков, как капитализация вещей, не изъятых из оборота и иного имущества, имеющего денежную оценку с целью получения прибыли или имущества в натуре, должен классифицировать указанные отношения как инвестиционные. Исходя из приведенных выше рассуждений, авторы предлагают закрепить понятие инвестиций в ст. 1 ФЗ РФ от 05 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» в следующей формулировке: «инвестиции — вложения в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности денежных средств, ценных бумаг, прочих вещей, не изъятых из оборота, иного имущества, обладающего свойством капитализации, в том числе имущественных прав, иных прав, имеющих денежную оценку в целях получения прибыли и (или) имущества в натуре в собственность инвестора».

Литература

1. Закон РСФСР от 26 июня 1991 года № 1488 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 18.07.1991. — № 29, ст. 1005.

2. ФЗ РФ от 05 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. – 01.03.1999. – № 9, ст. 1096.

3. *Иголина Л.Л.* Инвестиции: учебное пособие / Л.Л. Иголина. – М.: Экономика, 2005. – 117 с.

Efimova O.V., Kotelnikova O.L.

The Problems of Legal Definition of Investments

Investment relations even at the present period, the period of recession, are regarded to be the most important part of economic sphere of society. But owing to the complexity of investments nature and investment relations which represent the synthesis of economic and legal aspects, it is necessary to define the legal essence of investments through proper definition of “investments”, fixed by the state in standard order.

Key-words: investments; investment law relations; capitalization; civil law relations objects; ground area.

References

1. Закон RSFSR от 26 июня 1991 года № 1488 «Об инвестиционной деятельности в RSFSR» // Ведомости СНД и ВС RSFSR. – 18.07.1991. – № 29, ст. 1005.

2. ФЗ РФ от 05 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. – 01.03.1999. – № 9, ст. 1096.

3. *Igonina L.L.* Investicii: uchebnoe posobie / L.L. Igonina. – М.: Ekonomist, 2005. – 117 с.

А.В. Глухов

Право работников на забастовку в решениях Конституционного суда Российской Федерации

В статье анализируются наиболее значимые решения Конституционного суда РФ по вопросу реализации работниками конституционного права на забастовку. Обосновывается необходимость внесения изменений в отдельные федеральные законы, устанавливающие запрет на проведение забастовок государственными и муниципальными гражданскими служащими.

Ключевые слова: Конституция РФ; Трудовой кодекс РФ; Конституционный суд РФ; ограничение права на забастовку; отдельные категории работников; государственные служащие; муниципальные служащие.

В части 4 ст. 37 Конституции РФ [1] признается право на коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку. Если после проведения установленных примирительных процедур коллективный трудовой спор не разрешен, то согласно части 2 ст. 409 Трудового кодекса РФ [3] работники имеют право объявить забастовку.

В.К. Миронов замечает, что «забастовка - прежде всего форма экономического давления на работодателя в целях благоприятного для работников разрешения трудового конфликта; она служит крайним средством такого разрешения» [16: с. 54].

Н.Л. Лютов выделяет узкий и широкий подход к определению понятия забастовки. Забастовка в узком смысле — временное приостановление работником своей работы. В широком смысле — также иные действия работников, осуществляемые с той же целью и нарушающие нормальную работу предприятия (замедление работы и иные нарушения обычного хода ее выполнения для удовлетворения требований работников) [15: с. 211–212].

Критикуя установленный порядок организации и проведения забастовок, В.Г. Сойфер утверждает, что наука трудового права до сих пор культивирует идею недопущения забастовок в принципе, предусматривая излишнюю юридикацию отношений, связанных с их организацией и проведением. В связи с этим В.Г. Сойфер считает необходимым «изменить критерии, юридически делающие забастовки незаконными, упростить существующий правовой механизм оценки правомерности организации и проведения забастовки, признать их законным способом самозащиты трудовых прав работников, для чего внести дополнение в статью 379 ТК РФ» [19: с. 40].

Однако, как справедливо указывается в литературе, в отличие от индивидуального трудового спора коллективный трудовой спор имеет своим предметом изменение порядка установления новых или изменение существующих условий труда, в то время как притязания отдельного работника или группы работников не простираются дальше вопросов применения конкретных норм трудового законодательства. Суды, рассматривая трудовой спор по иску группы работников (о взыскании задолженности по заработной плате; притязании на ее размер и др.), тем не менее выносят судебные решения в отношении персонально каждого работника [20: с. 861].

Право граждан на забастовку является признанным и гарантированным только в том случае, когда его используют в качестве способа урегулирования коллективного трудового спора. Поэтому, на наш взгляд, нельзя согласиться с мнением Е.С. Герасимовой, что в связи с индивидуальным трудовым спором также может быть реализовано право на забастовку [12: с. 31–35].

И.Я. Киселев отмечает, что право на забастовку в демократических странах рассматривается как важнейшая предпосылка здорового развития системы коллективных договоров и разумного разрешения противоречий в сфере труда и трудовых отношений [14: с. 286]. Данное конституционное право может быть ограничено только федеральным законом. В соответствии со ст. 55 Конституции РФ законодатель в ст. 413 Трудового кодекса РФ определил, какие забастовки являются незаконными и не допускаются.

Т.А. Сошникова замечает по этому поводу: положениями статьи 413 ТК РФ предусмотрено, что право на забастовку может быть ограничено федеральным законом. Каким именно законодатель не указывает, что не исключает принятия федеральных законов, запрещающих забастовки во всех отраслях экономики, поскольку буквально каждая важна для жизни и здоровья людей [20: с. 61].

По нашему мнению, конституционное право на забастовку может быть ограничено федеральным законом только в тех случаях, когда это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, что подтверждается практикой Конституционного суда РФ.

Л.Н. Анисимов отмечает: «При регламентации права на забастовку должно осуществляться необходимое согласование между защитой профессиональных интересов, средством которой является забастовка, и соблюдением общественных интересов, которым она способна причинить ущерб и обеспечение которых — обязанность государства. . . «ограничение права» — это «сужение его объема», которое следует отличать от запретов. Отличие здесь состоит в том, что в этом случае не происходит сужения объема права, а имеет место уточнение его содержания, обозначение границ, с которыми связано действие этого права» [11: с. 60].

Поэтому спорной представляется точка зрения Ю. Моисеевой о том, что законодательная формулировка о возможности ограничения права на забастовку является не совсем верной и точной, и было бы правильнее говорить о признании забастовок незаконными в силу того, что их проведение в отдельных случаях прямо запрещено законом [17: с. 20].

Часть 1 и 2 ст. 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [2] допускает запрет права на забастовку в отношении лиц, входящих в состав вооруженных сил, полиции и администрации государства, а в отношении других лиц ограничения возможны, если они необходимы... в интересах государственной безопасности, или общественного порядка, или для ограждения прав и свобод других.

Конституционным судом РФ устанавливалась конституционность норм, ограничивающих право на забастовку. Полагаю, что выводы Суда не утратили своей актуальности. В Решении от 23 апреля 1993 г. № 15-Р Конституционный суд, рассматривая вопрос о конституционности правоприменительной практики, складывающейся на основании положений части 1 ст. 2, части 2 ст. 7 и части 1 ст. 12 Закона СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» [9], не согласился с тем, что эта практика нарушала права и законные интересы профсоюзов, являлась дискриминацией трудящихся по признакам принадлежности к профессиональным группам и по отраслевой принадлежности предприятий (железнодорожный транспорт, воздушный, водный и др.). В данном случае речь идет о дифференциации в правовом регулировании, обусловленной учетом потребностей общества и человека. Конституционный суд РФ отметил, что возможность ограничения права на забастовку отдельных категорий работников, в том числе занятых в гражданской авиации, с учетом характера их деятельности и возможных последствий прекращения ими работы прямо вытекает из положений статей 17 и 55 Конституции РФ. В то же время часть 1 ст. 12 Закона СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» устанавливала, что в организациях гражданской авиации прекращение работы как средство разрешения коллективного трудового спора (конфликта) не допускается. Конституционный суд РФ признал, что запрет забастовок для всех работников организаций, относящихся к системе гражданской авиации, лишь на основании их принадлежности к этой отрасли, без учета характера их деятельности, значимости выполняемых работ не соответствует Конституции РФ.

По вопросам ограничения права на забастовку Конституционным судом был вынесен ряд определений. В жалобах заявители оспаривали конституционность положений, не допускающих забастовки или иное прекращение работы, в отношении авиационного персонала гражданской авиации, осуществляющего обслуживание (управление) воздушным движением, а также в отношении работников железнодорожного транспорта общего пользования, деятельность которых связана с движением поездов, маневровой работой, с обслуживанием пассажиров, грузоотправителей и грузополучателей [4, 5].

В этих случаях Конституционный суд признал конституционность запретов на забастовки, поскольку запрет забастовок распространяется не на всех без исключения работников, занятых в соответствующих организациях, а лишь на определенную их категорию с учетом характера деятельности, а также значимости выполняемых ими работ [10]. Кроме того, Конституционный суд особо подчеркнул, что приоритетное значение Трудового кодекса РФ, иные федеральные законы, содержащие нормы трудового права, не должны

противоречить его положениям. Поэтому законодатель, вводя в специальном законе ограничение права на забастовку, связан положениями пункта «б» части 1 ст. 413 Трудового кодекса РФ и вправе предусмотреть запрет на проведение забастовки лишь тогда, когда ее проведение создает угрозу обороне страны и безопасности государства, жизни и здоровью людей.

После внесения изменений в Трудовой кодекс РФ [6] часть 7 ст. 11 закрепляет положение о действии трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права и распространяет на государственных гражданских и муниципальных служащих с особенностями, предусмотренными федеральными законами, иными федеральными нормативными правовыми актами, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Федерации. Указанное положение поставило точку в споре об отраслевой принадлежности служебных отношений государственных и муниципальных гражданских служащих [13: с. 16–18; 21: с. 17–19].

Законодатель запрещает проведение забастовок государственными и муниципальными служащими. Этот запрет следует из содержания подпункта 15 пункта 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [7], согласно которому запрещается прекращать исполнение должностных обязанностей государственным служащим и подпункта 14 пункта 1 ст. 14 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» [8], запрещающего прекращать исполнение должностных обязанностей муниципальным служащим.

Полагаю, в данном случае имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции РФ положения подпункта 15 пункта 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ» и подпункта 14 пункта 1 ст. 14 Федерального закона «О муниципальной службе в РФ». Считаю, что при решении вопросов о законности или незаконности забастовок государственных гражданских и муниципальных служащих, нормы названных федеральных законов должны применяться с учетом положений части 3 ст. 17 и частей 2 и 3 ст. 55 Конституции РФ. Возможность ограничения права на забастовку отдельных категорий государственных и муниципальных служащих, с учетом характера их деятельности и возможных последствий прекращения ими работы, следует из части 3 ст. 17 Конституции РФ, предусматривающей, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, и из части 3 ст. 55, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Предлагаю рассматривать запрет забастовок государственных и муниципальных служащих как соответствующий Конституции РФ в той мере, в какой право на забастовку отдельных категорий служащих может быть ограничено в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности

государства. Запрет же забастовок для всех государственных и муниципальных служащих на основании одной лишь их принадлежности к государственной и муниципальной службе считаю не соответствующим части 4 ст. 37 и частям 2 и 3 ст. 55 Конституции РФ. В целях разрешения возможных коллективных служебных споров с участием отдельных категорий государственных гражданских и муниципальных служащих возможно допустить забастовки в виде частичного прекращения работы с обеспечением необходимого минимума работ (услуг), как это предусмотрено ст. 412 Трудового кодекса РФ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 1831.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 3.
4. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 314-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1383;
5. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 169.
6. Федеральный закон от 30 июня 2006 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 27. – Ст. 2878.
7. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
8. Федеральный закон от 02 марта 2007г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.
9. Закон СССР от 20 мая 1991 № 2179-1 (в редакции от 20 мая 1991 года) «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 23. – Ст. 654.
10. Определение Конституционного суда РФ от 8 февраля 2007 г. № 275-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Линева Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 26 Федерального закона «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. – 2007. – № 12. – С. 59–71.
11. *Анисимов Л.Н.* Забастовка как способ разрешения коллективного трудового спора / Л.Н. Анисимов // Трудовое право. – 2006. – № 6. – С. 54–61.
12. *Герасимова Е.С.* Право на забастовку в российском законодательстве / Е.С. Герасимова // Правозащитник. – 1998. – № 1. – С. 31–35.

13. *Ершова Е.А.* Трудовые правоотношения государственных гражданских и муниципальных служащих в России / Е.А. Ершова. – М.: Статут, 2008. – 668 с.
14. *Киселев И.Я.* Сравнительное трудовое право / И.Я. Киселев. – М.: Велби; Проспект, 2005. – 360 с.
15. *Люттов Н.Л.* Коллективные трудовые споры: сравнительно-правовой анализ / Н.Л. Люттов. – М.: Велби; Проспект, 2007. – 256 с.
16. *Мионов В.К.* Право на забастовку как новый институт трудового права стран Восточной Европы // Вестник Московского университета. – 1998. – № 2. – С. 53–64.
17. *Моисеева Ю.* Право на забастовку / Ю. Моисеева // Российская юстиция. – 1999. – № 9. – С. 19–21.
18. *Смирнов О.В.* Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / О.В. Смирнов, М.О. Буянова, И.А. Костян, В.Г. Малов. – М.: Кнорус, 2008. – 960 с.
19. *Сойфер В.Г.* Конституционное право на забастовку и его реализация / В.Г. Сойфер // Законодательство и экономика. – 2008. – № 8. – С. 35–41.
20. *Сошникова Т.А.* Право на индивидуальные и коллективные трудовые споры / Т.А. Сошникова // Законодательство и экономика. – 2004. – № 8. – С. 57–63.
21. *Чиканова Л.А.* Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе: теория и практика: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.05 / Л.А. Чиканова. – М., 2005. – 45 с.

Glukhov A.V.

The Right of Employees to Go on Strikes in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

In this article the most important decisions of the RF Constitutional Court on the question of employees' realization of their constitutional right to strike are analyzed. The necessity of making changes to some federal laws which fix the ban to strikes for government and local government employees is proved.

Key-words: the Constitution of the Russian Federation; Labour Code of the Russian Federation; limitation of the right to strike; particular categories of employees; government employees; local government employees.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrya 1993g.) // Rosijskaya gazeta. – 1993. – 25 dekabrya.
2. Mezhdunarodny'j pakt ob e'konomicheskix, social'ny'x i kul'turny'x pravax (N'yu-Jork, 19 dekabrya 1966 g.) // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. – 1976. – № 17. – St. 1831.
3. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2001 g. № 197-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. – 2002. – № 1. – St. 3.
4. Vozdushny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 19 marta 1997 g. № 314-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. – 1997. – № 12. – St. 1383;
5. Federal'ny'j zakon ot 10 yanvarya 2003 g. № 17-FZ «O zheleznodorozhnom transporte v Rossijskoj Federacii» // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. – 2003. – № 2. – St. 169.

6. Federal'nyj zakon ot 30 iyunya 2006 № 90-FZ «O vnesenii izmenenij v Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii, priznanii ne dejstvuyushhimi na territorii Rossijskoj Federacii nekotoryx normativnyx pravovyx aktov SSSR i utrativshimi silu nekotoryx zakonodatel'nyx aktov (polozhenij zakonodatel'nyx aktov) Rossijskoj Federacii» // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 2006. – № 27. – St. 2878.
7. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2004 g. № 79-FZ «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii» // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 2004. – № 31. – St. 3215.
8. Federal'nyj zakon ot 02 marta 2007 g. № 25-FZ «O municipal'noj sluzhbe v Rossijskoj Federacii» // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 2007. – № 10. – St. 1152.
9. Zakon SSSR ot 20 maya 1991 № 2179-1 (v redakcii ot 20 maya 1991 goda) «O poryadke razresheniya kollektivnyx trudovyx sporov (konfliktov)» // *Vedomosti SND i VS SSSR.* – 1991. – № 23. – St. 654.
10. Opredelenie Konstitucionnogo suda RF ot 8 fevralya 2007 g. № 275-O-P «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby' grazhdanina Lineva Sergeya Yur'evicha na narushenie ego konstitucionnyx prav punktom 2 stat'i 26 Federal'nogo zakona «O zheleznodorozhnom transporte v Rossijskoj Federacii» // *Konstitucionnoe pravosudie v stranax SNG i Baltii.* – 2007. – № 12. – S. 59–71.
11. *Anisimov L.N. Zabastovka kak sposob razresheniya kollektivnogo trudovogo spora / L.N. Anisimov // Trudovoe pravo.* – 2006. – № 6. – S. 54–61.
12. *Gerasimova E.S. Pravo na zabastovku v rossijskom zakonodatel'stve / E.S. Gerasimova // Pravozaashhitnik.* – 1998. – № 1. – S. 31–35.
13. *Ershova E.A. Trudovy'e pravootnosheniya gosudarstvennyx grazhdanskix i municipal'nyx sluzhashhix v Rossii / E.A. Ershova.* – M.: Statut, 2008. – 668 s.
14. *Kiselev I.Ya. Sravnitel'noe trudovoe pravo / I.Ya. Kiselev.* – M.: Velbi; Prospekt, 2005. – 360 s.
15. *Ljutov N.L. Kollektivny'e trudovy'e spory: sravnitel'no-pravovoj analiz / N.L. Lyutov.* – M.: Velbi; Prospekt, 2007. – 256 s.
16. *Mironov V.K. Pravo na zabastovku kak novyj institut trudovogo prava stran Vostochnoj Evropy' // Vestnik Moskovskogo universiteta.* – 1998. – № 2. – S. 53–64.
17. *Moiseeva Yu. Pravo na zabastovku / Yu. Moiseeva // Rossijskaya yusticiya.* – 1999. – № 9. – S. 19–21.
18. *Smirnov O.V. Kommentarij k Trudovomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / O.V. Smirnov, M.O. Buyanova, I.A. Kostyan, V.G. Malov.* – M.: Knorus, 2008. – 960 s.
19. *Sojfer V.G. Konstitucionnoe pravo na zabastovku i ego realizaciya / V.G. Sojfer // Zakonodatel'stvo i e'konomika.* – 2008. – № 8. – S. 35–41.
20. *Soshnikova T.A. Pravo na individual'ny'e i kollektivny'e trudovy'e spory' / T.A. Soshnikova // Zakonodatel'stvo i e'konomika.* – 2004. – № 8. – S. 57–63.
21. *Chikanova L.A. Primenenie trudovogo zakonodatel'stva k sluzhebny'm otnosheniyam na gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe: teoriya i praktika: Avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk: 12.00.05 / L.A. Chikanova.* – M., 2005. – 45 s.

А.А. Крикунова

Защита социальных прав человека Европейским судом по правам человека

Статья посвящена анализу практики Европейского суда по правам человека в области защиты социальных прав человека. Автор акцентирует внимание на правовых позициях Европейского суда по правам человека в области защиты социальных прав, отмечает, что Европейский суд по правам человека ограничен в возможностях защиты социальных прав человека, делает вывод о связи гражданских и социальных прав человека и необходимости повышения уровня защиты социальных прав.

Ключевые слова: социальные права человека; право на жилище; право на социальное обеспечение; право на благоприятную окружающую среду; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; правовые позиции Европейского суда по правам человека.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Европейская социальная хартия 1961 г. (пересмотренная в 1996 г.) выступают неотъемлемыми частями защиты всей системы прав человека в рамках Совета Европы. Эти два важнейших документа призваны обеспечить большинство прав человека, провозглашенных во Всеобщей Декларации прав человека ООН 1948 года. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Европейская социальная хартия 1961 года (пересмотренная в 1996 году) — это своего рода региональные эквиваленты Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года.

К социальным правам человека относятся: право на достаточный уровень жизни; право на жилище; право на защиту семьи, материнства и детства; право на социальное обеспечение; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; право на отдых; право на благоприятную окружающую среду.

Несмотря на то, что Совет Европы признает неделимость и взаимосвязь всех прав человека, до сих пор не существует механизма защиты социальных прав аналогичного Европейскому суду по правам человека.

Согласно Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Европейский суд по правам человека рассматривает жалобы на нарушения только тех прав, которые зафиксированы в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

С самого начала своей деятельности Европейский суд по правам человека отказывается принимать жалобы на нарушения социальных прав. Вместе с тем, следует отметить, что в Рекомендации 1954 (1998) «Будущее Европейской социальной хартии» Парламентская Ассамблея Совета Европы попросила рассмотреть возможность усиления юридического обеспечения социальных прав путем расширения юрисдикции Европейского суда по правам человека. При этом предполагается разработать дополнительный протокол к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, с тем, чтобы гарантировать некоторые социальные права — право на жилище, право на базовую социальную и медицинскую помощь, право на регулярное и своевременное получение пенсий и социальных пособий, право на отдых, право работающих женщин на защиту в связи с беременностью и материнством. При этом Парламентская Ассамблея считает, что необходимо постепенное движение в данном направлении, и юридическая защита всех этих прав должна рассматриваться как долговременная цель (п. 16).

Европейский суд по правам человека все же сталкивается с жалобами, которые касаются реализации таких социальных прав, как права на жилище, права на охрану здоровья и медицинскую помощь, права на благоприятную окружающую среду, при рассмотрении некоторых дел по ст. 2, 3, 8, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ст. 1 протокола № 1 к Конвенции от 20 марта 1952 года.

Так, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. содержит статью 8 (право на уважение частной и семейной жизни), предусматривающую и право на уважение жилища. Однако статья 8 Конвенции не гарантирует право на жилище. Подобная правовая позиция была сформулирована в деле «Велоза Баррето против Португалии» от 21 ноября 1995 года (п. 24)¹.

В решении по делам «Костер против Великобритании» от 18 января 2001 года (п.113)², «Бизд против Великобритании» от 18 января 2001 года (п.110)³, «Чэп-

¹ Eur. Court H.R. Velosa Barreto v. Portugal, Judgment of 21 November 1995 // ECHR Portal View [сайт] URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?action=html&documentId=695844&portal=hbkm&source=externalbydocnumber&table=F69A27FD8FB86142BF01C1166DEA398649> (Дата обращения: 01.11.2009 г.).

² Eur. Court H.R. Coster v. the United Kingdom, Judgment of 18 January 2001 // ECHR Portal View [сайт] URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=3&portal=hbkm&action=html&highlight=&sessionId=38920848&skin=hudoc-en> (Дата обращения: 01.11.2009 г.).

³ Eur. Court H.R. Beard v. the United Kingdom, Judgment of 18 January 2001 // ECHR Portal View [сайт] URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?action=html&documentId=697032&portal=hbkm&source=externalbydocnumber&table=F69A27FD8FB86142BF01C1166DEA398649> (Дата обращения: 01.11.2009 г.).

мен против Великобритании» от 18 января 2001 года (п. 99)¹ Европейский суд по правам человека особо подчеркнул: «Важно напомнить, что статья 8 Конвенции не содержит формулировки права на обеспечение жилищем. Прецедентное право Европейского суда тоже не признает такого права. Хотя, несомненно, желательно, чтобы каждый имел место, где он мог бы проживать с достоинством и которое он мог бы назвать домом. К сожалению, в договаривающихся государствах многие не имеют жилища. Вопрос о том, выделяет ли государство фонды для обеспечения каждого жильем, является вопросом политического, а не судебного решения».

Вместе с тем, в особом мнении судей Пастора Ридройхо, Дж. Бонелло, Ф. Тюлькенза, В. Стражнецкой, П. Лоренсена, М. Фишбаха и Ж. Кассадевала отмечается, что в прецедентном праве Европейского суда нет ничего о том, что право на обеспечение жильем полностью находится вне сферы применения статьи 8 Конвенции. Европейский суд по правам человека признал, что могут существовать обстоятельства, когда отказ властей предпринять меры, разрешающие жилищные проблемы, может поднять вопрос в плане соблюдения статьи 8 Конвенции².

При этом Европейский суд по правам человека считает, что обязательства государства возникают тогда, когда существует прямая и непосредственная связь между мерами, обжалуемыми заявителем, и его частной жизнью. Данная правовая позиция была сформулирована Европейским судом по правам человека в Постановлении по делу «Ботта против Италии» от 24 февраля 1998 г. [2: п. 34].

Так, в деле «Мардзари против Италии» от 4 мая 1999 года³, Европейский суд по правам человека признал, что отказ властей оказать помощь в обеспечении соответствующим жилищем лица, страдающего тяжелой болезнью, ставит вопрос о влиянии такого отказа на уважение частной жизни лица.

В деле «Велоza Баррето против Португалии» от 21 ноября 1995 года⁴ заявитель, живший со своей семьей вместе с родителями жены, получил по наследству от своих родителей дом. Данный дом был сдан в аренду и заявитель начал процедуру расторжения договора найма на том основании, что дом необходим ему самому для проживания.

Европейский суд по правам человека, рассмотрев обстоятельства дела, не установил нарушения статьи 8 Конвенции, так как дом родителей жены, где жил заявитель со своей семьей был достаточно большим для обеспечения права на уважение частной и семейной жизни заявителя и его несовершеннолетнего

¹ Eur. Court H.R. Chapman v. the United Kingdom, Judgment of 18 January 2001 // ECHR Portal View [сайт] URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbk&action=html&highlight=&sessionid=38920848&skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.11.2009).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Eur. Court H.R. Velosa Barreto v. Portugal, Judgment of 21 November 1995 // ECHR Portal View [сайт] URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?action=html&documentId=695844&portal=hbk&source=externalbydocnumber&table=F69A27FD8FB86142BF01C1166DEA398649> (Дата обращения: 01.11.2009 г.).

ребенка. При этом, принимая данное решение, Европейский суд по правам человека особое внимание уделил анализу португальского законодательства, в соответствии с которым расторжение договора найма возможно только, если дом необходим собственнику для проживания. По мнению Европейского суда, данное положение преследует легитимную цель социальной защиты нанимателей, что способствует экономическому благосостоянию страны и защите прав других лиц. Применяя это положение законодательства, португальские суды не действовали произвольно или необоснованно и не нарушали свое обязательство обеспечить справедливый баланс между конкурирующими интересами.

В деле «Чэпмен против Великобритании» от 18 января 2001 года¹ заявительница (цыганка) обжаловала отказ местных властей поставить свой трейлер на земельном участке, который она приобрела для этих целей. Однако, ей было отказано в разрешении на землеустройство, и от нее потребовали покинуть земельный участок, поскольку данный участок находился в зоне «зеленого пояса». Согласно законодательству Великобритании основная цель зон «зеленого пояса» состоит в предотвращении разрастания городов путем поддержания земли постоянно свободной. Изменение статуса этих зон не допускается, за исключением случаев, когда имеются особые обстоятельства.

Европейский суд по правам человека напомнил, что если строение воздвигается без разрешения на землеустройство, которое необходимо согласно национальному законодательству, возникает конфликт интересов между правом лица согласно статье 8 Конвенции на неприкосновенность его жилища и правами других лиц на безопасную экологическую среду. Заявительница переехала на свою землю в своих фургонах, предварительно не получив разрешения на землеустройство, которое, как она знала, было необходимо для законного занятия земли.

Рассматривая данное дело, Европейский суд указал, что заявительница не представила доказательств, что ей не был доступен иной участок, кроме того, который она продолжала занимать, не имея разрешения на землеустройство в зоне «зеленого пояса». Как было отмечено в деле «Бакли против Соединенного Королевства» от 25 сентября 1996 года [3: п. 81], статья 8 Конвенции необязательно устанавливает то, что интересы лиц, касающиеся места их проживания, преобладают над интересами общественными. Если проблемы заявителя возникли ввиду нехватки денежных средств, тогда она находится в таком же невыгодном положении, как и многие другие, которые не могут себе позволить продолжать проживать в местах или домах, где бы им это хотелось. На этом основании Европейский суд по правам человека признал действия властей оправданными.

Статья 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод была так же задействована в различных делах, затрагивающих вопросы права на благоприятную окружающую среду. Вместе с тем, нарушения положений

¹ Eur. Court H.R. Chapman v. the United Kingdom, Judgment of 18 January 2001 // ECHR Portal View [сайт] URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbk&action=html&highlight=&sessionId=38920848&skin=hudoc-en> (дата обращения: 01.11.2009).

этой статьи имеет место не каждый раз, когда происходит ухудшение состояния окружающей среды, так как это право как таковое не входит в число прав и свобод, гарантируемых Конвенцией¹. Таким образом, чтобы мог быть поднят вопрос о нарушении статьи 8, должно иметь место вмешательство, напрямую затрагивающее жилище заявителя, в его семейную или личную жизнь. Европейский суд так же подчеркивает, что неблагоприятные последствия загрязнения окружающей среды должны достигнуть определенного минимального уровня, чтобы они могли рассматриваться в свете статьи 8². Оценка этого минимума относительна и зависит от всех обстоятельств дела, таких как интенсивность и продолжительность неблагоприятного воздействия, его влияние на физическое и психическое здоровье. Общий экологический контекст также должен быть принят во внимание. Нельзя говорить об обоснованном требовании в соответствии со статьей 8, если неблагоприятное воздействие, о котором говорится в жалобе, незначительно в сравнении с экологическими угрозами, неминуемыми при проживании в любом современном городе. Таким образом, для того, чтобы они могли быть рассмотрены в свете нарушения статьи 8, жалобы, связанные с неблагоприятным воздействием окружающей среды, должны показать, во-первых, имело ли место действительное вмешательство в частную сферу заявителя и, во-вторых, был ли достигнут определенный уровень опасности³.

Так, в деле «Фадеева против Российской Федерации» от 30 ноября 2005 года⁴ заявительница проживала в городе Череповце в санитарной зоне вокруг завода «Северсталь», находящегося в частной собственности. Российские власти признали, что вредные выбросы завода в несколько раз превышают установленные российским законодательством нормы. Европейский суд по правам человека отметил, что Российская Федерация не вмешивалась напрямую в личную жизнь или жилище заявительницы. В то же время, Суд напомнил, что ответственность государства в экологических делах может вытекать из бездействия по регулированию частного сектора промышленности. Европейский суд пришел к выводу, что государство должно было оценить опасность загрязнения и принять адекватные меры к тому, чтобы предотвратить или сократить их. При этом Суд принял

¹ Eur. Court H.R. *Kyrtatos v. Greece*, Judgment of 22 May 2003 // ECHR Portal View [сайт] URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=KYRTATOS%20%7C%20GREECE&sessionid=38935113&skin=hudoc-en> (Дата обращения: 04.11.2009 г.).

² Eur. Court H.R. *Hatton and Others v. The United Kingdom*, Judgment of 8 July 2003 // ECHR Portal View [сайт] URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=2&portal=hbkm&action=html&highlight=HATTON%20%7C%20%22THE%20UNITED%20KINGDOM%22&sessionid=38934951&skin=hudoc-en> (дата обращения: 04.11.2009); Eur. Court H.R. *Lopez Ostra v. Spain*, Judgment of 9 December 1994 // ECHR Portal View [сайт] URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=LOPEZ%20%7C%20SPAIN&sessionid=38935252&skin=hudoc-en> (Дата обращения: 04.11.2009 г.).

³ Eur. Court H.R. *Fadeyeva v. Russian Federation*, Judgment of 9 June 2005 // ECHR Portal View [сайт] URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=FADEYEVA%20%7C%20RUSSIA&sessionid=38934747&skin=hudoc-en> (Дата обращения: 04.11.2009 г.).

⁴ Там же.

во внимание то обстоятельство, что нарушение было обусловлено неисполнением властями национального правового режима.

Европейский суд по правам человека признал нарушение статьи 8 Конвенции, так как государство, обладая широкой свободой усмотрения, не обеспечило справедливый баланс между интересами сообщества и эффективной реализацией заявительницей ее права на уважение жилища и личной жизни.

Некоторые вопросы, связанные с социальным обеспечением, Европейский суд рассматривал в контексте статьи 1 протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Европейский суд по правам человека указал, что уплата взносов в пенсионный фонд может при определенных обстоятельствах порождать право собственности, и способ распределения средств данного фонда оказывает воздействие на данное право. При этом права, возникающие в связи с уплатой взносов в рамках социального страхования, носят имущественный характер применительно к целям статьи 1 протокола № 1 Конвенции [4: п. 39–44]. Вместе с тем, положения данной статьи не могут быть истолкованы как предоставляющие право на определенную сумму пенсии или на определенный вид пенсионного обеспечения в рамках социального страхования. Статья 1 протокола № 1 не гарантирует также право на получение пенсии или пособия, если подобные выплаты не предусмотрены в национальном законодательстве государства-участника [1: с. 478].

Европейский суд в своей практике проводит различие между пенсионными системами и системами социального страхования, основанными на уплате взносов и формировании индивидуального пая конкретного лица в рамках определенного фонда, и теми системами, которые основаны на принципе солидарности и предполагают ответственность всего общества за обеспечение минимальной финансовой базы для престарелых¹. В рамках этих систем конкретное лицо не может претендовать на поддающийся идентификации пай, однако может рассчитывать на получение пенсии или пособия. Указанные пособия или пенсии основаны на принципе коллективного обеспечения и финансируются за счет взносов, не подлежащих индивидуализации. В рамках систем, относящихся к первой разновидности, возникает право собственности на индивидуальный пай и требование о предоставлении пенсии или пособия подпадает под понятие «имущество» в смысле статьи 1 протокола № 1.

Таким образом, на сегодняшний день Европейский суд по правам человека осуществляет защиту социальных прав лишь косвенным образом. Европейский суд по правам человека в своих решениях не говорит о нарушениях социальных прав, а констатирует факт нарушения прав первого поколения. Нарушения социальных прав (например, право на жилище, право на охрану здоровья) рассматривается Европейским судом по правам человека как об-

¹ Eur. Court H.R. *Deumeland v. Federal Republic of Germany*, Judgment of 29 May 1986 // Информационная система по документам Европейского Суда по правам человека [сайт] URL: <http://www.echr-base.ru/deumeland.jsp> (Дата обращения: 07.11.2009 г.).

стоятельство, повлекшее нарушения прав, гарантируемых Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

Практика Европейского суда по правам человека свидетельствует о взаимосвязи социальных прав с гражданскими и говорит о необходимости повышения уровня защиты социальных прав.

Литература:

1. Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации: Избранные права. – М.: Институт права и публичной политики, 2002. – 606 с.
2. Eur. Court H.R. Botta v. Italy, Judgment of 24 February 1998. Reports. 1998-I.
3. Eur. Court H.R. Buckley v. the United Kingdom, Judgment of 25 September 1996. Reports. 1996-IV.
4. Eur. Court H.R. Gaygusuz v. Austria, Judgment of 16 September 1996. Reports. 1996-IV.

Krikunova A.A.

The Protection of Human Social Rights by the European Court of Human Rights

The article is devoted to the analysis of the European court of human rights practice in the sphere of the protection of social human rights. The author focuses on law positions of the European Court of human rights in the sphere of social rights protection, points out the fact that the European court of human rights is limited in its possibilities in social human rights protection, draws the conclusion that about the link between civil and social human rights and the need to increase the level of social rights protection.

Key-words: social human rights; the right to housing; right to social security; right to favorable environment; the right to health protection and medical aid; law positions of the European court of human rights.

References:

1. Standarty' Soveta Evropy' v oblasti prav cheloveka primenitel'no k polozheniyam Konstitucii Rossijskoj Federacii: Izbranny'e prava. – М.: Institut prava i publichnoj politiki, 2002. – 606 с.
2. Eur. Court H.R. Botta v. Italy, Judgment of 24 February 1998. Reports. 1998-I.
3. Eur. Court H.R. Buckley v. the United Kingdom, Judgment of 25 September 1996. Reports. 1996-IV.
4. Eur. Court H.R. Gaygusuz v. Austria, Judgment of 16 September 1996. Reports. 1996-IV.

Ю.В. Куракина

Права человека и права гражданина: теоретические вопросы взаимодействия

В статье обосновывается подход, позволяющий рассматривать термины «права человека» и «права гражданина» с точки зрения единства их основных положений.

Данные категории основаны на общих моральных принципах, имеют единую правовую основу, являются составными частями правового статуса личности. По своей сути, как юридические явления, права человека и права гражданина обладают свойством экстерриториальности. Они содержат достаточно общих характеристик, способствующих их сближению.

Ключевые слова: права человека; права гражданина; соотношение понятий; теоретические критерии; правовой статус личности; реализация права; экстерриториальность.

Употребление в национальном законодательстве различных государств терминов «права человека» и «права гражданина» заставляет теоретиков права спорить о целесообразности разграничения прав личности на два, казалось бы, тождественных понятия. В научных работах, посвященных правовому статусу личности, так или иначе затрагиваются аспекты соотношения данных понятий. Думается, что внимательное сопоставление категорий права человека и права гражданина, выяснение взаимосвязей между ними, позволит более глубоко познать эти явления.

Теоретические вопросы взаимодействия понятий логично представить в следующем виде:

- *Что общего между понятиями «права человека» и «права гражданина»?*
- *Имеет ли практическое значение разграничение данных понятий?*
- *В чем их отличие?*
- *Как они взаимодействуют?*
- *Встречаются ли противоречия между этими понятиями?*

Таким образом, для того чтобы иметь полное представление о соотношении понятий «права человека» и «права гражданина», необходимо дать характеристику по четырем компонентам сравнения: единство, различие, взаимодействие и противоречие. Несомненно, сопоставление понятий по представленным выше критериям является темой для отдельного научного исследования, тем не менее, представляется важным остановиться на первых двух вопросах.

1. Единство данных понятий состоит в общности исходных положений, так как и права человека, и права гражданина опираются на одни и те же моральные устои.

Право на частную жизнь, неприкосновенность жилища, тайна переписки демонстрируют нравственные императивы вежливости, чуткости и тактичности. В свободе от пыток и бесчеловечного обращения заложены нравственно-гуманистические ценности сострадательности и человечности. В праве на равную защиту законом и справедливое правосудие присутствуют нравственные понятия равенства, доверия, помощи и поддержки, самообладания. Свобода мысли, совести, вероисповедания, убеждений основывается на мудрости, рассудительности, терпимости; свобода мирных собраний и ассоциаций — на коммуникабельности, стойкости и смелости. Право на управление своей страной зиждется на нравственных качествах ответственности, инициативности, оптимизма и соучастия. Право на социальное обеспечение возникло как продолжение моральных постулатов взаимопомощи, товарищества, великодушия, милосердия и справедливости [6: с. 27]. Право на образование включает в себя такие ценности, как благородство и интеллигентность.

Таким образом, права человека и права гражданина имеют единую нравственную основу.

2. Основными принципами формирования, развития и функционирования институтов прав человека и прав гражданина являются свобода и ответственность.

Социальная свобода, например, выражается в участии граждан в референдуме и свободных выборах (ст. 3 Конституции РФ). Свобода личности проявляется и в том, что «гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его» (ст. 6; ч. 3 ст. 27). Если иметь в виду свободу в самом широком смысле, то она в нынешнем обществе проявляется: в сфере экономической — свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономического пространства (ч. 1 ст. 8); в области политической — признание политического многообразия, многопартийности (ч. 3 ст. 13); в сфере социальной — свобода труда, поддержка материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан и иные гарантии социальной защиты. В общем и целом в этой сфере обеспечиваются достойная жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7); в области нравственно-психологической — признание идеологического многообразия. Социальная свобода и ответственность создаются не нормами права, а характером общественного строя. Нормы лишь закрепляют и охраняют их. Конституционные права означают возможность, а конституционные обязанности — необходимость для граждан активной социальной деятельности.

Ответственность, как и свобода, — одно из качеств активной, сознательной, целенаправленной деятельности субъекта общественных отношений. Если свобода означает избирательную активность личности, то ответствен-

ность есть мера и направление этой активности. Свобода и ответственность нерасторжимы, как две стороны социально-исторической необходимости. Ответственность предполагает свободу; свобода же, чтобы не превратиться в свою противоположность — в произвол, невозможна без ответственности; чем полнее свобода, тем больше ответственность.

Ответственность выступает как средство контроля социального объединения (общества, государства, класса, нации и пр.) за деятельностью его членов, как реакция (негативная или позитивная) на их поступки [5: с. 40-41].

Свобода и ответственность — незыблемое основание всех институтов, образующих основу правового положения личности.

3. Права человека и права гражданина являются составными частями правового статуса личности.

Н.И. Матузов, определяя понятие правовой статус личности, говорит о положении личности, человека и гражданина, т. е. о совокупности прав, свобод, обязанностей и законных интересов личности, признаваемых и гарантируемых государством [9: с. 263]. Н.И. Матузов настаивает на точке зрения, что в настоящее время указанное деление все более утрачивает свой смысл, поскольку прирожденные права человека давно признаны всеми развитыми демократическими государствами и, таким образом, выступают одновременно и в качестве прав гражданина.

«Во всяком случае, внутри государства разграничение прав на «два сорта» лишено практического значения. Тем более, что даже апатриды, проживающие на территории той или иной страны, находятся под юрисдикцией ее законов и международного права» [9: с. 294].

Л.И. Глухарева, рассматривая вопросы, касающиеся системности прав человека, отмечает тот факт, что из дихотомии «общество – государство» появилось деление прав личности на права человека, т.е. права члена социума или индивидуального лица, и права гражданина как существа общественного и деятеля государства [7: с. 41].

Такой подход к трактовке понятий мы находим и у Л.Д. Воеводина. В книге «Юридический статус личности в России» он пишет, что термин «личность» носит универсальный характер... выражает самую суть двух терминов — «человек» и «гражданин» [5: с. 7]. Поэтому термин «права личности» рассматривается им как понятие, объединяющее права человека и права гражданина.

Личность выражает персонализацию общественных связей человека, их обусловленность. Обратим внимание на тот факт, что в правовом общении участвуют физические и юридические лица — субъекты права, обладающие по закону юридическими правами и, как правило, несущие определенную меру ответственности за поведение. Понятия «субъект» и «личность» совпадают, если конституция и закон наделяют данного человека, легально находящегося на российской территории, правосубъектностью и подпадающего под политико-юридическое верховенство России. Именно такое положение установлено действующим

щей российской Конституцией. «Иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации» (ч. 3 ст. 62 Конституции РФ).

Согласно Конституции и закону, субъектом права — носителем прав, свобод и обязанностей — признается каждый человек, легально находящийся на территории Российской Федерации. Такая трактовка и обуславливает понятие прав человека. Термин «гражданин» в отличие от понятия «человек» характеризуется более основательными политико-юридическими связями лица и государства. Они вытекают из государственно-правовой принадлежности россиян к народу, которому в государстве принадлежит суверенитет (верховенство). Но, тем не менее, любой гражданин — это, прежде всего, человек, а всякий человек независимо от каких-либо субъективных и объективных обстоятельств (состояние здоровья, характер политико-правовых связей с государством) признается личностью, т.е. субъектом права — носителем прав, свобод и обязанностей.

Термины «человек», «личность», «гражданин» совпадают, а их юридическим обозначением является «субъект права» [5: с. 55].

4. Права человека, так же как и права гражданина, имеют позитивные формы фиксации, располагают гарантийными механизмами, в том числе и механизмами юридической защиты, следовательно, это, по своей сути, равные юридические явления.

Имплементируя права человека в Конституцию и законодательство, государство конкретизирует их применительно к условиям данной страны, распространяет их юридическое действие в отношении всех лиц (граждан, иностранцев, апатридов), находящихся на его территории. Подобная имплементация свидетельствует о том, что данное государство руководствуется требованиями, закрепленными в международных актах о правах человека, стремится их осуществить [8: с. 32]. В этом смысле права человека и права гражданина, представленные в Конституции, очень близки.

Так же необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что, с юридической точки зрения, термин «человек» несет в Конституции двоякую нагрузку. Во-первых, он приводит в соответствие Основной закон с текстом международных документов¹; во-вторых, обеспечивает признание за каждым находящимся на территории России лицом, независимо от его политико-правовой принадлежности, декларируемые международным сообществом права и свободы человека. Однако в государстве эти права и свободы являются вместе с тем и в первую очередь правами и свободами гражданина [5: с. 30].

Права человека и права гражданина зафиксированы в документах международного и национального значения, а, следовательно, имеют правовую основу.

¹ См: основополагающие международные документы — Всеобщая декларация прав и свобод человека 1948 г., а также международные пакты о правах и свободах человека, принятые ООН в 1966 г.

5. Не существует абсолютных неотчуждаемых прав, все права подлежат ограничению и права человека, и права гражданина.

Такой подход к трактовке понятия неотчуждаемости и абсолютного характера прав человека мы находим в работах Н.И. Матузова и Л.И. Глухаревой.

Поскольку права человека имеют внутреннюю связь с общим благом, их реализация не может осуществляться в деструктивных целях. Поэтому все права подлежат ограничению, если не в обладании ими, то по крайней мере, в реализации. Обладание правом и реализацию права нужно разграничивать. Реализация права подчиняется в каждом отдельном случае условиям и ограничениям, диктуемым справедливостью, а также находится под действием общего принципа запрета злоупотреблять правом (ст.30 Всеобщей декларации прав человека; п. 1 ст.5 Международных пактов; ст. 17 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; ст. 54 Хартии Европейского Союза об основных правах, ст. 29 Американской конвенции о правах человека; п. 3 ст. 17 Российской Конституции; ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации и др) [6: с. 18].

Во второй главе Конституции РФ прямо предусматриваются ограничения прав и свобод человека и гражданина, несмотря на заявленное в п. 2 ст. 17 положение о том, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Например, право на жизнь — и предусмотренная законом смертная казнь; право на свободу и личную безопасность — и арест, заключение под стражу; право на неприкосновенность жилища — и проникновение в жилище. Право на труд ограничивается нормами трудового законодательства, предусматривающего возможность увольнения работника по инициативе работодателя (ст. 71, 81 ТК РФ); право на воспитание детей — нормами семейного законодательства, содержащего исчерпывающий перечень оснований для лишения родителей родительских прав (ст. 69 СК РФ) и ограничения родительских прав (ст. 73 СК РФ).

Следует сразу оговориться, понятие реализация права в теоретической науке употребляется в связи с правомерным поведением, то есть реализовываться права могут в виде соблюдения, исполнения, использования и применения правовых предписаний. В случае же с такими видами ограничений, как лишение свободы, смертная казнь, а также в случае лишения родительских прав, пресечению подлежит противоправное поведение, следовательно, и ограничивается не реализация права, а противоправное поведение.

Говоря о следственных действиях, производимых в уголовном процессе, в момент предварительного следствия необходимо помнить, что ограничивается реализация прав и свобод человеком, чья виновность только подлежит доказыванию. Речь идет об ограничении права на личную неприкосновенность при проведении освидетельствования и личного обыска (ст. 179, 184 УПК РФ), права на тайну частной жизни при контроле и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), права на неприкосновенность жилища при производстве обыска (ст. 182 УПК РФ). Те же положения относятся и к мерам процессуаль-

ного принуждения — задержанию и мерам пресечения (раздел IV УПК РФ). Итак, человек, чьи права и свободы ограничиваются, находится еще в зоне действия правомерного поведения, следовательно, ограничивается именно реализация им своих прав.

Тем не менее, в законодательстве существуют варианты ограничения реализации прав граждан в период правомерного поведения, не обремененного подозрениями в совершении преступления. Например, в п. 1 ст. 56 Конституции РФ содержится положение, которое предусматривает отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия в условиях чрезвычайного положения. В Трудовом кодексе РФ предусматривается возможность увольнения работника по инициативе работодателя (ст. 71 «Результат испытания при приеме на работу», ст. 81 п. 1 «ликвидация организации либо прекращение деятельности работодателем — физическим лицом», п. 2 «сокращение численности штата работников организации»). В Семейном кодексе содержится норма об ограничении права на предъявление мужем требования о расторжении брака. Согласно ст. 17 СК РФ, муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка.

Ограничения реализации прав граждан мы также находим и в законодательстве других стран. В частности, проводимая в Китае и государствах Юго-Восточной Азии с середины прошлого века политика по ограничению деторождения, нашла свое закрепление в Законе КНР «О народонаселении и плановой рождаемости», который был введен в действие с 1 сентября 2002 года. Статья 18 этого закона предусматривает, что осуществляемая государством политика о плановой рождаемости поощряет граждан к позднему браку и позднему рождению ребенка, выступает за рождение одной супружеской парой одного ребенка, вместе с тем, в условиях, отвечающих правовым актам, можно ходатайствовать о рождении второго ребенка. Санкцией за нарушение законодательства о народонаселении и плановой рождаемости граждан выступает «уплата социальных расходов на содержание» (ст. 41) [10: с. 6].

Ст. 34 Закона КНР «О браке» от 28 апреля 2001 года, ограничивающая право мужчин на расторжение брака в период беременности жены, дополнена положением об ограничении права мужчины на развод на 6 месяцев в случае прерванной беременности жены.

Таким образом, положение о неотчуждаемости основных прав человека не является абсолютным, ибо во многих случаях оказывается на практике юридически некорректным [9: с. 295].

6. Права человека и права гражданина обладают свойством экстерриториальности.

Права человека существуют независимо от их государственного признания и закрепления, следовательно, они не «привязаны» к территории какого-либо государства, а человек является их обладателем объективно. Права гражданина являются показателем политико-правовой связи личности и го-

сударства, тем не менее, гражданин, выезжая за пределы государства не лишается всего набора прав, которыми он обладал непосредственно на территории своего государства. Более того, находясь на территории другого государства, человек, в известной мере, может реализовывать свои права гражданина. В частности, он не утрачивает права избирать, вступать в брак, реализовывать свои права в трудовых правоотношениях. Со своей стороны Конституция РФ в п. 2 ст. 61 содержит положение о том, что Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами (п. 2 ст. 61).

Возможность полноценной реализации своих прав человеком существует, по понятным причинам, только на территории того государства, гражданином которого он является. Права человека также не везде реально носят универсальный характер. Существует множество условностей, носящих в том числе и национальный характер, которые влияют на процесс реализации человеком своих прав как на территории своего государства, так и в общепланетарном масштабе. Тем не менее, как юридические явления и права человека, и права гражданина не ограничены территориальными рамками.

Таким образом, руководствуясь положениями, приведенными выше, можно сказать, что права человека и права гражданина явления многогранные, содержат достаточно общих характеристик, влияющих на их сближение. Поэтому в качестве вывода можно привести высказывание И.Е. Фарбера о том, что «между правами человека, гражданина и лица нет абсолютной грани» [11: с. 42].

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. С изменениями и дополнениями на 30.12.2008 года. – М.: Эксмо, 2010. – 32 с.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995. С изменениями и дополнениями на 10.03.2010 года. – М.: Эксмо, 2010. – 112 с.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001. С изменениями и дополнениями на 10.04.2010 года. – М.: Эксмо, 2010. – 320 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001. С изменениями и дополнениями на 01.03.2010 года. – М.: Эксмо, 2010. – 320 с.
5. *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России: учебное пособие / Л.Д. Воеводин. – М.: МГУ; Инфра-М; Норма, 1997. – 304 с.
6. *Глухарева Л.И.* Права человека. Гуманитарный курс: учебное пособие / Л.И. Глухарева. – М.: Логос, 2002. – 176 с.
7. *Глухарева Л.И.* Права человека в современном мире / Л.И. Глухарева. – М.: Юристъ, 2003. – 304 с.
8. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ф.М. Рудинского. – М.: МИР, 2006. – 478 с.
9. *Косарева И.А.* Некоторые положения современного права Китая: монография / И.А. Косарева. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2006. – 92 с.
10. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2006. – 768 с.

11. Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве / И.Е. Фарбер. – Саратов: СГУ, 1974. – 187 с.

Kurakina U.V.

The Human Rights and the Rights of a Citizen. The Theoretical Matters of their Interaction

The usage of terms “the human rights” and “the rights of a citizen” in national legislation of diverse states makes theoreticians argue about the use of differentiation between them, as they may seem to be identical.

The approach which lets consider the given terms from the point of the unity of their main statements is given in the article.

The human rights and the rights of a citizen are based on common moral basis, have the same law base, they are components of the legal status of a person. Actually, being law phenomena, the human rights possess the extraterritoriality character. These phenomena are many-sided, comprise enough common characteristics which contribute to their contingency.

Key-words: human rights; the rights of a citizen; correlation of notions; theoretical criteria; freedom; responsibility; the legal status of a person; enforcement; extraterritoriality.

References

1. Konstituciya Rossiiskoj Federacii ot 12.12.1993. S izmeneniyami i dopolneniyami na 30.12.2008 goda. – M.: E'ksmo, 2010. – 32 s.
2. Semejny'j Kodeks Rossiiskoj Federacii ot 29.12.1995. S izmeneniyami i dopolneniyami na 10.03.2010 goda. – M.: E'ksmo, 2010. – 112 s.
3. Trudovoj Kodeks Rossiiskoj Federacii ot 30.12.2001. S izmeneniyami i dopolneniyami na 10.04.2010 goda. – M.: E'ksmo, 2010. – 320 s.
4. Uголовно-processualny'j Kodeks Rossiiskoj Federacii ot 18.12.2001. S izmeneniyami i dopolneniyami na 01.03.2010 goda. – M.: E'ksmo, 2010. – 320 s.
5. Voevodin L.D. Yuridicheskij status lichnosti v Rossii / L.D. Voevodin. – M.: MGU; Izdatelskaya gruppa INFRA–M; NORMA, 1997. – 304 s.
6. Gluxareva L.I. Prava cheloveka. Gumanitarny'j kurs: uchebnoe posobie / L.I. Gluxareva. – M.: Logos, 2002. – 176 s.
7. Gluxareva L.I. Prava cheloveka v sovremennom mire / L.I. Gluxareva. – M.: Yurist, 2003. – 304 s.
8. Grazhdanskije prava cheloveka. Sovremennyy'e problemy' teorii i praktiki / Pod. red. d-ra yurid. nauk, prof. F.M. Rudinskogo. – M.: MIR, 2006. – 478 s.
9. Kosareva I.A. Nekotorye polozheniya sovremennogo prava Kitaya: monografiya / I.A. Kosareva. – Habarovsk: RIZ HGAEP, 2006. – 92 s.
10. Teoriya gosudarstva i prava: Kurs lekcij / Pod ped. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. – M.: Yurist, 2006. – 768 s.
11. Farber I.E. Svoboda i prava cheloveka v Sovetskom gosudarstve / I.E. Farber. – Saratov: SGU, 1974. – 187 s.

Ю.В. Гаврилова

**Материалы межвузовской конференции
«Права и свободы человека и гражданина:
теоретические аспекты и юридическая
практика»**

Материалы представляют собой краткий обзор научных докладов, представленных видными российскими учеными на пленарном заседании, и перечень программ научных секций в рамках конференции, посвященной памяти выдающегося ученого и педагога профессора, доктора юридических наук Ф.М. Рудинского, внесшего значительный вклад в науку прав человека.

Ключевые слова: права и обязанности человека; Европейская социальная хартия; ратификация; права работников; право собственности.

22 апреля 2010 г. на юридическом факультете ГОУ ВПО МГПУ состоялись заседания межвузовской конференции, посвященной памяти Феликса Михайловича Рудинского (1929-2009), доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста РСФСР. На юридическом факультете профессор Ф.М. Рудинский способствовал созданию кафедры Прав человека и научной школы исследователей данной проблематики.

На заседаниях конференции обсуждались проблемы конституционного права, личных прав, свободы совести, составлявшие сферу научных интересов Ф.М. Рудинского и его единомышленников, а также другие вопросы в рамках приоритетного направления исследований факультета, каким является проблематика прав человека.

На пленарном заседании с научными докладами выступили **С.А. Глотов**, д.ю.н. профессор Российского государственного социального университета; д.ю.н., профессор Московского городского педагогического университета **Т.М. Пряхина** и д.ю.н., профессор Московского городского педагогического университета **Д.А. Пашенцев**.

С.А. Глотов и Т.М. Пряхина затронули разные аспекты проблемы, связанной с ратификацией Российской Федерацией Европейской социальной хартии. В своем

докладе **«Европейская социальная хартия (пересмотренная): долгий путь к ратификации»** С.А. Глотов напомнил, каким длительным был этап внутриведомственных согласований, который пришлось пройти с момента присоединения России к Хартии 14 сентября 2000 года до принятия Государственной Думой Федерального закона «О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года» 20 мая 2009 года, в дальнейшем одобренного Советом Федерации и подписанного Президентом Российской Федерации. Столь продолжительный промежуток времени не может не вызвать вопросов в связи с тем, что основополагающие документы Совета Европы были ратифицированы еще в 1998 году, а также со значимостью Хартии, составляющей наряду с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, единый механизм защиты прав человека. Кроме того, промедление со стороны российских властей сложно объяснить объективными причинами. Министр здравоохранения и социального развития Т.А. Голикова, официальный представитель Президента Российской Федерации по данному законопроекту, отмечала, что принимаемые Россией обязательства по статьям и пунктам Хартии не содержат правил, не предусмотренных российским законодательством, и не повлекут дополнительных расходов из бюджета.

С.А. Глотов отметил высокую значимость факта ратификации Хартии, поскольку государство обязано проводить политику в социальной сфере с учетом всех прав и принципов, закрепленных в данном документе, в том числе выступающих в качестве целей. Внимание докладчика также было обращено на выбор статей и пунктов Хартии, по которым Российская Федерация приняла на себя обязательства и должна была наряду с другими государствами-членами Хартии регулярно представлять доклады. Также было отмечено отсутствие в их числе статей, закрепляющих обязанность Сторон обеспечить эффективную защиту права работников зарабатывать себе на жизнь свободно выбираемым трудом; создавать или развивать для всех работников бесплатные службы по трудоустройству (несмотря на фактическое наличие подобных служб в России); право работников на вознаграждение за труд, которое позволит обеспечить им и их семьям достойный уровень жизни и многих других.

По мнению С.А. Глотова, выполнение Россией обязательств, предусмотренных Европейской социальной хартией, связано с определенными трудностями, преодоление которых будет зависеть от эффективности мер, принимаемых государственной властью, а также от поведения гражданского общества.

Т.М. Пряхина (**«Конституционно-правовые проблемы ратификации Российской Федерацией Европейской социальной хартии»**) отметила закономерность данного этапа интеграции России в европейское правовое и экономическое пространство, его значимость для дальнейшего проведения социальных реформ в нашей стране. Докладчик указала, что даже в статусе не вступившего в силу международного договора Хартия оказывала влияние на правовую систему России. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях о кон-

ституционности действующего законодательства ссылаясь на нормы еще не ратифицированной Европейской социальной хартии.

В настоящее время, по мнению докладчика, можно говорить о серьезных конституционно-правовых и международных последствиях ратификации Хартии, несмотря на вышеуказанный ограниченный выбор прав, подлежащих безусловной реализации и обеспечению со стороны Российской Федерации. Помимо предоставления дополнительных гарантий защиты социальных и экономических прав, значение Хартии заключается в раскрытии социального потенциала Конституции Российской Федерации, обосновании нового понимания юридических обязательств России как социального государства. Дальнейшее проведение реформ, без которых невозможно действительное воплощение в жизнь нормы о достойном уровне жизни, должно основываться на всех положениях Европейской социальной хартии и предполагать различные меры государственной социальной поддержки с целью охраны достоинства личности во всех сферах, в том числе в области материального и экономического благополучия.

Т.М. Пряхина также обратила внимание на необходимость системного подхода к оценке взаимодействия международного и внутригосударственного права в связи с ратификацией Европейской социальной хартии. Статья 32 «Отношения между Хартией и внутренним правом или международными соглашениями» установила принцип непротиворечивости ее положений положениям внутреннего права, двусторонних или многосторонних договоров, конвенций или соглашений, которые уже вступили в силу или могут вступить в силу и которые будут более благоприятными для лиц, находящихся под их защитой. Таким образом, предполагается применение государством тех норм, которые расширяют перечень прав человека или повышают степень их правовой защищенности. По мнению Т.М. Пряхиной, необходимо распространить принцип наибольшего благоприятствования при выборе используемого права на всю гуманитарную сферу.

В отличие от предыдущих докладчиков Д.А. Пашенцев (**«Диалектика прав и обязанностей в правовом статусе личности: историко-правовой подход»**) отметил важность не только прав человека, но и его обязанностей, устанавливающих взаимную ответственность личности и общества, личности и государства. В Европе со времени распространения принципов либерализма как направления политико-правовой мысли акцент ставится именно на правах, а обязанности отодвигаются на второй план, что прослеживается и во многих международных договорах, и в современной научной литературе, посвященной правовому статусу личности. Докладчик назвал подобный подход не вполне правильным. Следует обратить внимание на идею обязанностей человека, которая занимает не последнее место в восточных государствах, в первую очередь мусульманских. Однако на проблему соотношения прав и обязанностей можно смотреть и с другой точки зрения.

По мнению докладчика, права и обязанности взаимосвязаны: праву человека соответствует обязанность государства и наоборот; только исполняя

обязанности, личность приобретает свои права. Следовательно, права обусловлены обязанностями и носят вторичный характер. Так, право на социальную помощь, без реального предоставления которого в России немыслимо дальнейшее развитие социальной сферы в соответствии с общепризнанными международными стандартами, не может быть реализовано без обязанности платить налоги. Государство в таком случае выступает субъектом, который аккумулирует сумму исполненных индивидами обязанностей и направляет их на реализацию прав. Невыполнение обязанности по уплате налогов, в частности, приводит к недостатку средств в государственном бюджете, затрудняющему предоставление социальных прав необеспеченным категориям граждан. Не случайно данная обязанность входит в число основных, конституционных обязанностей, которые направлены на защиту важнейших социальных ценностей, развитие общества и реализацию личных интересов не только в Российской Федерации, но и других странах мира.

Д.А. Пашенцев также отметил, что обязанность представляет собой ограничение прав и свобод личности. Так, государство, обязывая человека платить налоги, ограничивает его право собственности. Ограничению подвергаются и другие фундаментальные права. При этом подобное ограничение представляет собой компромисс между правами человека и общественной необходимостью, то есть между одними и другими интересами личности. Диалектика взаимоотношений прав и обязанностей зависит от политического режима конкретного государства.

В рамках конференции состоялись заседания 5 научных секций, программа выступлений на которых публикуется ниже.

Секция № 1. «Права человека и интересы общества: исторические и теоретические аспекты проблемы»

Северухин Владимир Александрович, кандидат юридических наук, профессор. Московский городской педагогический университет. «Подходы к пониманию государственности».

Куракина Юлия Владимировна, старший преподаватель. Московский городской педагогический университет «Права человека и права гражданина: теоретические вопросы взаимодействия».

Волкова Марина Валерьевна, соискатель кафедры теории государства и права. Московский городской педагогический университет. «Конституционно-правовая модель как целенаправленная система».

Цветкова Екатерина Александровна, выпускница юридического факультета Московского городского педагогического университета. «Влияние принципа свободы совести на формирование и развитие американской государственности (на примере клятвы верности американскому флагу)».

Секция № 2. «Проблемы терминологии в российском законодательстве»

Бурьянов Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель. Московский городской педагогический университет. «О влия-

нии понятийного аппарата на состояние безопасности личности, общества, государства в Российской Федерации».

Романова Галина Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель. Московский городской педагогический университет. «Некоторые проблемы применения норм гражданского и земельного законодательства при возникновении прав на землю».

Тарсамаева Наталья Юрьевна, старший преподаватель. Московский городской педагогический университет. «Правовые основы управления муниципальными финансами».

Ездакова Анастасия Андреевна, аспирант кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин. Московский городской педагогический университет. «Конституционная презумпция знания закона».

Николашвили Майя Александровна, магистрант. Московский городской педагогический университет. «Проблемы официального перевода международных актов».

Сидоренкова Юлия Борисовна, аспирант кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин. Московский городской педагогический университет. «О понятии государственных услуг».

Секция № 3. «Свобода совести»

Арутюнов Михаил Георгиевич, президент Международной правозащитной ассамблеи. «Свобода совести и права человека».

Бурьянов Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель юридического факультета Московского городского педагогического университета, сопредседатель Совета Института свободы совести. «Свобода совести и новейшие тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями. Свобода совести и светскость государства в контексте проблемы обеспечения безопасности».

Егорова Жанна Александровна, Егорова Наталья Сергеевна, студенты 2 курса Российского государственного социального университета. «Конституционные основы свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации: тенденции развития и реализация в современных условиях».

Иванеев Сергей Васильевич, подполковник юстиции, кандидат юридических наук, доцент кафедры Военно-учебного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Сухопутных войск». «Право и правосознание в исламе по проблеме инакомыслия».

Калязин Валентин Иванович, кандидат военных наук, доцент социально-правового факультета ИПССО. Московский городской педагогический университет. «Введение института священнослужителей в Вооруженных Силах Российской Федерации, проблемы и перспективы».

Мозговой Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского городского педагогического университета, сопредседатель Совета Института свободы совести. «Черное воинство» (о священниках в Армии).

Мозговой Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского городского педагогического университета, сопредседатель Совета Института свободы совести. **«Право и террор: свобода совести как заложница «международного терроризма».**

Николаев Александр, студент 2 курса Российского государственного социального университета. **«Социальное партнерство государства и религиозных объединений: проблемы правового регулирования».**

Петраш Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, академик РАЕН. **«Социально-философские проблемы клерикализма».**

Попова Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Российского государственного социального университета. **«Конституционные аспекты защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере свободы совести».**

Рыжов Леонид Григорьевич, кандидат философских наук, доцент, эксперт Центра военно-религиозных исследований. **«Свобода совести в современной России».**

Рябинина Елена Зусьевна, руководитель программы Института прав человека. **«Свобода совести и права мусульман в России».**

Савва Сулака Сергеевич, старший преподаватель. Московский городской педагогический университет. **«Свобода совести и светскость государства: вопросы теории и практики».**

Секция № 4. «Проблемы правового регулирования личных, социально-экономических прав и прав на судебную защиту».

Зайцев Иван Федорович, кандидат юридических наук, доцент. Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова. **«Права и свободы человека: субъективное право или декларация?»**

Конева Елена Михайловна, кандидат юридических наук, доцент. Московский городской педагогический университет. **«Решения Европейского суда по правам человека, связанные с защитой интеллектуальных прав».**

Панкратова Инга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент. Московский городской педагогический университет. **«Решения Европейского суда по правам человека как основание для пересмотра решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов по вновь открывшимся обстоятельствам».**

Рязанов Евгений Енкирович, кандидат юридических наук, доцент. Московский городской педагогический университет. **«Взыскание процентов за задержку возврата налога с налогового агента по налоговому законодательству Российской Федерации».**

Секция № 5. «Реализация уголовной политики Российской Федерации и защита прав и свобод граждан».

Путинцев Владимир Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель. Московский городской педагогический университет. **«Обезображение лица»**

Данелян Рита Суменовна, кандидат юридических наук, доцент. Московский городской педагогический университет. **«Эффективность мер уголовно-правового воздействия в решении задачи охраны прав и свобод человека и гражданина».**

Волков Роман Владимирович, аспирант. Московский городской педагогический университет. **«Особенности ювенальных технологий в городе Москве».**

Рыбкин Андрей Николаевич, соискатель. Московский городской педагогический университет. **«Границы полномочий органов внутренних дел и нарушение прав человека в проводимых оперативных мероприятиях».**

Gavrilova U.V.

The Material of the Interuniversity Conference “The Rights and Freedoms of a Person and a Citizen, Theoretical Aspects and Law Practice”

Materials represent the short review of the scientific reports presented by famous Russian scientists at a plenary session, and the list of scientific sections' programs of the conference devoted to memory of the outstanding scientist and teacher Professor, Doctor of Law, F.M. Rudinsky, who played an important part in development of the human rights science.

Key-words: human rights and duties; the European social charter; ratification; labor rights; the property right.

С.А. Мозговой

**Рецензия на монографию С.А. Бурьянова
«Реализация конституционной свободы
совести и свободы вероисповедания
в Российской Федерации»
(М.: Мир, 2009. – 288 с.)**

Монография С.А. Бурьянова посвящена исследованию актуальных теоретических и практических вопросов реализации свободы совести и свободы вероисповедания в РФ. В исследовании анализируется свобода совести как субъективное право и правовой институт, рассмотрены судебная практика и гарантии реализации. Детальному анализу подвергнуты концептуальные подходы и законодательный процесс в сфере свободы совести и свободы вероисповедания в новейший период российской истории. На основе новой парадигмы предложена принципиально новая концепция совершенствования конституционно-правовой базы реализации свободы совести и свободы вероисповедания.

Ключевые слова: Свобода совести; право человека; правовой институт свободы совести; новая парадигма свободы совести; инновационная концепция реализации свободы совести.

Монография С.А. Бурьянова «Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации», вышедшая под редакцией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста РСФСР Феликса Михайловича Рудинского, является комплексным системным конституционно-правовым исследованием теоретических и практических вопросов реализации свободы совести и свободы вероисповедания в современной России. Это особенно важно в условиях многоконфессиональной и многонациональной страны.

Кроме того, актуальность темы исследования усиливается тенденциями глобализации общественных отношений. В указанном контексте реализация свободы совести и свободы вероисповедания будет способствовать преодолению этноконфессиональных конфликтов и укреплению планетарного сотрудничества цивилизаций, культур и конфессий.

В исследовании анализируется свобода совести как субъективное право и правовой институт, рассмотрены судебная практика и гарантии реализации. Детальному анализу подвергнуты концептуальные подходы и законодательный процесс в сфере свободы совести и свободы вероисповедания в новейший период российской истории.

Автором определено принципиально новое соотношение свободы совести и свободы вероисповедания; разработано авторское определение принципа светскости государства как основной гарантии реализации свободы совести и свободы вероисповедания; предложены новые подходы к совершенствованию правового института свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации; разработана авторская классификация типичных правонарушений в области свободы совести и свободы вероисповедания; обоснованы базовые принципы конфессионально ориентированного образования в государственной и муниципальной школе; на основе анализа исторического опыта и выявленных современных тенденций трансформации законодательства разработана принципиально новая концепция реформирования нормативно-правовой базы реализации свободы совести и свободы вероисповедания; ее значение и перспективы в контексте глобализации.

На основе новой парадигмы разработана современная теоретико-правовая модель свободы совести, устраняющая противоречия основополагающих принципов и понятийного аппарата используемого в процессе правового регулирования свободы совести и свободы вероисповедания.

В частности, С.А. Бурьянов обосновывает необходимость и формулирует основные положения новой правовой концепции реализации свободы совести, состоящей из трех блоков: 1) разработка современной теоретико-правовой модели на основе новой парадигмы; 2) реформирование правового института свободы совести на основе современной теоретико-правовой модели; 3) совершенствование системы гарантий реализации свободы совести на основе принципа мировоззренческого нейтралитета государства.

В качестве основных принципов авторской концепции реализации свободы совести предложены следующие: отказ от противопоставления знания и веры, устранение из системы права некорректного с юридической точки зрения разделительного принципа «верующий-неверующий»; выработка единого максимально широкого определения и содержания свободы совести, свободного от привязки к юридически неопределенному термину «религия»; закрепление развернутого толкования конституционного принципа светскости государства как мировоззренческого нейтралитета в федеральном законе.

Заслуживает одобрения мнение эксперта о том, что «принципы свободы совести и светскости (мировоззренческого нейтралитета) государства не совместимы с выстраиванием иерархии религиозных объединений на основе дискуссионных в религиоведческих науках и заведомо неправовых понятий: «традиционные религии (религиозные организации)» — «нетрадицион-

ные религии (религиозные организации)» — «секты», а применительно к исламу: «традиционный ислам»-«нетрадиционный ислам»-«ваххабизм».

В целом, монография С.А. Бурьянова является одной из наиболее успешных и высококвалифицированных работ последнего времени по проблеме свободы совести. И это не случайно, так как основой этого научного труда явились многочисленные труды и разработки Института свободы совести — российского независимого научно-исследовательского учреждения, находящегося в авангарде современных исследований в области свободы совести и государственно-конфессиональных отношений. Многие положения монографии были апробированы в деятельности Института свободы совести, в ходе многочисленных научных конференций, множестве научных публикаций автора и, что очень важно, в научно-педагогическом процессе в вузах столицы.

Отметим, что с момента основания Института свободы совести коллектив научного учреждения трудился под научным руководством профессора Феликса Михайловича Рудинского. И это не случайно. Ф.М. Рудинский был и остается российским и советским патриархом науки о свободе совести. Именно этой проблеме была посвящена его кандидатская работа «Институт свободы совести по советскому государственному праву», написанная полвека назад. И именно Феликсу Михайловичу принадлежит инициатива чтения курса по свободе совести студентам-юристам. Симптоматично, что этот курс явился связующим звеном конституционного права и прав человека. Научные традиции, заложенные профессором Ф.М. Рудинским, продолжают его учениками — преподавателями, аспирантами и студентами МГПУ и других вузов страны. Данная монография, написанная одним из учеников Ф.М. Рудинского является результатом такой научной преемственности. И мне как ученику нашего заслуженного учителя приятно об этом писать.

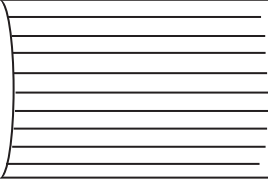
Книга может быть рекомендована для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, депутатов, сотрудников правоохранительных органов, участников правозащитного движения.

Mozgovoy S.A.

The Review about the Monograph by S.A. Buryanov “The Realization of Constitutional Freedom of Conscience and Faith in the Russian Federation”

The monograph by S.A. Buryanov is devoted to the survey of current theoretical and practical issues about freedom of conscience and faith realization in the RF. The freedom of conscience is analyzed as the right and legal institution, court practice and guarantees of realization are examined. Conceptual approaches and law-making process in the sphere of freedom of conscience and faith in the contemporary period of Russian history are studied in detail. Principally new conception of improvement for constitutional and legal base of freedom of conscience and faith realization is offered on the basis of a new paradigm.

Key-words: freedom of conscience; human right; legal institution of freedom of conscience; a new paradigm of freedom of conscience; innovative conception of freedom of conscience realization.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2010, № 2 (6)**

Алисиевич Екатерина Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета Российского университета дружбы народов (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Гаврилова Юлия Вячеславовна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин МГПУ (a.l.f.a@inbox.ru)

Глухов Александр Викторович — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин МГПУ (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Ефимова Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин МГПУ (alisa03@mail.ru)

Звонарев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ (zvonarev_av@mail.ru)

Калязин Валентин Иванович — кандидат военных наук, доцент социально-правового факультета Института психологии, социологии и социальных отношений (Kalazina@yandex.ru)

Котельников Олег Леонидович — аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин МГПУ (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Кривенький Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и прав человека МГПУ (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Крикунова Анна Александровна — старший преподаватель кафедры международного права и прав человека МГПУ (annak1982@yandex.ru)

Кузьмина Алла Владимировна — Депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Куракина Юлия Владимировна — старший преподаватель кафедры международного права и прав человека МГПУ (Kurakina_jv@mail.ru)

Меланченко Игорь Валентинович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права МГПУ (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Мозговой Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета МГПУ, сопредседатель Совета Института свободы совести(StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Никонова Мария Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского института права (МИП) (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Пряхина Татьяна Михайловна — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин МГПУ(StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Розанова Елизавета Владимировна — аспирантка кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин МГПУ (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Ростиславлев Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ (rostislavlev@pochta.ru)

Северухин Владимир Александрович — кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права МГПУ, заслуженный юрист РСФСР(StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Яровая Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ(777@yandex.ru)

Ястребова Алла Юрьевна — Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права факультета юриспруденции Российского государственного социального университета (fautorsa@aha.ru)

Authors / MСPU Vestnik, № 2 (6) – 2010

Alisievich Ekaterina Sergeevna — Ph.D.in Law, Associate Professor of International law at Russian university of peoples' friendship (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Gavrilova Yuliya Vyacheslavovna — Ph.D.in Law, Associate Professor of Constitutional Law and Branch Legal Disciplines Department, MСPU(a.l.f.a@inbox.ru)

Gluxov Aleksandr Viktorovich — assistant professor of Civil Law Department, MСPU (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Efimova Ol'ga Vladimirovna — Ph.D.in Law, Associate Professor of Theory and History of Law and State Department, MСPU (alisa03@mail.ru)

Zvonaryov Andrej Vladimirovich — Ph.D. in History, Associate Professor of Theory and History of Law and State Department, MСPU (zvonarev_av@mail.ru)

Kalyazin Valentin Ivanovich — Ph.D in Military Sciences, Associate Professor of the social-law faculty in the Institute of psychology, sociology and social relations (kalazina@yandex.ru)

Kotel'nikov Oleg Leonidovich — post graduate student of Civil-Law subjects Department, MСPU (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Kriven'kij Aleksandr Ivanovich — Ph.D.in Law, Professor, Chair of International Law and Human Rights department, MSLA. (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Krikunova Anna Aleksandrovna — assistant professor of International Law and Human Rights Department, MСPU (annak1982@yandex.ru)

Kuz'mina Alla Vladimirovna — member of the state Duma, Deputy Chair of the Committee of Public and Religious Associations. (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Kurakina Yuliya Vladimirovna — Assistant professor of International Law and Human Rights Department, MСPU (kurakina_jv@mail.ru)

Melanchenko Igor' Valentinovich — Ph.D.in Law, assistant professor of Theory and History of Law and State Department, MСPU(StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Mozgovoy Sergej Aleksandrovich — Ph.D.in History, Associate Professor of the General History department, History Faculty, MСPU, co-chair of the Institute of Freedom of conscience Council (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Nikonova Mariya Valer'evna — Ph.D.in Law, Associate Professor of Civil-Law subjects Department in Moscow Institute of Law (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Pryaxina Tat'yana Mixajlovna — Ph.D.in Law, Professor of Constitutional law and branch law subjectsDepartment, MСPU. (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Rozanova Elizaveta Vladimirovna — post graduate student of Constitutional law and branch law subjects, MСPU. (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Rostislavlev Dmitrij Aleksandrovich — Ph.D. in History, Associate Professor of Theory and History of Law and State Department, Dean of the Law Faculty GOUVPO MCPU (rostislavlev@pochta.ru)

Severuxin Vladimir Aleksandrovich — Ph.D. in Law, Professor, Chair of Theory and History of Law and State Department, Honoured Jurist of Russia (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Yarovaya Marina Vyacheslavovna — Ph.D. in Law, Associate Professor of Theory and History of Law and State Department, MCPU (777@yandex.ru)

Yastrebova Alla Yur'ievna — Ph.D. in Law, Associate Professor of Constitutional and administrative law department at Russian State Social University (fau-torsa@aha.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а.л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами – в светлом курсивном начертании; греческими буквами – в светлом прямом. **Рисунки** должны выполняться в графических редакторах. **Графики, схемы, таблицы** нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1.-2003 «Библиографическая запись» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: Т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

10. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 2 (6), 2010

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:
Л.Ю. Ильина

Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 07.10.2010 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1 000 экз.